

ДИАНА ГЭБЛДОН

ОГНЕННЫЙ КРЕСТ

КНИГА 1

СВЯЩЕННЫЙ
СОЮЗ

СМОТРИТЕ
СЕРИАЛ -
ЧИТАЙТЕ
КНИГУ!

Чужестранка

Диана Гэблдон

**Огненный крест. Книга
1. Священный союз**

«ЭКСМО»

2001

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гэблдон Д.

Огненный крест. Книга 1. Священный союз / Д. Гэблдон —
«Эксмо», 2001 — (Чужестранка)

ISBN 978-5-699-92632-9

Сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Долгожданное счастье в семье Фрэзер омрачает зарождающаяся гражданская война. Заклятый враг хочет отнять не только их земли, но и покой и мир в их семье. Но Джейми сделает все, чтобы защитить близких. Никому не удастся разрушить их любовь с Клэр. Любовь, которую они пронесли сквозь века и расстояния, которой не страшны пространство и время.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-92632-9

© Гэблдон Д., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Часть первая. In medias res[1]	6
Глава 1. Солнышко на свадьбе – добрая примета	6
Глава 2. Хлеба и рыбы	25
Глава 3. Избыток желчи	39
Глава 4. Подарки к свадьбе	46
Глава 5. Бунтарские настроения	51
Глава 6. За счастье прежних дней!	56
Глава 7. Шрапнель	67
Глава 8. Управляющий	72
Глава 9. Тревожные поветрия	79
Глава 10. Подарки бабушки Бэйкон	84
Глава 11. Гордость	89
Глава 12. Источник силы	95
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Диана Гэблдон
Огненный крест. Книга 1. Священный союз

Diana Gabaldon
The Fiery Cross

© Гавва Н., Парахневич Е., Гусакова К., Галицкая Е., Стрепетова М., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Эта книга посвящается моей сестре, Терезе Гэблдон, вместе с которой мы рассказывали первые истории

Часть первая. In medias res¹

Глава 1. Солнышко на свадьбе – добрая примета

Гора Геликон, королевская колония Северная Каролина Конец октября 1770-го

Я проснулась под шорох дождя, барабанившего по навесу. На мгновение почудилось, будто меня разбудил поцелуем мой первый муж. Рука тут же метнулась к губам – то ли удержать мимолетное ощущение, то ли поскорей его спрятать. Кто знает...

Рядом заворочался Джейми, забормотал во сне, и от накрытых пледом кедровых ветвей, служивших нам постелью, поднялась волна густого древесного аромата. Наверное, призрак из прежней жизни потревожил нас обоих. Я сердито нахмурилась, глядя из-под навеса в пустоту. «Уходи, Фрэнк».

Снаружи было еще темно, однако над влажной землей вился серебристый туман; до рассвета оставалось совсем немного. И хотя все вокруг по-прежнему крепко спали, мне никак не удавалось стряхнуть с себя знакомый насмешливый взгляд, легкий, словно едва ощутимое прикосновение.

«Разве ты не пригласишь меня на свадьбу нашей девочки?»

Казалось, слова мне нашептывал далекий голос, или они просто всплыли из глубин подсознания, как тот поцелуй. Я уснула, размышляя о предстоящем празднике, – неудивительно, что во сне мне тоже привиделась свадьба. И первая брачная ночь.

К утру муслиновая сорочка сбилась и перекрутилась вокруг талии, и я принялась расправлять ткань, льнущую к разгоряченной коже. Что же мне снилось, от чего так бросало в жар? Никаких подробностей, только смутные ощущения. Может, оно и к лучшему.

Я перевернулась на шуршащих ветках и придвинулась к теплому боку Джейми. От него пахло костром, виски и другим, едва различимым запахом – сонным, терпким, мужским, как последний гулкий отзвук в мелодии. Я медленно потянулась, прижимаясь к Джейми бедрами. Если он все еще спит или не в настроении, то не заметит моего ненавязчивого намека, а если заметит...

Джейми заметил. Слабо улыбнулся, не открывая глаз, неторопливо огладил меня по спине широкой ладонью и по-хозяйски положил руку на ягодицу.

– М-м-м? – промычал он. – Хм-м-м.

Вздыхнул и снова погрузился в сон. Рука, впрочем, осталась на том же месте.

Я придвинулась еще ближе и окончательно успокоилась. Одного прикосновения Джейми хватило, чтобы прогнать ночные грезы. Да и кроме того, Фрэнк – если это и вправду был он – говорил чистую правду. Бри непременно позвала бы на свадьбу обоих своих отцов, будь у нее такая возможность.

С меня уже слетели остатки сна, но двигаться не хотелось. Снаружи продолжал накрапывать дождь; в такое промозглое утро даже отдаленная перспектива горячего кофе казалась куда менее заманчивой, чем уютный кокон из теплых пледов. Ради кофе придется идти к ручью за водой, разводить костер – господи, хворост наверняка промок, даже если угли еще не погасли, –

¹ В середине дела (*лат.*).

молоть зерна, а потом долго колдовать над котелком. И все это время мокрая трава будет хлестать меня по ногам, а капли с деревьев – падать прямо за шиворот.

Зябко пожившись, я натянула плед повыше и снова принялась размышлять о свадьбе.

Угощение, выпивка... К счастью, тетушка Джейми, Иокаста, возьмет все хлопоты на себя – точнее, все хлопоты возьмет на себя ее чернокожий дворецкий, Улисс. С гостями тоже никаких забот. У нас здесь самое большое сборище шотландских горцев в Колониях – кто же из них по доброй воле пропустит пирушку, где можно поесть и выпить за чужой счет? Официальные приглашения не понадобятся.

У Бри наконец-то будет новое платье, тоже подарок от Иокасты. Из темно-синей шерсти, потому что шелк – слишком дорогая и непрактичная ткань для жителей лесного захолустья. Конечно, раньше я представляла свадьбу Бри совсем иначе: невеста в белом атласе, с цветами в волосах... Увы, в шестидесятых никто и помыслить бы не мог о таком браке.

Интересно, а что сказал бы Фрэнк про мужа Брианны? Наверняка одобрил бы; ведь Роджер был историком, как и он сам. Умный, неунывающий человек, талантливый музыкант и джентльмен, глубоко преданный Брианне и маленькому Джемми.

«Что само по себе заслуживает уважения, – подумала я, бросив укоризненный взгляд в сторону тумана, – учитывая текущие обстоятельства».

«Вот как? Ты все-таки отдаешь должное его поступку?» – Полный иронии голос прозвучал у меня в ушах, словно Фрэнк был рядом и посмеивался над нами обоими.

Джейми нахмурился, крепче ухватил меня за ягодицу и сердито запыхтел во сне.

«Сам знаешь, – мысленно отрезала я. – Я всегда его уважала. Так что просто отвяжись».

Я решительно отвернулась в сторону и положила голову Джейми на плечо, прижимаясь щекой к мягкой сорочке.

В отличие от меня – или, скорее, Фрэнка, – Джейми не видел ничего великодушного в том, что Роджер принял сына Брианны как родного. Для него это был вопрос долга и чести; порядочный мужчина просто не мог поступить иначе. Я знала, что Джейми одолевают и другие сомнения: вдруг Роджер не сумеет прокормить и защитить свою семью в диких лесах Каролины? Конечно, он высок, ладно скроен и не обделен смекалкой, но «шляпа, пояс и меч» для Роджера оставались красивыми словами из старинных баллад, а не верными орудиями любимого ремесла.

Вдруг рука на моей ягодице резко сжалась.

– Саксоночка, – сонно пробормотал Джейми, – ну что ты крутишься, как лягушка в кулаке? По нужде приспичило?

– Ой, ты не спишь!

– Уже нет, – вздохнул Джейми, убрал ладонь с моего зада и со вкусом потянулся. Из-под пледа выглянули голые ступни с широко растопыренными пальцами.

– Извини. Не хотела тебя будить.

– Не переживай, – отмахнулся он. Откашлялся, запустил пятерню в рыжие космы, похлопал ресницами. – Такие сны снились, жуть. Вот что бывает, если замерзнуть в постели.

Он приподнял голову и неодобрительно покосился на свои голые ноги.

– И зачем я снял чулки?

– Что тебе снилось? – осторожно поинтересовалась я, втайне надеясь, что наши сны не совпадают.

– Лошади, – ответил Джейми.

Я с облегчением рассмеялась.

– Кошмар про лошадей? Что же в них такого страшного?

– Сплошной ужас. – Он потер глаза кулаками и потряс головой, сгоняя остатки сна. – Все из-за ирландских королей. Знаешь, что вчера рассказывал Маккензи?

– Ирландских коро... А! – Я вспомнила, о чем он говорил, и снова рассмеялась. – Да, знаю.

Накануне Роджер, светясь от гордости по поводу своей помолвки, долго развлекал компанию у костра разными песнями, стихами и историческими анекдотами, в том числе и про ритуалы коронации древних ирландских монархов. Согласно одному из них, успешный претендент на королевское звание должен был прилюдно совокупиться с белой кобылой – предположительно, чтобы доказать подданным свою мужскую силу. Хотя лично я была склонна считать, что это больше похоже на проверку самообладания.

– Я должен был привести им лошадь, – сообщил Джейми, – но все пошло наперекосяк. Этот будущий король оказался слишком мелким, и мне пришлось искать ему какую-нибудь приступку. Нашел камень, но не смог сдвинуть с места. Потом отыскал скамейку – она развалилась у меня в руках. Потом попытался сложить помост из кирпичей – они раскрошились в пыль. В конце концов подданные сказали, что они разберутся сами и просто отрежут кобыле ноги, а будущий король, пока я пытался их отговорить, дергал себя за штаны и ныл, что никак не может расстегнуть пуговицы. Потом кто-то заметил, что кобыла не белая, а черная и это вообще никуда не годится.

Я фыркнула, уткнувшись лицом в его рубашку, чтобы не разбудить соседей.

– Тут-то ты и проснулся?

– Нет. Почему-то я страшно обиделся за кобылу. Сказал им, что она вполне подходит и что черные лошади гораздо лучше белых, потому что у белых лошадей слабые глаза и жеребенок может родиться слепым. Они в ответ твердили, что черная кобыла – к несчастью, а я доказывал, что нет... И...

Он кашлянул.

– И?

Джейми пожал плечами и отвел взгляд. Шея у него слегка покраснела.

– Ну так вот... Я сказал, что кобыла отличная. И что я сейчас им всем покажу, как надо. Ухватил ее сзади покрепче, чтоб не дергалась, и уже собрался... кхм... стать королем Ирландии. Вот тут-то я и проснулся.

Я фыркнула, давась от хохота; бок Джейми тоже вздрагивал от смеха.

– Ох, прими мои извинения! Такой сон спугнула. – Я утерла глаза уголком пледа. – Огромная потеря для Ирландии. Но мне все-таки интересно, что об этом ритуале думали ирландские королевы? – задумчиво добавила я.

– А чего им думать? Лошади с дамами не идут ни в какое сравнение, тут можно не беспокоиться. Хотя слышал я про удальцов, которые предпочитали...

– Я не об этом! А как же гигиена? Сам понимаешь, одно дело запрягать телегу впереди кобылы. Но вот кобылу впереди королевы...

– Телегу? А, хм, ясно. – Джейми и так уже раскраснелся от смеха, после этих слов румянец на его щеках стал еще ярче. – Что бы ты ни говорила про ирландцев, саксоночка, я все равно считаю, что они хоть изредка да моются. А уж при таких обстоятельствах королю наверняка бы понадобился кусок мыла в... в...

– *In medias res*? – вставила я. – Наверяд ли. В конце концов, лошади – довольно крупные животные...

– Дело тут не столько в тесноте, сколько в готовности, саксоночка, – Джейми укоризненно взглянул на меня. – В такой обстановке любому мужчине потребуется небольшое поощрение. И это всегда будет *in medias res*. Ты что, Горация не читала? И Аристотеля?

– Не всем же быть такими образованными. Не хотелось мне тратить время на Аристотеля. Хватило его классификации животного мира, в которой женщины оказались на пару ступенек ниже червей.

– Сразу видно, что у него не было жены. – Пальцы Джейми скользнули вверх по моей спине, перебирая позвонки сквозь тонкую ткань рубашки. – Иначе заметил бы, что вы куда костлявее червяков.

Я улыбнулась и погладила его по острой бледной скуле над рыжей щетиной.

Снаружи начинало светать; голова Джейми темным силуэтом маячила на фоне навеса, но лицо было хорошо различимо. Обжигающий взгляд напомнил мне о том, зачем Джейми снял чулки, укладываясь спать, – хотя после долгого празднования мы оба так измотались, что просто уснули в обнимку.

Запоздалое воспоминание почти прогнало тревогу: стало ясно, почему сорочка так сбилась за ночь и откуда взялись странные сны. Но тут к нам под плед проник ледяной сквозняк, и по коже побежали мурашки. Все-таки Фрэнк с Джейми были совсем разными, и я точно знала, кто целовал меня в утренних грезах.

– Поцелуй меня, – внезапно велела я Джейми. Зубы мы еще не чистили, но он послушно скользнул губами по моим губам, а когда я притянула его поближе, приподнялся на одной руке, чтобы расправить сбившийся в ногах плед.

– Даже так? – улыбнулся он, когда я наконец убрала ладонь с его затылка. Голубые глаза сощурились в полумраке. – Я не против, саксоночка. Только сначала надо сходить кое-куда.

Джейми отбросил плед и встал с постели. Снизу мне открылся необычайный вид с увлекательной перспективой, полускрытой под длинным подолом сорочки. Оставалось надеяться, что эта перспектива не имела никакого отношения к кошмару про лошадей. Но тут уж лучше не спрашивать.

– Не задерживайся, – сказала я. – Светает, соседи скоро проснутся.

Он кивнул и выскользнул наружу. Я лежала, прислушиваясь. Вдалеке раздавались слабые крики птиц, но осень есть осень: такого оглушительного утреннего гомона, как летом и весной, сейчас не дождешься даже после рассвета. Лагерь еще спал, хотя с разных сторон уже начали доноситься первые едва слышные шорохи.

Я взбила волосы пальцами и перекатилась на живот, ища флягу с водой. В спину дохнуло холодом – я обернулась, но ничего не увидела; туман уже растаял, утро казалось спокойным и серым.

Золотое кольцо вернулось на свое законное место прошлой ночью, однако по-прежнему казалось чужеродным и непривычным. Все-таки слишком много времени прошло. Может, кольцо и стало причиной, по которой Фрэнк посетил мои сны. Может, сегодня на свадебной церемонии я вновь прикоснусь к золотому ободку в надежде, что он сумеет увидеть, как счастлива его дочь. Но пока что Фрэнка рядом не было, и я радовалась своей удаче.

Откуда-то донесся звук, слабый, как далекие птичьи крики. Тихонько захныкал ребенок спросонья.

Раньше я считала, что, как бы ни сложилась судьба, на супружеском ложе места хватит только двоим. Я и теперь так думала, но одно дело – призрак старой любви и совсем другое – чужой ребенок. На ложе Брианны и Роджера всегда будет присутствовать третий, и с этим ничего не поделаешь.

Край навеса приподнялся, и внутрь заглянул Джейми. Вид у него был взволнованный и тревожный.

– Вставай-ка, Клэр, – сказал он. – У ручья собрался отряд солдат. Где мои чулки?

Я резко села на постели. Издалека от подножия горы донесся раскатистый барабанный бой.

* * *

В низинах клубился холодный туман; косматое облако опустилось на вершину Геликона, как наседка на яйцо, и воздух потяжелел от влаги. Я сонно шурилась, разглядывая берег ручья, где во всем своем блеске выстроилось подразделение 67-го хайлендского полка: барабаны гремели не умолкая, а волынщик гордо раздувал щеки, не обращая внимания на дождь.

Я страшно замерзла и была зла. Предполагалось, что день будет складываться совершенно иначе: сначала горячий кофе и плотный завтрак, потом две свадьбы, трое крестин, две операции по вырыванию зубов и одна по удалению ногтя и прочие увлекательные общественные дела, при выполнении которых нельзя обойтись без виски.

Вместо этого мне снились странные сны, а потом меня выдернули из постели в самом разгаре любовных утех – *in medias res*, черт бы его побрал! – и заставили слушать какое-то официальное объявление. Под холодным дождем, без кофе.

Горцы медленно стягивались со всего лагеря, неторопливо брели по склону, и волынщик успел изрядно покраснеть, выводя призывный сигнал. Наконец он надул щеки в последний раз и закончил очередную трель немелодичным сипением. Не успело затихнуть эхо, как лейтенант Арчибальд Хэйз вышел и встал впереди строя.

Лейтенант говорил с гулким фэйфским акцентом, и ветер дул ему в спину. Но те, кто стоял выше на склоне, все равно ничего толком не слышали. Зато у подножия, всего в двадцати ярдах от ручья, я различала каждое слово, несмотря на громкий стук собственных зубов.

– Указ его превосходительства Уильяма Триона, эсквайра, генерал-капитана Его Величества, губернатора и главнокомандующего нашей провинции, – читал Хэйз. Ему приходилось изрядно поднапрячь легкие, чтобы перекрыть шум ручья и гомон толпы.

Деревья и скалы увязали в густом тумане, с неба сыпался ледяной дождь пополам со снегом, порывистый ветер пробирал до костей. Левая нога напоминала о себе тупой болью – ныл старый сросшийся перелом. Тот, кому по душе красивые метафоры и мрачные предзнаменования, мог бы провести очевидные параллели между унылым ненастьем и губернаторской прокламацией: перспективы в обоих случаях открывались зловещие.

– До меня дошли сведения, – вещал Хэйз, сурово глядя на толпу поверх документа, – о неслыханных событиях, имевших место 24-го и 25-го числа прошлого месяца в городе Хиллсборо, где во время заседания Верховного окружного суда состоялось сборище бунтарей и иных возмутителей общественного порядка с целью протеста против справедливых действий правительства; в нарушение закона своей страны вышеупомянутые лица атаковали члена Королевского суда, находившегося при исполнении обязанностей, причинили разнообразные увечья гражданам, присутствовавшим во время заседания, а также нанесли неисчислимое множество оскорблений правительству Его Величества, верша бесчинства над жителями упомянутого города и их имуществом, провозглашая тосты во славу Претендента и проклиная своего законного суверенного короля Георга...

Хэйз остановился, чтобы перевести дух перед следующим пассажем. Шумно втянул воздух и продолжил:

– ...и дабы предать суду злоумышленников, связанных с этими возмутительными деяниями, с одобрения совета Его Величества я издаю настоящую прокламацию, согласно которой все мировые суды обязаны провести надлежащее расследование вышеизложенных преступлений и получить показания под присягой ото всех лиц, располагающих сведениями об указанных событиях; полученные сведения надлежит передать мне для предоставления Генеральной ассамблее в Нью-Берне 30-го числа следующего месяца, а до тех пор ассамблея считается распущенной с целью незамедлительного разрешения общественных вопросов.

Последний глубокий вдох. Лицо Хэйза по цвету могло соперничать с лицом волынщика.

– Издано за моей подписью и скреплено печатью провинции в Нью-Берне 18 октября на десятый год правления Его Величества, 1770 год от Рождества Христова. Подписано Уильямом Трионом, – завершил свою речь Хэйз, выдохнув целое облако пара.

– Знаешь, – сказала я Джейми, – по-моему, это было одно предложение, не считая концовки. Такое не всякому политику по зубам.

– Тише, саксоночка, – ответил он, по-прежнему не отводя глаз от Арчи Хэйза. За нашими спинами увлеченно и сосредоточенно гудела толпа, кое-где раздавались сдержанные смешки по поводу крамольных тостов.

Многие из собравшихся здесь шотландцев отправились в колониальную ссылку после восстания Стюарта, и если бы Арчи Хэйз решил донести до своего начальства все те разговоры, которые велись накануне вечером за стаканчиком доброго эля и виски... С другой стороны, у Арчи было всего четыре десятка солдат, так что свое мнение о короле Георге и проклятиях, посылаемых в его адрес, он мудро держал при себе.

На зов барабанов к маленькому плацдарму на берегу ручья пришли четыре сотни горцев. Мужчины и женщины укрывались от непогоды под деревьями, кутались в пледы и арисэды. Судя по тому, как застыли лица под беретами и раздуваемыми ветром шарфами, они тоже предпочитали не высказывать своих мыслей вслух. Разумеется, причиной тому могла служить не только разумная осмотрительность, но и ледяной дождь. От холода у меня онемели щеки и кончик носа, а ног я не чувствовала с самого рассвета.

– Любой, кто желает сделать заявление касательно этого вопроса, может обратиться ко мне, – объявил Хэйз, сохраняя невозмутимое выражение лица, как и полагалось представителю власти. – Сегодня я буду принимать посетителей у себя в шатре до самого вечера. Боже, храни Короля!

Он вручил прокламацию капралу, поклонился напоследок толпе и лихо повернулся к огромному шатру, установленному у самой кромки леса. Рядом с шатром на ветру трепетали полковые знамена.

Я поежилась от холода и ухватила Джейми под локоть, просунув руку в разрез его плаща; пальцам тут же стало тепло. Джейми на секунду прижал локоть к боку, отвечая на мое ледяное прикосновение, однако головы не повернул. Щурясь от ветра, он провожал взглядом удалявшуюся спину Арчи Хэйза.

Лейтенант был человеком невысоким и коренастым, но, несмотря на маленький рост, вид имел внушительный и двигался к своей цели так, будто бы вовсе не замечал окружавшей его толпы. Он скрылся в глубине шатра и оставил вход открытым для всех желающих.

Уже не в первый раз я, против собственной воли, подивилась политическому чутью губернатора Триона. Прокламацию читали по всем городам и деревушкам колонии, и перед горским сборищем его гневное послание мог бы озвучить любой местный судья или шериф. Но губернатор поручил это Хэйзу.

В возрасте двенадцати лет Арчибальд Хэйз наравне с отцом сражался при Куллодене. Получив ранение, он попал в плен и был отправлен на юг, где ему предложили выбор: уехать в ссылку или поступить на королевскую службу. Арчи выбрал армию и с тех пор трудился не покладая рук. Когда он стал офицером, ему еще не исполнилось сорока; по тем временам это было довольно необычным делом, поскольку офицерское звание чаще покупали, а не зарабатывали честной службой.

Арчи умел располагать к себе собеседников и был настоящим мастером своего дела. Накануне вечером мы пригласили его отужинать с нами. Сначала он долго разговаривал с Джейми, а потом начал переходить от костра к костру, знакомясь с главами всех важных семейств, присутствовавших на Сборе.

Интересно, чья это была идея? Я задумчиво посмотрела на Джейми. Длинный прямой нос покраснел от холода, глаза прищурены, лицо невозмутимое – никак не угадать, что творится

у него в голове. Явный признак того, что затевается какая-то опасная авантюра. Неужели он знал о прокламации заранее?

Если бы такую новость принес английский офицер, командующий отрядом английских солдат, его призыв вряд ли бы нашел отклик в сердцах нашего сборища. Хэйз с облаченными в тартан бойцами – совсем другое дело... Я заметила, что его шатер поставили у густой сосновой рощи, чтобы все желающие побеседовать с лейтенантом без лишних свидетелей могли подойти к нему незаметно.

– Хэйз всерьез думает, что виновные гурьбой побегут сдаваться прямо на месте? – пробормотала я. Среди собравшихся здесь я могла назвать не меньше дюжины удальцов, которые отметились в Хиллсборо; трое из них стояли на расстоянии вытянутой руки от нас.

Джейми проследил за моим взглядом и сжал мою ладонь, призывая к осторожности. Я сердито нахмурилась: похоже, он решил, что я могу ненароком кого-нибудь выдать. Джейми в ответ одарил меня одной из своих красноречивых улыбок: «Саксоночка, ну ты же прекрасно знаешь – у тебя все на лице написано».

Я придвинулась и украдкой пнула его по лодыжке. На лице-то, может, и написано, но в такой толпе ничего не заметно!.. Джейми даже не поморщился, только улыбнулся чуть шире. Просунул руку мне под плащ и прижал к себе.

Хобсон, Макленнан и Фаулз стояли прямо перед нами, тихонько переговариваясь. Все трое жили в маленькой деревушке под названием Дранкард-Крик, примерно в пятнадцати милях от Фрейзер-Риджа. Хью Фаулз приходился Джо Хобсону зятем, и на вид юноше было не больше двадцати лет. Пока Хэйз читал прокламацию, он изо всех сил старался сохранять невозмутимость, но страшно бледнел и обливался потом.

Никто не знал, как Трион обойдется с бунтарями, чью вину удастся доказать, но я чувствовала, что в толпе начинает бродить тревога, – так бурлит вода, если течение ручья напывается на скалы.

В Хиллсборо было разрушено несколько зданий, чиновников выволакивали на улицу и нещадно колотили. Ходили слухи, что одному мировому судье выбили глаз метким ударом хлыста. Услыхав о таких вопиющих случаях гражданского неповиновения, главный судья Хендерсен выбрался из дома через окно и покинул город, тем самым нарушив все планы на дальнейшее заседание. Ни у кого не возникало сомнений в том, что губернатор крайне недоволен случившимся.

Джо Хобсон покосился на Джейми и тут же отвел глаза: присутствие лейтенанта Хэйза у нашего костра не осталось незамеченным.

Джейми не обратил на него внимания, только пожал плечами и наклонился ко мне.

– Хэйз и не ждет, что народ пойдет к нему с повинной. Его долг – задать нам вопрос. Слава богу, отвечать я не обязан.

Джейми говорил вполголоса, но так, чтобы Хобсон его услышал. Тот обернулся и едва заметно кивнул, криво усмехаясь. Потом тронул зятя за плечо, и они принялись карабкаться вверх по склону – к своему лагерю, туда, где вокруг костров суетились женщины с маленькими детьми.

Настал последний день Сбора, время для венчаний и крестин, когда любовные союзы и их обильные плоды, появившиеся на свет за прошедший год, наконец получают церковное благословение. Прозвучат последние песни, среди ярких костров спляшут последние танцы – хоть в дождь, хоть в бурю. А утром семьи отправятся по домам, разбросанным на огромных просторах от реки Кейп-Фир до диких горных кряжей на западе. Вести о губернаторской прокламации и волнениях в Хиллсборо расплзутся по всей колонии.

Я пошевелила пальцами в промокших ботинках, размышляя о том, что некоторые из собравшихся могут откликнуться на призыв Хэйза и выступить с чистосердечными признаниями и изобличениями. Джейми, конечно, так делать не станет. А вот другие – вполне. За про-

шедшую неделю здесь частенько звучали хвастливые речи о восстании в Хиллсборо, и далеко не все были склонны считать бунтарей героями.

В толпе начали обсуждать прокламацию; головы склонялись друг к другу, семьи сбивались тесными кучками, мужчины переходили от группы к группе, речь Хэйза передавали из уст в уста для тех, кто стоял слишком далеко и ничего не услышал.

– Может, пойдем? Еще столько хлопот перед свадьбой.

– Да? – Джейми покосился на меня. – А я думал, что о еде и напитках будут хлопотать рабы Иокасты. Отдал Улиссу бочки с виски. Из него выйдет отличный *soghan*.

– Из Улисса? А парик он с собой захватил? – Я невольно улыбнулась. Словом «*soghan*» называли человека, который распоряжался выпивкой и закусками на горской свадьбе; в переводе оно означало «добряк и весельчак». Улисс держался с редкостным достоинством и выглядел очень степенно – даже без ливреи и напудренного парика.

– Может, и захватил, да только к вечеру этот парик прилипнет к его макушке. – Джейми посмотрел на тяжелые облака, покачал головой и глубокомысленно отметил: – Хорошая примета, если на свадьбе солнышко, а похороны в дождь.

– Люблю шотландцев, – ехидно сказала я, – у вас на все случаи жизни найдется подходящая поговорка. Даже не думай повторять это в присутствии Бри.

– Саксоночка, да за кого ты меня держишь? – Он изобразил возмущение. – В конце концов, я ее отец!

– Это уж точно.

Я прогнала непрошеное воспоминание о втором отце Брианны и оглянулась по сторонам: вдруг она нас услышит?

Но поблизости не было никаких признаков огненно-рыжей макушки. Брианна, как и Джейми, отличалась немалым ростом и сразу выделялась в толпе.

– У меня полным-полно дел помимо свадьбы, – сказала я, разворачиваясь к Джейми спиной. – Надо разобраться с завтраком, а потом провести утренний прием пациентов с Мюрреем Маклаудом.

– Да? Ты же говорила, что малютка Мюррей шарлатан.

– Я говорила, что он упрямый невежа и представляет собой угрозу для здоровья своих пациентов. Это не совсем одно и то же.

– Н-да, не совсем, – усмехнулся Джейми. – Хочешь обучить его всем премудростям – или сразу отравишь?

– Там видно будет. На крайний случай просто нечаянно наступлю на его ланцет. С половым инструментом Маклауд вряд ли сможет пускать кровь всем подряд. Пойдем скорей, я совсем замерзла!

– Да, пойдем, пойдем... – Джейми покосился на солдат, все еще державших строй вдоль берега. – Я смотрю, малыш Арчи оставил своих ребят караулить, пока толпа не разойдется. Скоро совсем посинеют, бедняги.

Солдаты, несмотря на полное обмундирование и оружие, слегка расслабились и уже не стояли навытяжку. Между ними носились малыши – девчонки не отставали от мальчишек, – норовя задрать подола килтов или, расхрабрившись, хоть кончиком пальца потрогать блестящие ружья, походные фляги и рукоятки кинжалов и палашей.

– Авель, дружище! – Джейми остановился поздороваться с последними горцами из Дранкард-Крик. – Ты успел позавтракать?

Макленнан приехал на Сбор без жены, поэтому питался чем бог пошлет. Все уже расходились к своим кострам, а он упорно стоял под дождем, прикрывая лысеющую макушку красным фланелевым платком. Наверное, хотел напроситься к кому-то на завтрак, цинично решила я.

Потом бросила оценивающий взгляд на его приземистую фигуру: сколько такому понадобится яиц, хлеба и овсянки? Наши запасы провизии подходили к концу, но нехватка еды никогда не была помехой для горского гостеприимства – и уж тем более для Джейми, который как раз приглашал Макленнана на завтрак. Я мысленно разделила восемнадцать яиц на девять человек вместо восьми. Значит, жареные яйца отпадают; придется натереть картошки и испечь оладий. И по дороге к лагерю попросить у Иокасты еще кофе.

Едва мы направились к стоянке, как рука Джейми опустилась мне аккуратно пониже спины. От неожиданности я взвизгнула, и АVELЬ Макленнан с любопытством вытаращил на меня глаза. Я одарила его радостной улыбкой, подавив желание пнуть Джейми еще раз.

Макленнан снова отвернулся и шустро припустил вверх по склону, только пола накидки подпрыгивала над истертыми бриджами. Джейми придержал меня под локоть, помогая перебраться через камни, и наклонился к самому уху.

– Саксоночка, ты совсем с ума сошла? Почему без нижней юбки? – прошипел он. – Так и от простуды помереть недолго!

– Твоя правда, – вздохнула я, передернув плечами, несмотря на теплый плащ. Под платьем у меня была тонкая и поношенная льняная сорочка – летом в такой еще можно ходить, но от зимних ветров она уже не спасала.

– Вчера у тебя была юбка из отличной шерсти! Куда ты ее дела?

– Лучше тебе не знать, – пробормотала я.

Брови у Джейми поползли вверх, однако спросить он ничего не успел: за нашими спинами раздался оглушительный крик.

– Жермен!

Я обернулась и увидела крошечную белокурую макушку, стремительно несущуюся к самым скалам. Двухлетний Жермен воспользовался тем, что внимание матери было полностью занято его новорожденной сестренкой, и рванулся на свободу – туда, где на берегу реки стояли солдаты. Увернувшись от попыток его поймать, малыш помчался вниз с устрашающей скоростью.

– Фергус! – крикнула Марсали. Отец Жермена, беседовавший с другими горцами, обернулся на ее зов. Как раз в это мгновение мальчик споткнулся и кубарем полетел вниз. Не пытаясь ни за что уцепиться, Жермен ловко приземлился на плечо и покатился по травянистому склону, как свернувшийся клубком еж. Пулей пролетел сквозь строй солдат и плюхнулся с каменистого обрыва в воду.

По толпе прокатился испуганный вздох, и несколько человек ринулись к нему на помощь. Ближе всех оказался один из солдат: он опустился на колени, зацепил Жермена штывком за одежду и потащил вымокшего проказника к берегу.

Фергус торопливо сбежал вниз и кинулся в ледяную воду, чтобы подхватить сына.

– Merci, mon ami, mille merci beaucoup, – сказал он, обращаясь к юному солдату. – Et toi, garnement, – продолжил он, слегка встряхнув отчаянно кашлявшего отпрыска. – Comment vas-tu, дурная твоя голова?²

Солдат уставился на Фергуса с ошарашенным видом – то ли из-за необычного в здешних краях французского говора, то ли из-за того, что вместо левой руки у него красовался блестящий металлический крюк.

– Все в порядке, сэр, – застенчиво улыбнулся он, – вроде бы цел.

Неожиданно из-за деревьев появилась Брианна с шестимесячным Джемми на плече и аккуратно забрала у Марсали крошку Джоан.

– Давай-ка ее мне, а сама иди к Жермену.

Джейми снял с себя тяжелый плащ и вручил Марсали.

² Спасибо, дружище, большое спасибо. А ты, негодник? Живой? (франц.)

– Да, и скажи солдатику, который вытащил малыша, что мы будем рады видеть его у нашего костра. Накормим еще одного, саксоночка?

– Конечно, накормим, – откликнулась я, быстро подсчитывая запасы. Восемнадцать яиц, четыре буханки черствого хлеба – нет, три, одну надо оставить на обратную дорогу, – три дюжины овсяных лепешек, если Джейми с Роджером еще их не съели, полбанки меда...

На узком лице Марсали мелькнула измученная улыбка. Она тут же поспешила к своим промокшим и дрожащим от холода мужчинам.

Джейми обреченно вздохнул ей вслед, и ветер раздул рукава его рубашки, шумно хлопнув складками ткани. Он скрестил руки на груди, стараясь укрыться от ледяных порывов, и улыбнулся мне.

– Что ж, если замерзать – так вместе, саксоночка. Все равно без тебя мне жизнь не мила.

– Ха, – ласково ответила я, – даже если ты будешь голышом ходить по льдине, Джейми Фрейзер, с тобой ничего не случится. А вот льдина, скорее всего, растает. И вообще, куда ты дел свой плед и куртку?

На Джейми не было ничего, кроме килта, нижней рубашки, чулок и ботинок. Кончики ушей и высокие скулы уже покраснели от холода, но, снова взяв мужа под руку, я почувствовала, что его бок по-прежнему пышет жаром.

– Лучше тебе не знать, – ответил он, ухмыльнувшись. Накрыл мои пальцы своей большой шершавой ладонью. – Пойдем, умираю с голоду.

– Погоди, – сказала я, шагая в сторону. Маленький Джемми громко возмущался тем, что ему приходится делить мамины объятия с кем-то еще, выворачивался и вопил так, что крошечное личико под вязаной шапкой совсем покраснело. Я забрала извивающийся сверток у Брианны.

– Спасибо, мам, – улыбнулась она, пристраивая Джоан поудобнее. – Может, поменяемся? Джоанни легче его в два раза, да и ведет себя поспокойнее.

– Нет, не надо... Тише-тише, иди к бабушке.

Я улыбнулась своим словам: при мысли о том, что я могу быть чьей-то бабушкой, меня по-прежнему охватывало легкое недоверие. Джемми тут же перестал капризничать, ухватил меня за волосы пухлыми пальчиками и прижался покрепче.

Фергус стоял в промокших бриджах и чулках, накинув на плечи плащ Джейми. Одной рукой он отжимал подол рубашки и что-то говорил солдату, который вытащил Жермена из воды. Марсали сняла с себя арисэд, чтобы укутать сына; ее светлые волосы выбились из-под платка и трепетали на ветру, как невесомая паутинка.

Лейтенант Хэйз выглянул из своего шатра, будто моллюск из раковины, привлеченный шумом и суматохой. Встретился со мной взглядом. Я помахала ему, а потом направилась вслед за семьей к нашему лагерю.

Джейми помогал Брианне перебраться через камни и что-то говорил ей на гэльском.

– Да, я готова, – ответила она по-английски. – А где твоя куртка, пап?

– Одолжил твоему мужу. Негоже, чтобы жених на свадьбе выглядел голодранцем.

Брианна рассмеялась, убирая с лица непослушную рыжую прядь.

– Лучше уж голодранцем, чем самоубийцей.

– Кем-кем? – спросила я, догнав их за скалами. Ветер едва не сбил нас с ног, швырнул в лицо мокрый снег пополам с мелкими камушками, и я натянула вязаную шапочку пониже на уши Джемми, а потом накинула уголок одеяла ему на голову.

– Ух! – Брианна согнулась, закрывая собой малышку. – Роджер как раз брился, когда начали бить барабаны. Едва себе горло не перерезал и залил кровью всю куртку. – Она покоилась на Джейми, щурясь от ветра. – Ты с ним уже виделся? Не знаешь, где он сейчас?

– Цел твой Роджер, не волнуйся. Я велел ему поговорить с отцом Донахью, пока Хэйз читал прокламацию. – Джейми бросил на Брианну сердитый взгляд. – Могла бы сообщить, что он не католик.

– Могла бы, – невозмутимо согласилась она. – Но не сообщила. Католик, не католик, мне без разницы.

– Если ты имеешь в виду, что его вера не имеет значения... – сердито начал Джейми, но тут появился сам Роджер во всем великолепии: килт из бело-зеленого тартана клана Маккензи и плед, наброшенный поверх жилета и куртки Джейми. Куртка пришлась ему впору – Джейми был примерно на дюйм выше Роджера, но тот не уступал ему по ширине плеч. Серая шерстяная ткань шла к его темным волосам и оливковой коже так же хорошо, как и к ярким кудрям Джейми.

– Каков красавец, – сказал я. – Где ты порезался?

Щеки Роджера слегка розовели от недавнего бритья, однако следов крови видно не было. Под мышкой он нес сверток из красно-черного тартана – плед Джейми. Передав его владельцу, Роджер склонил голову набок и показал мне глубокий порез под самой челюстью.

– Вот тут. Неглубоко, но кровь хлестала сильно. Эти бритвы не зря зовутся опасными.

Порез успел покрыться аккуратной корочкой запекшейся крови, темная полоса длиной примерно в три дюйма тянулась от челюсти к горлу. Я осторожно тронула край раны: ничего страшного, лезвие просто вспороло кожу, швы не нужны. Хотя выглядело это так, будто Роджер и вправду собирался перерезать себе горло.

– Что, руки от страха тряслись? – подразнила я. – Передумал жениться?

– Поздно передумывать, – сухо отрезала Брианна, подходя к нам. – Ребенок должен носить имя своего отца.

– Не волнуйся, малыш без имени не останется, – ответил Роджер. – И ты тоже, миссис Маккензи.

Услышав такое обращение, Брианна слегка зарделась и улыбнулась будущему мужу. Он поцеловал Бри в лоб, забирая спеленатого ребенка из ее рук, и тут же ошарашенно уставился на неожиданно легкую ношу.

– Это не наш. – Брианна улыбнулась его испугу. – Это Джоан. А Джемми у мамы.

– Ух, бог ты мой, – выдохнул Роджер, бережно перехватывая сверток. – Я-то уж думал, что он вдруг усох.

Роджер приподнял угол одеяла, взглянул на крошечное личико и расплылся в улыбке – никто не мог остаться равнодушным при виде каштанового завитка, залихватски торчавшего у Джоан на макушке и придававшего ей сходство с игрушечным пупсом.

– Ничего подобного, – пропыхтела я, подхватывая упитанного Джемми поудобнее. Он наконец-то пригрелся и задремал. – Наоборот, пока мы поднимались в гору, этот чертенок, похоже, прибавил еще пару фунтов.

Я слегка отодвинула Джемми от себя, чувствуя, как пылает лицо от быстрой ходьбы и как взмокли растрепанные волосы на затылке.

Джейми забрал у меня малыша и уложил его на сгиб локтя, на манер футбольного мяча, придерживая голову ладонью.

– Поговорил со священником? – покосился он на Роджера.

– Поговорил, – сухо откликнулся тот, заметив скептический взгляд. – Он убедился, что я не антихрист. И если я разрешу окрестить ребенка по католическому обряду, то никаких преград для свадьбы нет.

Джейми неразборчиво хмыкнул, и я подавила улыбку. Религиозными предрассудками он, в общем-то, не страдал. Джейми приходилось сталкиваться, драться бок о бок и командовать самыми разными людьми, но новость о том, что его зять – пресвитерианец и не намерен менять веру, вызвала поток ворчливых комментариев.

Бри поймала мой взгляд и украдкой улыбнулась, по-кошачьи шуря голубые глаза.

– Не упоминать про религию заранее – мудрое решение, – тихонько пробормотала я, чтобы Джейми ничего не услышал. Они с Роджером шли впереди и по-прежнему держались довольно отчужденно, хотя строгий вид слегка портили укутанные в одеяла малыши.

Джемми неожиданно закапризничал, но дед ловко усадил его на плечо, и ребенок притих, глядя на нас круглыми глазами. Одеяло нависло у него над головой, как капюшон. Я скорчила рожицу, и Джемми беззубо улыбнулся.

– Роджер хотел рассказать, я ему запретила. Знала, что папа не станет поднимать шум, если сказать перед самой свадьбой.

Нрав своего отца Брианна изучила очень хорошо, да и по-шотландски изъяснялась довольно бойко. Она была похожа на Джейми не только внешностью и рыжими волосами – Бри унаследовала отцовское здравомыслие и способность к языкам. Однако меня по-прежнему терзало смутное беспокойство, будто я упустила из виду что-то важное про Роджера и религию...

Вскоре мы догнали шедших впереди мужчин, и до нас стали долетать обрывки их разговора.

– ...про Хиллсборо, – говорил Джейми, склонившись к Роджеру и перекрикивая ветер. – Хочет разузнать про бунтарей.

– Ну надо же! – В голосе Роджера звучало любопытство и настороженность. – Дункан Иннес наверняка заинтересуется такими новостями. Он был в Хиллсборо, когда начались беспорядки.

– Я и не знал! – Джейми явно удивился. – На этой неделе мы с Дунканом даже парой слов не перекинулись. Поговорю с ним после свадьбы... если жив останется.

Вечером Дункану предстояло венчание с тетушкой Джейми, Иокастой Кэмерон, и он не находил себе места от волнения.

Роджер обернулся к Брианне, закрывая Джоан от ветра.

– Твоя тетя сказала отцу Донахью, что свадьбу можно провести в ее шатре. Так что нам повезло.

– Бр-р-р! – Брианна втянула голову в плечи и поежилась. – Слава богу! Не хотелось бы венчаться под лесным сводом в такой день.

Словно в подтверждение ее слов, высоченный каштан обрушил охапку мокрых листьев на наши головы. Роджер слегка нахмурился.

– Эх, наверное, не такую свадьбу ты себе представляла, когда была маленькой.

Брианна подняла глаза и расплылась в широченной улыбке.

– В первый раз тоже вышло необычно. Но мне понравилось.

На смуглых щеках Роджера румянец был незаметен, а уши у него и так давно покраснели – от холода. Он хотел что-то ответить, потом наткнулся на взгляд Джейми и захлопнул рот. Вид у него был смущенный и невероятно довольный.

– Мистер Фрейзер!

Я обернулась: вслед за нами по склону холма бежал один из солдат.

– Капрал Макнейр к вашим услугам, сэр, – отрапортовал он, изрядно запыхавшись. – Лейтенант выражает вам свое почтение и просит заглянуть к нему в шатер. – Тут он заметил меня и вежливо склонил голову. – Миссис Фрейзер. Мое почтение, мэм.

– К вашим услугам, сэр! – Джейми учтиво поклонился в ответ. – Передайте лейтенанту мои извинения, я не могу выполнить его просьбу ввиду срочных дел.

Капрал вскинулся, несмотря на любезный тон Джейми. Макнейр был молод, но неглуп, и по смуглому худошавому лицу мелькнула тень понимания: отправиться в шатер к Хэйзу сразу после чтения прокламации, да еще и на виду у всего сборища, – такая идея мало кому придется по вкусу.

– Кроме вас, сэр, лейтенант пригласил к себе Фаркуарда Кэмпбелла, Эндрю Макнила, Джеральда Форбса, Дункана Иннеса и Рэндалла Лиллиуайта.

Плечи Джейми слегка расслабились.

– Вот оно как!

Значит, Хэйз решил посоветоваться с влиятельными жителями: Фаркуард Кэмпбелл и Эндрю Макнил были крупными землевладельцами и исполняли обязанности местных магистратов, Джеральд Форбс служил адвокатом и мировым судьей в Кросс-Крик, Лиллиуайт – магистратом в окружном суде. А Дункан Иннес совсем скоро женится на вдовой тетушке Джейми и станет хозяином крупнейшей плантации на западе колонии. В отличие от всех вышеперечисленных, Джейми не располагал внушительным состоянием и не был официальным представителем королевской власти, зато ему принадлежал обширный, хоть и пустой по большей части, земельный надел в далекой глуши.

Он слегка пожал плечами и пересадил малыша на другую руку.

– Что ж, тогда ладно. Передайте лейтенанту, что я зайду к нему, как только освобожусь.

Такой ответ не обескуражил капрала. Макнейр поклонился и отправился дальше – видимо, на поиски других джентльменов из своего списка.

– Зачем ему собирать вас? – спросила я Джейми. – Ой!

Я утерла подбородок Джемми от слюнок, прежде чем он успел заляпать рубашку деда.

– Кажется, у нас режутся зубки!

– Не знаю, у меня зубов достаточно, – откликнулся Джейми, – да и у тебя вроде все на месте. А вот зачем я понадобился Хэйзу – трудно сказать. И что-то мне пока не хочется выяснять подробности.

Он выразительно приподнял рыжую бровь, и я рассмеялась.

– Ну да, освободиться можно и попозже.

– Я же не назвал точное время, – рассудительно отметил Джейми. – Так, а теперь вернемся к твоей нижней юбке, саксоночка. А то бегаешь по лесу с голым задом... Дункан, дружище!

Ласковая насмешка в глазах Джейми сменилась неподдельной радостью при виде Дункана Иннеса, пробиравшегося к нам через колючие заросли.

Дункан неуклюже перевалился через упавшее дерево – такие трюки тяжело даются человеку, у которого нет левой руки, – и вышел на тропинку рядом с нами, встряхивая мокрыми от дождя волосами. Он уже успел облачиться в свадебный наряд: чистая сорочка с жестко накрахмаленным воротником, килт и алый плащ из тонкого сукна, отороченный золотым кружевом, пустой рукав заколот брошью. Таким элегантным я Дункана еще ни разу не видела, о чем не замедлила ему сообщить.

– Так уж мисс Ио захотела. – Он смущенно отмахнулся от комплимента, как от назойливых капель дождя, и принялся стряхивать с плаща сосновые иголки и чешуйки коры. – Ну и денек выдался, Макдью. – Дункан посмотрел на небо и покачал головой. – Хорошая примета, если на свадьбе солнышко, а похороны в дождь.

– Среднестатистический покойник вряд ли станет переживать о приметах, – пробормотала я, – независимо от погодных условий. – И тут же добавила, поймав недоуменный взгляд Дункана: – Не сомневаюсь, что Июкаста все равно будет счастлива. И вы тоже!

– Да... Да, конечно, – неуверенно ответил он. – Спасибо, мэм.

– Ты так ломился через лес, будто тебе на пятки наступал капрал Макнейр, – сказал Джейми. – Случаем, не к Арчи Хэйзу в гости собираешься?

Дункан ошарашенно посмотрел на Джейми.

– К Хэйзу? Зачем я ему сдался?

– Ты же был в Хиллсборо в сентябре? Саксоночка, забери-ка у меня этого бельчонка. – Джейми передал мне малыша, который решил поучаствовать в беседе и начал карабкаться

по деду, как по дереву, упираясь крошечными ножками и громко побряхтывая. Однако, взяв малыша на руки, я поняла, что Джейми избавился от своей непоседливой ноши по совершенно другой причине.

– Вот уж спасибо, – сказала я и сморщила нос.

Джейми ухмыльнулся и снова обратился к Дункану.

– Закончил свои дела? – Я принялась. – Вижу, еще не закончил.

Джемми зажмурился, покраснел от натуги и издал звук, похожий на приглушенную пулеметную очередь. Я аккуратно заглянула под слои пеленок и тут же торопливо развернула одеяло.

– Господи, и чем же твоя мать тебя кормила?

Обрадовавшись неожиданной свободе, Джемми засучил ножками, как маленькая ветряная мельница, и с него тут же потекло во все стороны.

– Фу-у, – подвела я итог и, удерживая малыша на вытянутых руках, отправилась к ближайшему ручью, благо их на горном склоне было немало. Можно, конечно, прожить без водопровода и автомобилей, но вот без подгузников приходилось туго. Не говоря уже о туалетной бумаге.

Я нашла удобное местечко – там, где берег ручья был усыпан толстым слоем сухих листьев. Опустилась на колени, разложила перед собой подол плаща, поставила Джемми на четвереньки и стащила все пеленки одним комом, даже не расстегнув булавку.

– И-и-и! – завопил он от неожиданности и тут же попытался спрятать свой толстый розовый зад. Вот ведь лягушонок.

– Что, холодно? Погоди, то ли еще будет!

Я сгребла горсть влажной коричневой листвы и вытерла внука. Он перенес эту пытку без громких воплей – только выворачивался из рук да звонко попискивал всякий раз, когда я терла посильнее.

Потом я перевернула Джемми, прикрывая зад ладонью, и быстро обтерла его спереди, чем заслужила широкую беззубую улыбку.

– Такой маленький, а уже настоящий горец, – фыркнула я.

– И что же ты этим хочешь сказать, саксоночка?

Я подняла голову. Джейми стоял у дерева на другом берегу ручья. Яркий тартан и белая рубашка резко выделялись на фоне поблекшей осенней листвы, а бронзовое лицо в обрамлении рыжих кудрей, казалось, принадлежало какому-то лесному духу. Ветер играл с его волосами, как с алыми листьями клена над головой.

– Во-первых, он совершенно не боится холода и сырости, – заявила я, отбрасывая в сторону последнюю пригоршню грязных листьев. – А во-вторых... Мне, конечно, редко доводилось возиться с мальчиками такого возраста, но, по-моему, наш внук развит не по годам.

Джейми ухмыльнулся, посмотрев туда, куда я указывала. Маленький отросток размером примерно с мой палец гордо стоял торчком.

– А, вот ты про что... Много я мальцов повидал, у всех такое бывает время от времени. – Джейми пожал плечами и улыбнулся еще шире. – Хотя, может, это только у шотландских пострелят...

– И с возрастом талант крепчает, смею заметить.

Я кинула пеленки через ручей, и они шлепнулись у ног Джейми.

– Вытащи булавки и прополощи хорошенько.

Джейми сморщил нос, но без возражений подобрал грязный ком двумя пальцами.

– Так вот куда ты дела свою нижнюю юбку, – заметил он.

Я открыла суму, висевшую на поясе, и достала оттуда кусок чистой ткани. Не те отбеленные льняные пеленки, которые держал в руках Джейми, а толстую мягкую шерсть, выкрашенную в бледно-красный цвет смородиновым соком.

Я пожалала плечами и, убедившись, что Джемми больше не собирается устраивать артиллерийский обстрел, быстро спеленала его заново.

– У нас трое малышей, а в такую погоду белье не успевает просохнуть. Нужны чистые тряпки на смену.

Все кусты вокруг лагеря были увешаны развевающимися на ветру пеленками, которые не столько сохли, сколько мокли под дождем.

– Возьми-ка! – Джейми протянул мне булавки прямо через неширокий ручей. Я аккуратно забрала их, стараясь не уронить в воду. Пальцы совсем ооченели и почти не слушались, но разбрасываться булавками – непозволительная роскошь. Бри смастерила их из раскаленной на огне проволоки, а Роджер потом вырезал деревянные головки по ее рисункам. Получились самые настоящие английские булавки, разве что грубоватые на вид. Недостаток у них был один: головки крепились на проволоку клеем, а клей был сварен из молока и соскобленного копытного рога и потому постоянно размокал от воды, так что головки приходилось клеить заново.

Я обернула лоскуты вокруг Джемми, воткнула булавку – и улыбнулась. Бри вырезала на деревянной головке маленькую лягушку с широкой беззубой улыбкой.

– Вот и готово, Лягушонок! – Надежно застегнув импровизированный подгузник, я усадила Джемми к себе на колени, поправила распашонку и попыталась снова завернуть его в одеяло.

– А куда пошел Дункан? В шатер к лейтенанту?

Джейми покачал головой, не отвлекаясь от стирки пеленок.

– Я сказал, чтобы он пока никуда не ходил. Дункан ведь и вправду был в Хиллсборо во время этой суматохи. Лучше подождать. А через некоторое время он с чистой совестью сможет объявить Хэйзу, что здесь нет никаких бунтарей. – Джейми поднял на меня глаза и мрачно улыбнулся. – Во всяком случае, к вечеру их здесь точно не будет.

Я смотрела, как он отжимает выполосканные пеленки. Шрамы на правой руке обычно были совсем незаметны, но от холода кожа покраснела, и они выделялись рваными белыми линиями. От всей этой истории с бунтом мне было слегка не по себе, хотя прямого отношения к нам она не имела.

Мысли о губернаторе Трионе обычно сопровождались легким беспокойством, не более: в конце концов, он жил в своем новом дворце в Нью-Берне, а мы – в маленьком поселении Фрейзер-Ридж, и нас разделяли три сотни миль с прибрежными городками, плантациями, сосновыми лесами, непроходимыми взгорьями и дикими неосвоенными землями. У губернатора было полно забот – самозванные «регуляторы», устраивавшие беспорядки, продажные шерифы и судьи, которые своей подлостью вызывали шквал народного возмущения. Я надеялась, что ему было не до нас.

Однако, как ни крути, Джейми получил право на огромный земельный надел по милости губернатора Триона – и Трион оставил при себе один мелкий, но очень важный факт: Джейми был католиком. А королевские наделы согласно закону назначались только протестантам.

Католическое сообщество в колонии было крохотным и плохо организованным, так что вопрос о религии вставал редко. Никаких отдельных церквей и приходских священников. Отца Донахью пригласили из самого Балтимора, и он проделал этот огромный путь по просьбе Иокасты. Тетушка Джейми и ее покойный муж, Гектор Кэмерон, были весьма влиятельными людьми среди шотландских поселенцев, никому даже в голову не приходило усомниться в их вере. Горцы, с которыми мы праздновали всю неделю напролет, вряд ли подозревали о том, что мы паписты.

Однако скоро тайное станет явным. Помолвка Бри и Роджера длилась уже целый год, и сегодня вечером они наконец обвенчаются вместе с двумя другими католическими парами из Бермертона – и вместе с Иокастой и Дунканом Иннесом.

– А сам Арчи Хэйз католик? – внезапно спросила я.

Джейми развесил пеленки на ближайшей ветке и стряхнул воду с рук.

– Я не спрашивал. Но это вряд ли. Отец его католиком не был, да и не дослужился бы он до офицерского чина с таким багажом.

– Точно, – вздохнула я. Шотландец, без гроша за душой, бывший якобит – и без того удивительно, что Хэйз сумел выбиться в офицеры. Католическая вера только тянула бы его на дно.

И все же меня по-прежнему терзало беспокойство – не из-за Хэйза и его молодчиков, а из-за Джейми. На первый взгляд он был совершенно невозмутим, на губах играла легкая насмешливая улыбка. Но я знала Джейми слишком хорошо. Видела, как подрагивают искаленные пальцы на правой руке, пока он беседовал и перешучивался с Хэйзом прошлым вечером. И даже сейчас между бровей залегла тонкая морщинка, выдававшая внутреннюю тревогу.

Переживал из-за губернаторской прокламации? Но чего тут беспокоиться? Никто из нашей семьи не был замешан в беспорядках в Хиллсборо.

– ...пресвитерианец, – продолжал Джейми. – Как наш малыш Роджер.

Тут мне наконец удалось поймать ускользавшее воспоминание.

– Ты ведь знал! Ты знал, что Роджер не католик. Ты видел, как он окрестил того ребенка в Снейктауне, когда мы... забрали его у индейцев.

Я прикусила язык, но было уже поздно: по лицу Джейми пробежала тень. В тот день мы забрали Роджера и оставили взамен Иэна, любимого племянника Джейми.

Тень мелькнула и пропала. Отогнав тягостные мысли, Джейми улыбнулся.

– Да, знал.

– Но Бри...

– Она бы пошла за него замуж, даже если бы парень был готтентотом, это и дураку понятно. Да и я бы все равно не стал возражать.

– Не стал бы? – удивилась я.

Джейми пожал плечами, перешагнул через ручей и вытер руки подолом пледа.

– Он хороший и добрый малый. Принял малыша как родного, ни словечком не попрекнул любимую. Так и должно поступать мужчине, но не всякий на это пошел бы.

Я невольно покосилась на Джемми, уютно свернувшегося у меня на руках. Иногда я ловила себя на том, что пристально разглядываю эту славную мордашку и пытаюсь понять, кто же его отец.

Брианна обручилась с Роджером, провела с ним ночь – а спустя два дня ее изнасиловал Стивен Боннет. Джемми ничем не походил ни на одного из них, и определить отцовство было невозможно. Вот он сидит у меня на руках, сосредоточенно сосет собственный кулак, макушка покрыта мягким золотисто-рыжим пухом – ни дать ни взять копия деда.

– А с чего тогда вся эта кутерьма с Роджером и священником?

– Свадьбу-то они и так сыграют. Но я хочу, чтобы малыш был католиком. – Джейми бережно положил огромную ладонь на макушку внуку, погладил пальцем рыжие бровки. – Пришлось немножко повозмущаться насчет Маккензи, чтобы они не спорили со мной из-за an gille ruaidh³.

Я рассмеялась и поплотнее укутала Джемми в одеяло.

– Я-то думала, что Брианна обвела тебя вокруг пальца!

– Она тоже так думает, – усмехнулся Джейми. А потом неожиданно склонился и поцеловал меня.

Губы у него были мягкие, теплые и на вкус – как хлеб с маслом. Пахло от Джейми листьями, мужским потом и совсем чуть-чуть – грязными пеленками.

– Неплохо получилось, – одобительно сказала я. – Давай-ка еще раз.

³ Рыжий малый (шотл.).

Лес вокруг нас дышал тишиной. Ни птиц, ни животных, только шорох листьев над головой и плеск ручья под ногами. Постоянное движение, неумолкающие звуки, а среди них – островок покоя. И пусть на склоне горы, совсем недалеко от нас, было полным-полно народу, здесь и сейчас мы остались одни, словно на другой планете.

Я открыла глаза и вздохнула, слизывая с губ медовый привкус. Джейми стряхнул желтый листок с моих волос. Ребенок лежал у меня на руках – тяжелая теплая ноша, центр нашей вселенной.

Мы молчали, не желая тревожить хрупкий покой. «Будто стоим на верхушке юлы, – думала я. – Люди и события мчатся в бесконечной круговерти, шаг в сторону – и ты тоже провалишься в эту гонку. Но здесь, на самом пике, застыла тишина».

Я стряхнула кленовые семена с плеча Джейми, а он поймал мою ладонь и прижал к губам в каком-то яростном порыве. Прикосновение было нежным. Язык мягко скользнул у большого пальца, по холму Венеры, по линии любви.

Джейми поднял голову, и руке сразу стало холодно – как раз на том месте, где белел старый шрам. Буква «джей», вырезанная на коже. Его метка.

Он положил ладонь мне на щеку, и я прижала ее крепче, будто хотела почувствовать поблекшую букву «к» на его руке. Вот так, не сказав ни слова, мы вновь принесли клятву верности, как много лет назад, – в тихой заводи, ища друг в друге опору среди зыбучих песков грядущей войны.

Она нас еще не настигла. Но я уже слышала ее тяжелую поступь в барабанном бое и губернаторской прокламации, видела ее приближение в блеске стали, узнавала знакомый нутряной страх в глазах Джейми.

Несмотря на осенний холод, ладони горели огнем. Мне казалось, будто старый шрам вот-вот вскроется и горячая кровь прольется на землю. Война начнется, ее не остановить.

Но на этот раз я не собиралась покидать своего мужа.

* * *

Мы с Джейми выбрались из лесной чащи на протоптанную дорожку, ведущую к лагерю. Я снова подсчитывала наши запасы и прикидывала, что делать с завтраком: Джейми пригласил к нам еще два семейства.

– Робин Макгилливрей и Джорди Чишолм. – Джейми придержал ветку. – Они собираются поселиться у нас в Ридже. Вот я и решил позвать их к костру.

– Поселиться? – Я нырнула под ветку, которая тут же распрямилась за моей спиной. – Когда? И сколько их будет?

Спрашивала я далеко не из праздного любопытства. На строительство даже самого захудалого домишки требовалось время, а зима уже стояла на пороге – не успеешь оглянуться, как придут холода. Новым поселенцам придется жить в большом доме вместе с нами или ютиться в крохотных хижинах других семейств, разбросанных по всему Фрезер-Риджу. В тяжелые времена горцы могли жить – и жили! – все вместе, по десять человек в одной каморке. Я не была склонна к такому щедрому гостеприимству и надеялась, что нам удастся обойтись без лишних жертв.

– Шестеро у Макгилливрея и восемь человек у Чишолма, – с улыбкой ответил Джейми. – Но Макгилливрей приедут весной. На зиму Робин останется в Кросс-Крике, там нашлась работа для оружейника. А его семья будет жить в Салеме у немецких родственников со стороны жены, пока не потеплеет.

– Ну и хорошо!

Значит, на завтрак придут еще четырнадцать едоков плюс я с Джейми, Роджер и Бри, Марсали и Фергус, Лиззи и ее отец... не забыть бы про Авеля Макленнана... ах да, еще тот солдатик, который спас Жермена! Всего двадцать четыре человека.

– Схожу-ка я к тетушке, попрошу кофе и риса, – объявил Джейми, глядя на мое встревоженное лицо. Усмехнулся и протянул руки, чтобы забрать малыша. – Давай его сюда. Мы отправимся в гости и не будем отвлекать тебя от готовки.

Я проводила их взглядом и полной грудью вдохнула влажный воздух, слушая, как дождь тихонько барабанит по капюшону. Одна, хотя бы ненадолго.

Сборища и горские праздники были мне по душе, но, следовало признать, бесконечное общение начинало действовать на нервы. Круговерть новых лиц, сплетни, ежедневный прием больных, море мелких неприятностей, на которые обречено большое семейство, живущее в общем лагере... Спустя пару-тройку дней я была готова вырыть себе нору под каким-нибудь пнем, чтобы спрятаться от бурной общественной жизни хотя бы на четверть часа.

Издали доносились возгласы, крики и протяжные звуки волынки; сборище, растревоженное губернаторской прокламацией, постепенно возвращалось к обычной жизни, семьи устраивались вокруг костров; на поляну, где проводились состязания, стекались зеваки; горцы перебирались на другой берег ручья, на ярмарку, где в разномастных фургончиках продавали всякую всячину, от лент и посуды до известняка и свежих... кхм, относительно свежих лимонов. Меня там пока что никто не ждал.

Предстоял долгий и трудный день, и это была единственная возможность остаться наедине с собой в ближайшую неделю – дорога домой грозила затянуться надолго, со всем хозяйством, фургончиками и детьми. У большинства наших новых поселенцев не было лошадей и мулов, так что им предстояло преодолеть этот путь пешком.

Мне нужно было собраться с силами и сосредоточиться. Не на огромном совместном завтраке, не на предстоящей свадьбе и даже не на своих больных. Мысли унеслись далеко вперед, к самому дому, минуя все превратности пути.

Фрейзер-Ридж находился в западных горах, далеко от городов и тореных дорог. Мы жили уединенно и нечасто видели гостей. Крохотное поселение постепенно росло; уже три десятка семей решили обосноваться на нашей земле с разрешения Джейми, и с большинством из этих людей он был знаком по Ардсмурской тюрьме. Наверное, Чишолм и Макгилливрей тоже отбыли там свой срок. Джейми стремился помочь бывшим заключенным во что бы то ни стало – пусть даже в ущерб себе.

Мимо бесшумно пролетел ворон, медленно взмахивая потяжелевшими от дождя крыльями. Ворон-ворон, что ты предвещаешь? Беду или радость? Не всякая птица сорвется с места в такую погоду, значит, вести у тебя важные.

Я шлепнула себя по лбу, отгоняя нелепые предрассудки. Поживешь с горцами подольше и начинаешь в каждом булыжнике видеть целое знамение!

И все же... Возможно, это и было знамение. На склоне горы собралось много народа, но я осталась одна, скрывшись за завесой дождя и тумана. И хотя воздух по-прежнему обжигал холодом, я уже успела согреться. Кровь стучала в венах, ладони наливались теплом. Я протянула руку к сосне, стоявшей рядом: на каждой иголочке застыла капля воды, кора намокла и потемнела. Я вдохнула хвойный аромат и коснулась прохладных капель ладонью. Дождь мерно шуршал в гулкой тишине, промокшая одежда липла к коже, как облака к горной вершине.

Когда-то Джейми сказал мне, что не может жить без гор, и теперь я его понимала, хотя и не могла выразить это странное чувство словами. Суетные мысли улеглись, остался лишь голос скал и деревьев – и гулкий удар колокола в сердце горы, где-то у меня под ногами.

Завороженная, я стояла под дождем, позабыв про завтрак, но голоса скал и деревьев исчезли при звуке шагов.

– Миссис Фрейзер!

Арчи Хэйз собственной персоной. В берете и при палаше – рыцарь без страха и упрека. Он вряд ли ожидал увидеть меня посреди тропинки, однако удивления не выказал и только учтиво поклонился.

– Лейтенант, – я вернула поклон. Щеки запылали, будто он застал меня посреди купания.

– Ваш муж где-то неподалеку? – спросил он безукоризненно ровным тоном.

Несмотря на смущение, я насторожилась. Юный капрал Макнейр не смог привести Джейми к Хэйзу. И если гора сама пришла к Магомету, то дело тут непростое. Неужели Хэйз собрался втянуть Джейми в ловлю преступников-регуляторов?

– Не знаю, где он, – ответила я, старательно отворачиваясь в сторону от склона, где среди высоких каштанов виднелся просторный шатер Иокасты.

– Да, дел у него невпроворот, – спокойно откликнулся Хэйз. – Такому человеку некогда сидеть на месте, да еще и в последний день Сбора.

– Да... Наверное.

Разговор оборвался, и я судорожно пыталась придумать, как бы сбежать от лейтенанта и обойтись без приглашения на завтрак. Предложить совместную трапезу – это святая обязанность, даже англичанка не может промолчать и не сойти за грубиянку в такой ситуации.

– Кхм... Капрал Макнейр сказал, что вы искали Фаркуарда Кэмпбелла! – Я решила взять быка за рога. – Может быть, Джейми пошел к нему. К мистеру Кэмпбеллу то есть.

Я махнула рукой в сторону лагеря Кэмпбеллов на дальнем склоне, почти за четверть мили от Иокасты.

Хэйз моргнул, и с его ресниц сорвались капли.

– Да, вполне вероятно.

Он постоял еще мгновение, потом приподнял берет:

– Доброго дня, мэм!

Развернулся и пошел к шатру Иокасты. Я беспомощно смотрела ему в спину, мгновенно растеряв все свое умиротворение.

– Чтоб тебя черти взяли, – пробормотала я и отправилась готовить завтрак.

Глава 2. Хлеба и рыбы

Мы разбили лагерь далеко от главной тропы, на небольшой каменистой поляне с видом на широкий берег ручья. Сквозь заросли остролиста были видны черно-зеленые тартаны разбредавшихся солдат – Арчи Хэйз велел своим ребятам смешаться с толпой горцев на Сборе, и теперь они с радостью выполняли приказ.

Не знаю, что двигало Хэйзом: коварные замыслы, скупость или обыкновенное человеческое сочувствие. Среди солдат было много юных мальчишек, скучавших по дому и по родне; они стосковались по звукам шотландской речи и мечтали погреться у гостеприимного очага и отведать похлебки из овсяной муки. Хоть ненадолго почувствовать себя дома.

Я вышла к лагерю. Марсали и Лиззи сустились вокруг застенчивого молодого солдата, который выудил Жермена из ручья. Фергус стоял у самого костра, и от его мокрой одежды поднимались клубы пара. Здоровой рукой он пытался вытереть Жермена, а криком придерживал его за плечо, сердито бормоча по-французски. Белокурая макушка моталась из стороны в сторону, но, несмотря на гневную отповедь, лицо мальчика оставалось совершенно безмятежным.

Роджера и Брианны нигде не было видно, зато мне на глаза тут же попался Авель Макленнан – он сидел на дальнем конце поляны, жуя поджаренную краюшку хлеба. Джейми как раз успел вернуться от тетушки с дополнительными припасами и теперь раскладывал провиант у костра. Он хмурился от каких-то невеселых мыслей, но, увидев меня, сразу расцвел улыбкой.

– Вот ты где, саксоночка! И что же тебя задержало?

– Хм... Знакомца по дороге встретила, – ответила я, выразительно покосившись на молодого солдата.

Взгляд пропал втуне, и Джейми поднял брови в недоумении.

– Тебя лейтенант ищет! – прошипела я, склонившись ближе.

– Да знаю я, саксоночка, – ответил он в полный голос. – Скоро найдет.

Я снова красноречиво перевела взгляд с Макленнана на солдата. Джейми серьезно относился к традициям гостеприимства: пока человек гостил под нашим кровом – или у нашего костра, – никто не имел права покушаться на его свободу. И если солдатик еще постесняется арестовать Макленнана, то лейтенант вряд ли станет колебаться.

Джейми даже не пытался скрыть веселье. Поднял брови, взял меня за руку и подвел к солдату.

– Дорогая моя, – начал он официальным тоном, – позволь представить тебе рядового Эндрю Огилви родом из деревни Килберни! Рядовой Огилви, это моя жена.

Огилви, краснощекий малый с темными кучерявыми волосами, вспыхнул румянцем и поклонился.

– К вашим услугам, мэм!

Джейми слегка сжал мою ладонь.

– Рядовой Огилви рассказывал, что его полк направляется в Портсмут, в Вирджинию. А оттуда на корабле напрямик до Шотландии. Что, не терпится попасть домой?

– Словами не передать, сэр! – с жаром откликнулся мальчик. – Вот как распустят нас в Абердине, так я сразу домой и отправлюсь.

– Полк собираются распустить? – уточнил Фергус, подходя к нам с Жерменом на руках и с мокрым полотенцем на шее.

– Так точно, сэр! С французяками мы разобрались... ой, простите... с индейцами тоже. Делать нам здесь больше нечего, а король не станет платить бездельникам. – Мальчик горько усмехнулся. – Мир – дело хорошее, но солдатам приходится нелегко.

– На войне солдатам тоже несладко, – сухо откликнулся Джейми, и мальчик тут же залился краской. Вряд ли ему удалось понюхать пороха в настоящем бою, слишком уж молод.

Семилетняя война закончилась больше десяти лет назад, и в те времена рядовой Огилви наверняка еще был босоногим карапузом.

Не обращая внимания на смущенного мальчишку, Джейми повернулся ко мне:

– Рядовой говорит, что Шестьдесят седьмой полк – последний, оставшийся в Колониях.

– Последний хайлендский? – уточнила я.

– Нет, мэм! Последний из регулярных королевских войск. Кое-где еще есть гарнизоны, но все полки были отозваны в Англию и в Шотландию. Только одни мы запоздали. Должны были отплыть из Чарльстона, да все пошло наперекосяк, так что теперь направляемся в Портсмут – и как можно скорее. Год-то уже на исходе. Лейтенант говорит, у него на примете есть корабль, капитан которого готов пойти с нами в позднее плавание. А если не повезет... – он пожал плечами с философской обреченностью, – тогда перезимуем в Портсмуте. А по весне снова в путь.

– Англия собирается оставить нас без защиты? – пораженно спросила Марсали.

– Ой, мэм, не волнуйтесь! Опасности нет, – заверил ее рядовой Огилви. – С лягушатниками мы разделались окончательно, а без них индейцы буянить не станут. Жизнь теперь будет идти тихо-мирно, уж поверьте.

Я тихонько хмыкнула, и Джейми стиснул мой локоть.

– А остаться не думали? – спросила Лиззи. Прислушиваясь к беседе, она успела почистить и потереть картошку, поставила миску с блестящими белыми ломтиками у костра и принялась смазывать сковороду жиром. – В Колониях. На западе еще есть свободная земля.

Лиззи, воплощение скромности, не поднимала глаз от работы. Рядовой Огилви покосился на ее белый керч и покраснел еще сильнее.

– Сказать по совести, мисс, тут не так уж и плохо. Но я должен вернуться со своим полком, ничего не поделаешь.

Лиззи взяла пару яиц и ловко разбила их о край миски. На ее молочно-белой коже проступил бледный румянец – словно отсвет румянца, заливавшего лицо Огилви.

– Жалко, что вам нужно уезжать, – сказала она. Светлые ресницы дрогнули и коснулись щеки. – Впрочем, на пустой желудок мы вас никуда не отпустим.

Уши рядового Огилви полыхнули еще ярче.

– Вы очень добры, мисс. Прямо не знаю, как и благодарить.

Лиззи застенчиво подняла глаза и окончательно покраснелась.

Джейми кашлянул и, извинившись, отвел меня в сторону.

– Господи, – пробормотал он мне на ухо, – а ведь еще вчера была ребенком. Ты что, саксоночка, уроки ей даешь? Или у вас, у женщин, это врожденное?

– Талант, скорее всего, – осторожно откликнулась я.

Прошлым вечером после ужина случилась большая неожиданность: у Лиззи впервые начались месячные. Нам всегда не хватало чистых тряпок для малышей, так что эта соломинка сломала спину верблюда и заставила меня пожертвовать своей нижней юбкой – иначе Лиззи пришлось бы воспользоваться детскими подгузниками.

– Хм-м-м. Что ж, придется подыскивать ей мужа, – обреченно вздохнул Джейми.

– Мужа? Ей едва исполнилось пятнадцать!

– И что с того? – Он покосился на Марсали, вытиравшую темные волосы Фергуса полотенцем, затем перевел взгляд на Лиззи и солдатика. И насмешливо поднял бровь.

– А ничего! – сердито ответила я. Да, Марсали было всего пятнадцать, когда она вышла замуж за Фергуса. Но это вовсе не значило...

– Дело в том, – продолжил Джейми, отвлекаясь от Лиззи, – что полк отправляется в Портсмут уже завтра. У них нет ни времени, ни распоряжений на расследование беспорядков в Хиллсборо. Этим занимается Трион.

– Хэйз сказал...

– Если кто-нибудь придет с доносом, то Хэйз передаст все в Нью-Берн. Но сдастся мне, что ему плевать на регуляторов: пусть хоть подожгут губернаторский дворец, лишь бы не случилось задержки с отплытием.

Я облегченно вздохнула. Если Джейми прав, Хэйз не станет никого арестовывать, что бы ни рассказывали свидетели. Значит, за судьбу Макленнана можно не переживать.

– Тогда зачем Хэйзу понадобился ты и вся остальная компания? – спросила я, склонившись над плетеным коробом в поисках хлеба. – Он сам, лично, отправился тебя искать!

Джейми оглянулся на заросли остролиста, словно лейтенант мог выскочить оттуда в любую секунду. Плотная стена колючих листьев оставалась неподвижной, и Джейми нахмурился.

– Интересно. – Он задумчиво покачал головой. – Трион тут ни при чем, иначе бы Хэйз завел этот разговор еще вчера. Нет, саксоночка, уж поверь, малютка Арчи из-за бунтарей переживать не станет – разве только по долгу службы. Не знаю, зачем я ему сдался...

Склонившись у меня над плечом, Джейми потянулся к горшочку с медом и провел пальцем по самой кромке.

– ...и не буду попусту размышлять. У меня осталось еще три бочонка виски, и к вечеру они должны превратиться в наконечник для плуга, лезвие для косы, три топора, десять фунтов сахару, коня и астролябию. Фокус непростой, придется попотеть.

Он бережно провел липким пальцем по моим губам, развернул к себе и поцеловал.

– Астролябию? – переспросила я. И вернула медовый поцелуй. – Зачем тебе она?

– А потом мы поедем домой, – продолжал Джейми, не обращая внимания на вопрос. Мы стояли, соприкасаясь лбами, и глаза у Джейми были синие-синие. – И там нас будет ждать постель. Поэтому сегодня я буду думать только о том, чем мы там займемся. А малютка Арчи пусть забавляется сам с собой, как душе угодно.

– Отличная мысль, – прошептала я. – Арчи об этом сказать не забудь.

На дальней стороне поляны мелькнул черно-зеленый тартан. Джейми тут же развернулся к неожиданному гостю, но вместо лейтенанта Хэйза к нам шагал Джон Куинси Майерс, и солдатский плед, обвязанный вокруг его пояса, радостно трепетал на ветру.

Наряд великана Майерса потрясал воображение: из широкополой фетровой шляпы торчало несколько иголок и индюшиное перо, еще два потрепанных фазаньих пера красовались в черной шевелюре, поверх расшитой бусинами рубашки был надет жилет из крашенных дикобразовых иголок, поверх гамаш – любимая набедренная повязка, а на самих гамашах привязаны мелкие колокольчики. Такого красавца заметишь в любой толпе.

– Дружище! – Джон Куинси широко улыбнулся и протянул Джейми руку, позвякивая колокольчиками на штанах. – Так и знал, что застаю вас за завтраком!

Джейми растерянно моргнул, окинул взглядом это дивное виденье и от души пожал его огромную лапищу.

– Здравствуй, Джон! Позавтракаешь с нами?

– Кхм... Да, – вклинулась я, украдкой заглянув в корзину с едой. – Присоединяйтесь!

Джон Куинси снял шляпу и отвесил мне церемонный поклон.

– Мое почтение, мэ. Благодарствую, но не сейчас. Я пришел за мистером Фрейзером. Его ждут, дело срочное.

– Кто ждет? – настороженно уточнил Джейми.

– Велел передать, что его зовут Робби Макгилливрей. Знаете такого?

– Как не знать, – ответил Джейми и тут же полез в небольшой сундучок, где хранились пистолеты. Видимо, Макгилливрея он знал не понаслышке. – Что там стряслось?

– Да как сказать. – Джон Куинси задумчиво почесал свою косматую голову. – Его жена упросила меня сходить за вами. Правда, с английским у нее туговато, так что за точность я не ручаюсь. Вроде бы какой-то охотник за головами схватил ее сынишку. Заявил, что паренек

был среди бунтарей в Хиллсборо, и собрался увезти его в Нью-Берн, напрямик в тюрьгу. А Робби ему в ответ: «Никуда моего сына не повезут»... Дальше я ничего не понял, потому что его бедная женушка страшно разволновалась, двух слов связать не могла. Но, думается мне, Робби будет рад вашей помощи.

Джейми подхватил заляпанный кровью плащ Роджера, который висел на ветвях в ожидании стирки, быстро накинул его на плечи и сунул за пояс заряженный пистолет.

– Где он?

Майерс ткнул пальцем в сторону и решительно двинулся к зарослям остролиста, Джейми нырнул туда следом.

Фергус, который все это время прислушивался к их разговору, поставил Жермена рядом с Марсали.

– Надо помочь твоему Grand-père, – сказал он Жермену. Поднял с земли сухую палку и вложил в руки малышу. – А ты оставайся здесь. Защищай Матап и Джоан от плохих людей.

– Oui, Papa.

Жермен сурово нахмурил лоб под белокурой челкой, покрепче ухватил палку и приготовился охранять лагерь.

Марсали, Макленнан, Лиззи и рядовой Огилви наблюдали за этой сценой с неммым удивлением. Когда Фергус подобрал с земли еще одну палку и тоже ринулся в заросли, рядовой Огилви наконец-то пошевелился.

– Кхм... Может, мне позвать сержанта, мэм? Раз уж началась такая суета...

– Нет-нет, – торопливо ответила я. Вряд ли здесь помогут Арчи Хэйз и толпа солдат, в таких делах лучше обходиться без вмешательства властей. – Не волнуйтесь, ничего страшного. Небольшая размолвка, вот и все. Мистер Фрейзер справится сам.

Не переставая говорить, я пробиралась вокруг костра к своим медицинским запасам, спрятанным от дождя под парусиной. Приподняла край и вытащила на свет набор для оказания первой помощи.

– Лиззи, угости-ка рядового Огилви клубничным вареньем. И предложи мистеру Макленнану мед – подсластить кофе. Мистер Макленнан, надеюсь, вы не обидитесь, если я вас ненадолго покину... Мне нужно отлучиться... кхм...

Сверкнув глуповатой улыбкой, я нырнула в заросли остролиста, и ветки с треском сомкнулись за моей спиной. Через несколько шагов пришлось остановиться, чтобы сообразить, куда направились Джейми с Майерсом. Ветер донес слабый звон колокольчиков; я развернулась на звук и бросилась бежать.

* * *

Пробираться через подлесок – непростая задача. Я догнала Джейми и Майерса у поля для состязаний, взмокшая и запыхавшаяся от пробежки. Там как раз начал собираться народ, но воплей одобрения или разочарования пока не было слышно. Несколько видных молодых людей – «силачи» из разных поселений – уже разделись до пояса и прохаживались туда-сюда, размахивая руками, чтобы разогреть мышцы.

Снова начал моросить дождь; капли влаги блестели на могучих плечах, завитки темных волос на груди и руках липли к коже, но мне было некогда глазеть на представление. Джон Куинси ловко пробирался сквозь толпу зрителей, радушно приветствуя знакомых направо и налево. На противоположной стороне поля от людской массы отделился невысокий мужчина и побежал к нам навстречу.

– Макдью! Хорошо, что пришел!

– Да брось, братец, – отмахнулся Джейми. – Что случилось-то?

Вид у Макгилливрея был загнанный; он окинул взглядом силачей и их болельщиков, потом кивнул в сторону деревьев. Мы поспешили следом. Никто не обратил внимания на нашу маленькую процессию: зеваки собирались вокруг двух обмотанных веревками валунов – видимо, именно с их помощью состязающиеся должны были продемонстрировать свою недюжинную силу.

– Так что там с твоим сыном, Роб? – спросил Джейми, уворачиваясь от мокрой сосновой ветки.

– Уже ничего, – ответил Робби.

После этого мрачного заявления Джейми огладил рукоять пистолета, а моя рука машинально потянулась к узелку с лекарствами.

– Он ранен? – спросила я.

– Не он, – загадочно откликнулся Макгилливрей и, пригнувшись, проскользнул под листьями низко склонившегося каштана, покрытого красным вьюнком.

Завеса вьюнка скрывала небольшую площадку – такую маленькую, что и поляной не назовешь, – поросшую сухой травой и редкими молодыми сосенками. Мы с Фергусом шагнули туда вслед за Джейми и тут же столкнулись лицом к лицу с рослой женщиной в домотканом платье. В одной руке она сжимала сухую корягу, решительно готовясь к драке, однако при виде Макгилливрея слегка расслабилась.

– *Wer ist das?* – спросила она, разглядывая нас с нескрываемым подозрением. Когда из-под вьюнка вынырнул Джон Куинси, женщина наконец опустила свою дубинку и ее красивое суровое лицо посветлело.

– Ха, Майерс! Ты звать мне *den* Джейми? – Она с любопытством покосилась на меня, но тут же снова перевела взгляд на Джейми и Фергуса.

– Да, родная, это Джейми Рой... то есть Джеймс Макдью, – торопливо ответил Макгилливрей и почтительно коснулся его рукава, будто появление Джейми было его заслугой. – Макдью, это моя жена Уте. А это сын Макдью, – добавил он, неопределенно махнув в сторону Фергуса.

Уте Макгилливрей напоминала упитанную валькирию, высокую, светловолосую и очень сильную.

– К вашим услугам, мэ, – ответил Джейми с поклоном.

– *Madame*, – эхом откликнулся Фергус.

Миссис Макгилливрей присела в глубоком реверансе, не отводя глаз от кровавых пятен, покрывавших плащ Джейми... точнее, плащ Роджера.

– *Mein Herr*, – пораженно пробормотала она. Затем обернулась и поманила к нам паренька семнадцати или восемнадцати лет, который все это время прятался неподалеку. У юноши были темные волосы, и он как две капли воды походил на своего низкорослого жилистого отца.

– Манфред, – гордо объявила Уте. – *Mein* мальтшик.

Джейми склонил голову в сдержанном приветствии.

– Мистер Макгилливрей.

– Э-э... Мое почтение, сэ,р? – В голосе паренька мелькнула неуверенность, но руку для пожатия он все-таки протянул.

– Приятно познакомиться, сэ,р. – Покончив с любезностями, Джейми осмотрелся и вопросительно приподнял бровь. – Мне сказали, что вам докучает охотник за головами. Насколько я понимаю, эта досадная неприятность устранена?

Он перевел взгляд с Макгилливрея-младшего на Макгилливрея-старшего.

Семейство смущенно переглянулось. Робин Макгилливрей прочистил горло.

– Не то чтобы устранена, Макдью. Так сказать... – Фраза осталась незаконченной, и на лице Робина вновь мелькнуло загнанное выражение.

Миссис Макгиливрей строго посмотрела на мужа и развернулась к Джейми.

– Не переживать! – сообщила она. – Ich haf убирать den мелкий дрянь! Совсем убирать!

Но мы не знать, как спрятать den Korpus?

– Спрятать... тело? – переспросила я слабым голосом.

От такого заявления даже Джейми слегка встревожился.

– Роб, ты что, убил его?

– Кто, я?! – ошарашенно воскликнул Макгиливрей. – Бог ты мой, Макдью, да за кого ты меня принимаешь?

Джейми снова приподнял бровь: судя по всему, его предположение было не таким уж бесосновательным. Макгиливрей смутился и забормотал:

– Всякое бывало, не спорю... Но Макдью! После Ардсмур много лет прошло, дело старое, позабытое. Зачем его ворошить?

– Незачем, – согласился Джейми. – Так что случилось с тем малым, который вам докучал? Где он?

Позади раздался сдавленный смешок. Я резко обернулась и увидела остальных членов семьи Макгиливрея, до сего момента хранивших молчание: три девочки сидели рядком на бревне, спрятавшись за порослью из молодых сосен; на всех трех – сияющие чистотой чепцы и фартучки, слегка поникшие от дождя.

– Meine дотшки, – объявила миссис Макгиливрей, махнув рукой в их сторону. Она могла не утруждать себя пояснениями: девочки, как одна, точь-в-точь походили на мать. – Хильда, Инга und Сенга.

Фергус поклонился всей троице.

– Enchante, Mesdemoiselles.

Девочки захихикали и закивали в ответ, но, как ни странно, так и не поднялись с места. И тут я заметила, как под юбкой у самой старшей что-то шевелится: подол покачнулся, раздалось придушенное мычание. Ни на мгновение не переставая улыбаться, Хильда с размаху ударила пяткой по источнику странных звуков.

Из-под юбки снова донеслось мычание – на этот раз гораздо громче, – так что Джейми вздрогнул и развернулся.

С широкой улыбкой Хильда аккуратно приподняла край юбки, открывая нашим взорам лицо до смерти перепуганного человека, рот которого был накрепко завязан куском темной ткани.

– Вот он. – Робби, как и его жена, был склонен озвучивать очевидные вещи.

– Ясно. – Пальцы Джейми дрогнули на поясе килта. – Кхм, может, вытащим его оттуда?

Робби сделал знак девочкам, и они дружно поднялись с места. У бревна лежал маленький тощий мужчина, связанный по рукам и ногам разномастными женскими чулками; вместо кляпа в дело пошел чей-то платок. Вид у пленника был мокрый, грязный и изрядно потрепанный.

Майерс ухватил его за шиворот и поставил на ноги.

– Да тут смотреть не на что, – заметил великан прищурившись, будто оценивал плохонькую бобровую шкуру. – Видать, охота за головами – дело не шибко прибыльное.

Пленник действительно выглядел худым, оборванным и полумертвым от страха. Уте презрительно фыркнула и с любезной улыбкой повернулась к Джейми.

– Вот, mein Негг. Как лутше его убивать?

Охотник за головами выпучил глаза и попытался вывернуться из хватки Майерса. Джейми смерил его взглядом, задумчиво провел пальцем по губам, затем покосился на Робби – тот лишь пожал плечами в ответ и смущенно посмотрел на жену.

Джейми откашлялся:

– Кхм. Возможно, у вас есть конкретные предложения, мэм?

Уте явно обрадовалась его поддержке и тут же вытащила из-за пояса длинный кинжал.

– Я хотеть зарезать, wie ein Schwein, ja? Но нехорошо...

Она легонько ткнула пленника кинжалом между ребер; он приглушенно взвизгнул, и на изношенной рубахе проступило небольшое алое пятно.

– Очень много Blut, – пояснила она с разочарованным вздохом. Махнула в сторону деревьев, за которыми уже всюду разворачивались состязания силачей. – Die Leute шнюхат.

– Шнюхат? – Я бросила вопросительный взгляд в сторону Джейми, решив, что это какое-то странное немецкое выражение. Он кашлянул и провел ладонью под носом. Меня осенило. – А, почувствуют запах! Хм, да, вполне вероятно.

– Пожалуй, можно было бы его пристрелить, – задумчиво предложил Джейми, – да только шум привлечет внимание.

– Свернуть шею, и все, – объявил Робби Макгилливейр, разглядывая связанного охотника за головами. – Дело плевое.

– Думаете? – Фергус сосредоточенно прищурился. – Лучше уж ножом. Если ударить в правильном месте, крови много не будет. В почку, со спины под самыми ребрами...

Судя по придуренным звукам, доносившимся из-за кляпа, пленник категорически возражал против всех выдвинутых предложений. Джейми задумчиво потер подбородок.

– Да, легче легкого, – согласился он. – Или просто придушить. Впрочем, кишки у него все равно расслабятся. Вонять будет, даже если проломить черепушку... Скажи-ка, Робби, а как он здесь оказался?

Робби ответил недоуменным взглядом.

– Обосновались-то вы не здесь. – Джейми обвел рукой крохотную поляну. Следов костра не было видно: на этом берегу ручья вообще никто не разбивал лагерь. И все же здесь собралось все семейство Макгилливейров.

– А, вот ты о чем, – откликнулся Робби, и на его худощавом лице мелькнуло понимание. – Нет, устроились мы чутка подальше. А сюда пришли глянуть, как ребята камни тягают. – Он кивнул в сторону поля для состязаний. – Тут этот стервятник и налетел на нашего Фредди. Уже повязать собрался.

Робби презрительно посмотрел на охотника за головами. Только теперь я заметила, что у того на поясе болталась свернутая кольцами веревка, а в двух шагах от нас на земле валялись железные кандалы, тронутые яркой ржавчиной.

– Он схватил брата, а мы схватили его, – вставила Хильда, – и затолкали в кусты, пока никто не увидел. Он сказал, что собирается сдать брата шерифу, тогда мы с сестрами его повалили, а мама хорошенько пнула пару раз.

Уте ласково похлопала дочь по широкому плечу.

– Meine дотшки! Хорошие Mädchen, сильные, – сказала она Джейми. – Мы хотеть посмотреть hier die Wettkämpfer и, может, выбрать мужа для Инга или Сенга. Для Хильда муж уже есть, – добавила она с удовлетворенным вздохом.

Потом осмотрела Джейми с ног до головы, оценивая высокий рост, широкие плечи и пышущее здоровьем лицо.

– Хороший у вас Мапп, большой, – одобительно заметила Уте в мой адрес. – Вы иметь сыновья?

– К сожалению, нет, – ответила я. Взгляд Уте скользнул в сторону Фергуса, и я торопливо добавила: – Кхм... Фергус женат на дочке моего мужа.

Охотник за головами почувствовал, что беседа постепенно переходит на посторонние темы, и возмущенно замычал, привлекая внимание к своей персоне. Побледневшее во время кровожадных рассуждений лицо вновь залилось яркой краской, волосы прилипли ко лбу тонкими прядками.

– Ах да, – спохватился Джейми. – Возможно, стоит дать слово этому джентльмену?

Робби прищурился и неохотно кивнул. Состязания были в самом разгаре, и со стороны поля доносился такой гвалт, что вопли пленника в любом случае остались бы незаметными.

– Не позволяйте им убить меня, сэр! Я не сделал ничего дурного! – хрипло крикнул охотник за головами, едва с него сняли кляп. – Преступника нужно предать суду, я просто выполнял свой долг!

– Ха! – хором сказало семейство Макгилливреев. Этот единодушный порыв тут же превратился в поток возмущенных восклицаний и гневных выкриков, а на икры многострадального джентльмена посыпался град пинков со стороны Инги и Сенги.

– А ну прекратите! – Джейми слегка повысил голос, чтобы перекрыть всеобщий галдеж. Не добившись желаемого результата, он схватил Макгилливрея-младшего за шиворот и что есть мочи заорал: «Ruhe!» От неожиданности все на мгновение примолкли, с виноватым видом оглядываясь в сторону поля для соревнований.

– Так, послушайте! – решительно сказал Джейми. – Майерс, будь добр, не отпускай джентльмена. Роб, Фергус, пойдете со мной. Bitte, мадам?

Он поклонился миссис Макгилливрей. Та сначала недоуменно моргнула, потом медленно кивнула в ответ. Джейми повернулся ко мне, выразительно закатил глаза и, по-прежнему удерживая Манфреда за шиворот, повел все мужскую компанию на берег ручья. Я осталась присматривать за женской частью семейства.

– Ваш Мэпп... он спасать мой сын? – встревоженно нахмурилась Уте.

– Постарается. – Я перевела взгляд на девочек, которые сбились в кучу у матери за спиной. – Ваш брат действительно был в Хиллсборо?

Девочки переглянулись, решая, кто будет мне отвечать.

– Да, он там был, – с вызовом сказала Инга. – Но не с бунтарями! Просто поехал в город, чтобы починить сбрую, а потом случайно затесался в толпу.

Хильда с Сенгой снова переглянулись, и стало ясно, что это далеко не вся история. Но, слава богу, судить тут не мне.

Миссис Макгилливрей не сводила глаз с мужчин, сгрудившихся неподалеку. Охотника за головами освободили от пут, оставив связанными только руки, и он привалился спиной к дереву, как загнанная в угол крыса с обнаженными от злости клыками. Над ним нависали Джейми и Майерс, а Фергус стоял рядом, сосредоточенно нахмурившись и подперев подбородок своим крюком. Роб Макгилливрей вытащил нож и принялся неторопливо обстругивать сосновую ветку; взгляды, которые он бросал на пленника, не предвещали ничего хорошего.

– Джейми обязательно... э-э... что-нибудь придумает, – сказала я, про себя надеясь, что ему удастся обойтись без насилия. В голову лезли нехорошие мысли: наверное, тщедушный охотник за головами прекрасно поместится в пустом коробе из-под съестных припасов.

– Gut! – Уте Макгилливрей медленно кивнула, наблюдая за переговорами. – Лучше я его не убивать. – Она неожиданно взглянула на меня в упор яркими голубыми глазами. – Но я могу, если придется.

У меня не было в этом сомнений.

– Ясно, – осторожно начала я. – Однако же... я прошу прощения за бестактный вопрос... неужели вы не могли объяснить шерифу все как на духу?

Девочки посмотрели друг на друга. На этот раз мне ответила Хильда:

– Nein, мэм. Одно дело, если бы охотник за головами налетел на нас в лагере. Там мы бы справились. А здесь...

Она округлила глаза и кивнула в сторону поля для соревнований, откуда как раз донесся приглушенный удар и радостный рев толпы, – кажется, кто-то умудрился-таки поднять камень.

Судя по всему, дело было в женихе Хильды, некоем Дейви Моррисоне из Хантерс-Пойнт. Мистер Моррисон был зажиточным фермером, уважаемым гражданином и силачом, полностью овладевшим искусством метания камней и бревен. Семейство у него тоже было внуши-

тельное: родители, дядюшки, тетушки, кузены – люди крайне добропорядочные и, насколько я поняла, весьма суровые в своих суждениях.

Если бы охотник за головами схватил Манфреда на глазах у почтенной публики, то слухи непременно дошли бы до родни Дейви Моррисона и помолвка Хильды оказалась бы под угрозой из-за скандала. Такая перспектива пугала Уте Макгилливрей куда сильнее, чем необходимость перерезать горло охотнику за головами.

– Плохо, если я его убивать, а кто-то это видеть, – искренне сказала она, махнув в сторону деревьев, отделявших нас от поля для состязаний. – Die Моррисоны будут сердиться.

– Вполне вероятно, – пробормотала я. Интересно, Дейви Моррисон понимал, во что ввязывается? – Но вы...

– Я находить мужа для meine дотшки! – решительно сказала Уте, несколько раз кивнув для пушей убедительности. – Хорошие мужа, mit земля и богатство! – Она крепко обняла Сенгу за плечи. – Nicht wahr, Liebchen?

– Ja, мама, – ответила Сенга и положила голову на широкую грудь миссис Макгилливрей.

Тем временем в мужской компании наметились перемены: охотнику за головами развязали руки, и он потирал запястья, прислушиваясь к словам Джейми, – настороженно, но без прежней злости. Потом он взглянул на нас и повернулся к Робину Макгилливрею, который тоже что-то настойчиво ему втолковывал. На щеках у пленника заиграли желваки, будто он пережевывал очень сложную мысль.

– Значит, вы приехали сюда, чтобы посмотреть состязания и поискать подходящих кандидатов? Понятно.

Джейми вытащил из своего споррана какую-то вещь и сунул ее под нос охотнику за головами. С такого расстояния было невозможно разглядеть, что он держал в руке, однако настороженность на лице пленника сменилась испугом и отвращением.

– Ja, только посмотреть. – Миссис Макгилливрей ласково похлопала Сенгу по плечу и разжала объятия. – Теперь мы ехать в Салем, к meine Familie. Может быть, находить там хороший муж!

Майерс отошел в сторонку и заметно расслабился, потеряв всякий интерес к разговору. Сунул палец под набедренную повязку, неторопливо почесал зад и принялся глазеть по сторонам. Заметив мой взгляд, он вразвалочку направился к нам через молодую поросль.

– Не беспокойтесь, мэм, – сказал он миссис Макгилливрей. – Джейми Рой все уладил, вашему мальцу ничего не грозит.

– Ja?

Уте с сомнением покосилась на мужчин. Кажется, они и вправду сумели договориться: напряжение уже не витало в воздухе, и Джейми вернул охотнику за головами отобранные у него кандалы. На мгновение на лице Джейми мелькнула нескрываемая брезгливость – в Ардсмурской тюрьме ему пришлось испытать на себе всю тяжесть железных оков.

– Gott sei dank, – судорожно выдохнула миссис Макгилливрей. Со стороны могло показаться, что ее внушительная фигура обмякла и резко уменьшилась в размере.

Тщедушный охотник за головами развернулся и пошел прочь, в сторону ручья. Кандалы, висящие у него на поясе, позвякивали при каждом шаге, и этот звук долетал до нас даже сквозь крики возбужденной толпы. Джейми разговаривал с Робом Макгилливреем, а Фергус, слегка нахмурившись, провожал взглядом уходящего пленника.

– И как же Джейми его убедил? – спросила я Майерса.

– Проще простого, мэм. – Великан сверкнул щербатой улыбкой. – Джейми Рой растолковал этому парню – а зовут его Бобл, к слову сказать, Харли Бобл, – что ему страшно повезло. Не наткнись мы на вас, эта леди, – он поклонился Уте, – наверняка отвезла бы его к себе домой и разделала бы там, как свинью. Тихо-мирно, без лишнего шума.

Майерс потер кулаком нос и фыркнул себе в бороду.

– Бобл сначала заявил, что это все враки и она просто старалась его припугнуть. Но Джейми Рой наклонился к нему и сказал эдак ласково, будто бы по секрету: мол, он бы тоже так решил, но фрау Макгилливрей славится своими знатными колбасками, и Джейми уже довелось отведать их на завтрак. Тут-то Бобл и позеленел. А уж когда Джейми вытащил из своего споррана кусок колбаски...

– Бог ты мой, – с содроганием сказала я. Пахли те колбаски незабываемо. Я купила их у одного горца, а вечером обнаружила, что они совершенно несъедобны. Стоило надрезать оболочку, как в нос ударяла резкая вонь загнившей крови, отбивавшая аппетит даже у самых непритязательных едоков. После ужина Джейми завернул колбаску в платок и сложил в сумку с твердым намерением найти того горца и выбить из него деньги – или засунуть колбаску ему в глотку, чтоб неповадно было.

– Ясно.

Майерс кивнул и повернулся к Уте.

– А ваш муж, мэм, – прирожденный враль, благослови его боже! – со всей серьезностью поддакивал его словам и говорил, как трудно ему добывать дичь для своей мастерицы-жены.

Девочки захихикали.

– Папа не любит охотиться, – тихонько сказала мне Инга. – Он даже цыпленку шею свернуть не способен.

Майерс добродушно пожал плечами, глядя, как Джейми и Роб идут к нам по мокрой траве.

– Тогда Джейми дал Боблу слово джентльмена и поклялся защищать его от вас. И Бобл тоже дал слово дж... в общем, пообещал, что не тронет Манфреда.

– Хм, – сконфуженно откликнулась Уте. Она вовсе не возражала против репутации жестокой убийцы и радовалась спасению сына, но никак не могла смириться с тем, что посторонний человек оскорбительно отозвался о ее колбасках.

– Я бы ни за что не приготовить такая дрянь! – сказала она и презрительно сморщила нос, когда Джейми протянул ей платок со зловонным куском мяса. – Фу! Ratzfleisch.

Она брезгливо отмахнулась от колбаски, повернулась к мужу и тихонько сказала что-то по-немецки. Потом глубоко вздохнула, снова выпрямилась в полный рост и принялась собирать детей вокруг себя, словно курица цыплят, требуя, чтобы они как следует поблагодарили Джейми. Он слегка покраснел от потока радостных восклицаний и поклонился.

– Gern geschehen, – сказал Джейми. – Euer ergebener Diener, Frau Ute.

Она одарила его широкой улыбкой, и Джейми повернулся, чтобы попрощаться с Робом.

– Такой большой, хороший Mann, – пробормотала Уте, осматривая его с ног до головы. Потом перехватила взгляд, который я бросила в сторону Роба. Точеные черты лица, коротко стриженные темные кудри – оружейник был недурен собой, но отличался довольно хрупким телосложением и смахивал на воробушка. Ростом он был на несколько дюймов ниже Уте, и его макушка находилась где-то на уровне ее могучего плеча. Я волей-неволей задумалась: как же так, ведь миссис Макгилливрей явно питала слабость к высоким мужчинам...

– Ох, – вздохнула Уте и пожала плечами. – Лубофф, вы знаете.

Любовь, по мнению Уте Макгилливрей, была чем-то не очень желанным, но неизбежным.

Я посмотрела на Джейми, который тщательно заворачивал колбаску в платок, прежде чем спрятать ее в спорран.

– Да, – ответила я. – Знаю.

* * *

К тому времени, как мы вернулись в свой лагерь, Чишолмы уже собрались уходить, от души накормленные нашими девочками. К счастью, еды Джейми принес много, и меня

ждал вкусный завтрак из картофельных оладий, лепешек с маслом, жареной ветчины и – наконец-то! – кофе. Устроившись у костра, я задумалась, какие еще сюрпризы преподнесет нам сегодняшний день. Благо времени оставалось предостаточно – солнце, почти не видимое за пеленой облаков, едва поднялось над деревьями.

Через некоторое время, покончив с завтраком и захватив с собой третью чашку кофе, я отправилась к своим медицинским припасам, сваленным в кучу под куском парусины. Настала пора готовиться к утреннему приему пациентов: перебирать флаконы с хирургическими нитками, проверять, не опустели ли банки с травами, наливать спирт в большую бутылку и варить свежие лекарства.

Запасы самых распространенных трав слегка оскудели, но я умудрилась разжиться всяческими редкостями благодаря любезному содействию Майерса, который снабдил меня диковинками из северных индейских деревень, и продуманному обмену с Мюрреем Маклаудом, предприимчивым молодым аптекарем, открывшим магазинчик в Кросс-Крике.

Я прикусила щеку, раздумывая о Мюррее. Этот молодой наглец был приверженцем дикарских методик, считавшихся здесь вершиной медицинского искусства, и не стеснялся громогласно заявлять о преимуществах кровопускания и нарывных пластырей по сравнению с травяными припарками, которыми пользовались только древние невежественные старухи вроде меня!

Но в его жилах текла шотландская кровь, а значит, он, как и всякий горец, отличался здоровым прагматизмом. Бросив короткий взгляд на внушительную фигуру Джейми, Мюррей прикусил язык и воздержался от дальнейших оскорблений в мой адрес. Ему нужно было заполучить шесть унций полыни и банку с корнем дикого имбиря из моих запасов. Вдобавок этот наблюдательный проныра успел заметить, что горцы чаще обращаются за помощью ко мне, а не к нему – и что большинство моих пациентов быстро идет на поправку. Мюррею не терпелось узнать мои секреты, и я была готова их рассказать.

Так, отлично, ивово́й коры достаточно. Я в нерешительности замерла над бутылочками, стоявшими в верхнем правом отделении сундука. В нем было припрятано несколько сильных месячногонных средств: голубой кохош, спорынья, болотная мята, – однако я выбрала более мягкие травы: пижму и руту. Кинула пригоршню в миску и залила кипящей водой, чтобы настоялись. Пижма использовалась не только для облегчения менструации, но и для успокоения нервов – как раз то, что нужно для трепетной Лиззи Уэмисс.

Я бросила взгляд в сторону костра, где Лиззи старательно кормила рядового Огилви клубничным вареньем. Тот пытался уделять равное внимание Лиззи, Джейми и куску поджаренного хлеба. Хлеб явно побеждал.

Рута к тому же отлично помогала от глистов. Я не знала наверняка, страдает ли Лиззи от этой напасти, но среди горцев такое случалось часто. Вреда не будет.

Украдкой взглянув на Авеля Макленнана, я задумалась, не плеснуть ли адского снадобья ему в кофе. Несмотря на мощную коренастую фигуру, у бедняги был анемичный вид человека, страдающего от кишечных паразитов. С другой стороны, тревожная бледность могла быть вызвана непосредственной близостью охотников за головами.

Малышка Джоан опять начала плакать от голода. Марсали села, сунула руку под арисэд, растегнула лиф платья и приложила дочку к груди. Я заметила, как она испуганно прикусила губу, дернулась от боли, а потом слегка расслабилась, когда молоко наконец пошло.

Трещины на сосках. Нахмурившись, я снова повернулась к своему сундуку со снадобьями. Есть ли у меня мазь из овечьей шерсти? Черт, не взяла. Марсали кормила Джоан, и использовать медвежий жир не хотелось, может быть, подсолнечное масло...

– Хотите кофе, милая? – Мистер Макленнан, наблюдавший за Марсали с глубоким сочувствием, протянул ей свою чашку. – Моя жена пила горячий кофе, когда кормила малыша.

Говорила, помогает от боли. А если добавить капельку виски, то станет совсем хорошо! – Он слегка улыбнулся.

– Таинг! – Марсали с благодарностью взяла у него чашку. – Я сегодня промерзла до самых костей.

Она осторожно отхлебнула дымящейся жидкости, и ее щеки слегка порозовели.

– Возвращаетесь завтра в Дранкард-Крик, мистер Макленнан? – вежливо поинтересовалась Марсали, отдавая ему пустую чашку. – Или поедете в Нью-Берн с мистером Хобсоном?

Джейми резко повернулся к ним, оборвав разговор с рядовым Огилви.

– Хобсон собирается в Нью-Берн? Откуда ты знаешь?

– От миссис Фаулз, – мгновенно откликнулась Марсали. – Я ходила к ней за сухой рубашкой для Жермена, у нее такой же малыш... Миссис Фаулз переживает за Хью – это ее муж, – потому что ее отец, мистер Хобсон, желает, чтобы Хью поехал в Нью-Берн вместе с ним. А Хью боится.

– Зачем Джо Хобсон собрался в Нью-Берн? – спросила я, выглядывая из-за сундука с лекарствами.

– Хочет подать петицию губернатору, – ответил Абель Макленнан. – Будто это чем-то поможет. – Он грустно улыбнулся Марсали. – Нет, деточка. По чести сказать, не знаю еще, куда завтра подамся. Но точно не в Нью-Берн.

– И не в Дранкард-Крик? А как же ваша жена? – Марсали наградила его встревоженным взглядом.

– Умерла моя жена, деточка, – тихонько сказал Макленнан. Разложил красный платок на коленке, расправил складки. – Два месяца тому назад.

– Ох, мистер Абель! – Марсали подалась к нему и взяла за руку. В ее голубых глазах плескалась боль. – Соболезную.

Он похлопал девушку по ладони, не поднимая головы. В редкой клочковатой шевелюре поблескивали капли дождя, тонкая струйка воды скатилась прямо за оттопыренное красное ухо, но Макленнан даже не пошевелился.

Во время разговора с Марсали Джейми поднялся. Услышав страшные вести, он сел рядом с Макленнаном и положил руку ему на спину.

– Я и не знал, старина.

– Я... – Макленнан смотрел в огонь невидящими глазами. – Я никому и не рассказывал. Только вот сейчас...

Мы с Джейми переглянулись. На берегу ручья в Дранкард-Крике обосновалось не больше двух десятков человек. И все же ни Хобсоны, ни Фаулзы не упоминали о горе, постигшем Авеля... Значит, он действительно никому ничего не сказал.

– Что с ней произошло, мистер Абель? – Марсали по-прежнему стискивала его руку, безвольно лежавшую на красном платке.

Макленнан наконец поднял глаза.

– Много всего произошло... – ответил он. – Но ничего такого... Абби – Абигайл, моя жена, – умерла от лихорадки. Простыла... и умерла. – Голос у него был слегка удивленный.

Джейми забрал из рук Макленнана чашку, плеснул туда виски и снова вложил чашку в его ладонь, с силой сжимая чужие пальцы.

– Выпей-ка, – сказал он.

Все молчали, глядя, как Макленнан послушно глотает виски – раз, другой, третий. Рядовой Огилви, которому пришла пора возвращаться в полк, заерзал на валуне, но так и не встал – будто опасался, что его внезапный уход каким-то непостижимым образом растревожит рану Макленнана еще сильнее.

Молчаливая неподвижность Макленнана притягивала к себе взгляды. Все разговоры прекратились. Я замерла, подняв руку над сундуком, но лекарства от его несчастья у меня не было.

– Мне бы хватило, – внезапно сказал он. – Правда, хватило бы. – Он обвел взглядом всех сидящих вокруг костра, словно бросая вызов. – На налоги. Год был не шибко удачный, но я откладывал. Десять бушелей кукурузы, четыре добрых оленьих шкуры. Это больше, чем шесть шиллингов для налога.

Но налоги нужно платить деньгами; не кукурузой, не шкурами, не краской индиго, которые были в ходу среди фермеров. «Предложить товар в обмен за товар – обычное дело в здешних поселениях. Кому об этом знать, как не мне», – подумала я и посмотрела на мешок с подношениями, полученными от пациентов в обмен за лекарственные травы. Никто ни за что не платил деньгами. Налоги составляли исключение.

– Я не спору, все правильно, – сказал Макленнан, глядя прямо на рядового Огилви, словно мальчик пытался ему возразить. – Что его величество будет делать со стадом свиней или парочкой индюшек? Нет, королю нужны деньги, дураку ясно. У меня была кукуруза, как раз на шесть шиллингов.

Чтобы заплатить шесть шиллингов налога, кукурузу сначала нужно продать. В Дранкард-Крике наверняка нашлись бы покупатели, но у них, как и у самого Авеля, не было денег. Нет, за звонкой монетой пришлось бы ехать на рынок, а ближайший из них располагался в Салеме. Почти сорок миль пути, меньше чем за неделю не обернешься.

– У меня оставалось пять акров позднего ячменя, – пояснил Абель. – Зрелого, желтого – бери и коси. Если оставить, пропадет. А моя Абби – она маленькая была, хрупкая. Не могла косить ячмень и зерно вымолачивать.

Урожай не стал бы ждать целую неделю, и Абель пошел за помощью к соседям.

– Они хорошие люди, – уверял он. – Дали пару пенсов... им ведь самим налог платить надо.

Абель до последнего надеялся, что ему как-нибудь удастся наскрести денег... а потом стало слишком поздно.

– Наш шериф, Говард Треверс, – сказал Макленнан и утер каплю, повисшую на кончике носа, – пришел с официальной бумагой. Сказал, что должен нас выселить за неуплату налога.

Столкнувшись с неизбежностью, Абель покинул жену и спешно отправился в Салем, чтобы добыть злосчастные шесть шиллингов. Но к моменту его возвращения на хижину успели наложить арест и продать ее – тестю Говарда Треверса. В доме жили посторонние люди, Аби-гайл исчезла без следа.

– Я знал, что она не уйдет далеко. Не оставит детишек.

Абель нашел жену, укутанную в тонкое истрепанное одеяло, под огромной елью на вершине холма, где были похоронены все четверо детей Макленнана – ни один из малышей не прожил дольше года. Несмотря на отчаянные мольбы мужа, Аби-гайл наотрез отказалась возвращаться к хижине и просить помощи у людей, выгнавших их из дома. Что было тому виной – лихорадочный бред, сжигавший ее, или чистое упрямство – Абель не знал. Аби-гайл цеплялась за ветки деревьев с безумной силой, выкрикивая имена детей. Той же ночью она умерла.

Чашка опустела, и Макленнан осторожно поставил ее на землю. Джейми приглашающе махнул рукой в сторону бутылки виски, но жест остался незамеченным.

– Ей разрешили забрать с собой все, что она могла унести, и Абби взяла сверток с погребальной одеждой. Я помню, как на следующий день после свадьбы она села ткать себе саван. Вышила крохотные цветочки вдоль нижнего края... Моя Абби была мастерицей хоть куда.

Макленнан завернул жену в расшитый саван, похоронил рядом с младшим из их детей и побрел к Хобсонам, чтобы рассказать о своем горе.

– Пришел, а там все семейство гудит как растревоженный улей. Треверс наведалься в гости к Хью Фаулзу – тоже за налогом. Денег у них не было. Шериф ухмыльнулся по-обезьянни: мол, ему все равно, кого выселять. И через десять дней опять явился с бумагами и тремя молодчиками.

Хобсон успел наскрести шесть шиллингов для налога, так что Фаулзы нашли приют в его тесной хижине, но Джо едва не сошел с ума от бешенства, узнав, что с его зятем так обошлись.

– Страсть как взъярился, не мог успокоиться. Жанет пригласила меня в дом, усадила за стол, а Джо все грозил, что Говард Треверс заплатит за эту землю собственной шкурой. Хью сидел в углу словно побитая собака, его жена причитала, детишки визжали на все лады, как голодные поросята. Я хотел им рассказать, да только...

Он сконфуженно покачал головой.

Сидя у печки, всеми покинутый и позабытый, Авель погрузился в странное оцепенение: усталость накаtywала с такой силой, что голова сама опускалась на грудь и его неумолимо клонило в сон. Макленнан пригрелся, и все происходящее вдруг показалось ему мороком, смутной грезой. И если тесная, душная хижина Хобсонов привиделась ему в лихорадочном бреду, значит, свежая могила под высокой елью тоже была плодом его воображения.

Спал Макленнан прямо под столом; проснулся до зари, но странное ощущение никуда не делось. Все вокруг погрузилось в туман. Авель Макленнан исчез, осталась пустая оболочка: он механически встал, умылся, поел, что-то говорил и кивал в ответ на вопросы. Внешний мир перестал существовать. А когда Джо Хобсон поднялся и объявил, что они с Хью отправятся в Хиллсборо требовать возмещения у судьи, Авель Макленнан пошел вместе с ними, по-прежнему как во сне. Говорил и кивал, если с ним говорили, но воли к жизни у него было не больше, чем у покойника.

– По дороге в Хиллсборо я вдруг понял: мы все мертвецы. И я, и Джо, и Хью, и все остальные. Какая разница, куда идти. Лишь бы шагать. А там, глядишь, придет пора сложить косточки рядом с Абби.

В Хиллсборо Макленнан не стал вникать в планы Джо; просто шел за ним по пятам, послушно и бездумно. Брел по грязным улицам, покрытым битыми стеклами, смотрел на факелы и беснующуюся толпу, слушал надсадные крики – будто сторонний зритель.

– Мертвецы кругом, одни мертвецы, только кости гремят, – сказал он, пожав плечами. Замер на мгновение, потом повернулся к Джейми и посмотрел ему в лицо долгим внимательным взглядом. – Так ведь? Ты тоже мертвец?

Безвольная мозолистая ладонь поднялась с красного платка и легонько коснулась скулы Джейми.

Тот не отпрянул, осторожно взял его руку и крепко сжал.

– Нет, дружище, – тихо ответил Джейми, – пока нет.

Макленнан медленно кивнул.

– Ясно. Дай только время.

Он высвободил руку и вновь принялся расправлять платок.

Голова Макленнана мелко покачивалась, будто у куклы с растянутой пружиной вместо шеи.

– Дай только время, – повторил он. – Все наладится.

Потом встал, повязал красный платок на голову и повернулся ко мне. Взгляд у него был рассеянный и тревожный.

– Благодарю за завтрак, мэ, – сказал он, учтиво кивнув на прощание.

Глава 3. Избыток желчи

После ухода Макленнана все разбрелись по своим делам. Рядовой Огилви отправился к своим товарищам, поблагодарив нас за угощение, Джейми и Фергус пошли искать косы и астролябии, а Лиззи, слегка поникшая в отсутствие рядового Огилви, объявила, что ей нехорошо, и укрылась под навесом с чашкой заваренных трав.

К счастью, к этому времени в лагере появилась Брианна – одна, без Джемми. Они с Роджером позавтракали у Иокасты, и Джемми уснул на руках у хозяйки лагеря. А поскольку Иокаста явно не возражала против такого положения дел, Брианна оставила сына с ней и пришла помогать мне с утренним приемом пациентов.

– Бри, ты уверена? – Я с сомнением покосилась на дочь. – В конце концов, вечером у тебя свадьба. Лиззи или миссис Мартин могли бы...

– Не волнуйся, справлюсь, – ответила она, протирая высокую скамью, которую я использовала при осмотре больных. – Лиззи стало лучше, но ей пока рано возиться с нарывами и вспученными животами.

Она передернула плечами и зажмурилась, вспомнив пожилого джентльмена с язвой на пятке, которого я осматривала накануне. От боли беднягу обильно стошнило прямо на изодранные бриджи, и у остальных пациентов, ожидающих своей очереди, тоже сработал рвотный рефлекс – видимо, из солидарности.

Даже сейчас воспоминание вызывало у меня легкую дурноту.

– Да, это уж точно, – неохотно согласилась я. – Но ведь твой наряд еще не закончен. Разве не надо...

– Все в порядке, мам, – сказала Бри. – Федра подшивает подол, а Улисс гоняет слуг, как сержант новобранцев. Я только под ногами путаться буду.

Я сдалась без дальнейших возражений, хотя такой энтузиазм слегка меня удивил. Бри не гнушалась повседневной работы, спокойно свежевала дичь и чистила рыбу, однако я не замечала, как она напрягается при виде людей с сильным увечьем или жестоким недугом и изо всех сил старается это скрыть. Дело тут было не в брезгливости, а скорее в мучительном сострадании.

Я сняла чайник с огня и добавила кипятка в большую бутылку с дистиллированным спиртом, щурясь от горячих алкогольных паров.

Сердце обливалось кровью при мысли о том, сколько людей страдает от болезней, которые можно запросто вылечить в эпоху антисептиков, антибиотиков и анестезии... Но работа в полевых госпиталях, где такие медицинские новшества были редкостью, научила меня отстраненности. Без этого качества в моей профессии не обойтись.

Если дать волю чувствам, не сможешь оказать помощь. А помогать людям – мой долг. Вот и все, никаких премудростей. Брианне еще только предстояло постичь эту науку.

Она закончила протирать разнообразные скамейки и коробки для утреннего приема пациентов и теперь стояла нахмурившись.

– Помнишь ту женщину, которая приходила вчера? С умственно отсталым мальчиком?

– Такое не забывается, – ответила я, стараясь сохранить легкомысленный тон. – А что? Ой, ты не могла бы помочь с этой штуковиной?

Я указала на переносной столик, который категорически не желал складываться, – дерево распухло от влаги.

Брианна свела брови, внимательно осмотрела его и резко ударила по ножке ребром ладони. Столик тут же сложился, сдаваясь под напором превосходящей силы.

– Готово!

Брианна рассеянно потеряла руку, по-прежнему хмурясь.

– Ты несколько раз повторила, что ей нельзя больше заводить детей. Значит, это наследственное?

– Можно и так сказать, – сухо откликнулась я. – Врожденный сифилис.

Брианна ошарашенно уставилась на меня.

– Сифилис? Точно?

Я кивнула и принялась сворачивать прокипяченные повязки.

– У матери пока нет выраженных признаков последней стадии, но по сыну все сразу видно.

Женщина пришла ко мне, чтобы вскрыть флюс. У малыша, цеплявшегося за ее юбку, был характерный седловидный нос с проваленной спинкой и недоразвитая нижняя челюсть; бедняга едва мог жевать и явно страдал от недоедания. Сильная отсталость в развитии могла быть вызвана повреждением мозга или глухотой – я заметила признаки и того и другого, однако тщательную проверку затевать не стала, понимая, что все равно не сумею помочь малютке. Посоветовала матери поить его бульоном, чтобы предотвратить истощение, но больше ничего не могла поделать, как ни крути.

– Здесь он встречается реже, чем в Париже и Эдинбурге. Там много проституток, – сказала я Бри, складывая повязки в подставленную сумку. – Хотя иногда все равно попадается. А почему ты спрашиваешь? Подозреваешь, что у Роджера сифилис?

Брианна посмотрела на меня, открыв рот; через мгновение шок на ее лице сменился праведным гневом.

– Мам, да ты что! – воскликнула она. – Нет, конечно!

– Ну а откуда мне знать? – мягко ответила я. – Случается в лучших семьях. И ты сама завела этот разговор.

Брианна громко фыркнула.

– Я собиралась спросить про контрацепцию! – сказала она, стиснув зубы. – А ты начала читать лекцию про венерические заболевания.

– А-а, ясно. – Я задумчиво посмотрела на Бри, отметив засохшие пятна молока у нее на платье. – Как правило, грудное вскармливание позволяет избежать беременности. Полной гарантии нет, но обычно помогает неплохо. Особенно в первые полгода. Потом уже хуже.

Джемми как раз исполнилось шесть месяцев.

– Хм-м-м, – откликнулась она. Прозвучало это так похоже на Джейми, что я едва не расхохоталась. – А что еще может помочь?

Мы с Бри ни разу не обсуждали способы контрацепции в восемнадцатом веке. Я не сочла это важным, когда она только появилась в Фрейзер-Ридже... а потом Брианна забеременела и необходимость в таких разговорах отпала сама по себе. Теперь она сама решила поднять эту тему.

Я нахмурилась, медленно складывая чистые повязки и травы в сумку.

– Самый распространенный способ – какой-нибудь физический барьер. Кусочек шелка или губки, смоченный жидкостью: от уксуса до бренди... Но пижмовое и кедровое масло помогает лучше. Еще говорят, в Индии женщины используют половинку лимона; впрочем, у нас здесь не так-то просто найти лимон...

Бри рассмеялась.

– Да уж. Но от пижмового масла мало толка. Марсали его использовала, когда забеременела дочкой.

– А, она его все-таки использовала? Я думала, просто забыла разочек. А в таких делах одного раза бывает достаточно.

Я почувствовала, как Брианна застыла на месте, и прикусила губу от досады. Одного раза и вправду было достаточно – но мы до сих пор не знали, когда именно это произошло. Наконец Бри расправила плечи, отгоняя воспоминания, вызванные моими неосторожными словами.

– Говорит, что использовала. Хотя могла и забыть. И оно не всегда работает, так ведь? Я повесила сумку с повязками и сушеными травами себе на плечо и подхватила сундучок-аптечку за ремень, который смастерил Джейми.

– Единственное средство, которое никогда не дает осечек, – это celibat, – сказала я. – Но, полагаю, такой ответ тебя не удовлетворит.

Она покачала головой, задумчиво глядя сквозь листву на группу молодых людей, по очереди кидавших камни в ручей.

– Именно этого я и боялась, – сказала Бри и подхватила складной столик вместе с парой скамеек.

Я осмотрела поляну. Ничего не забыли? Костер можно оставить: даже если Лиззи уснет, пожар не разгорится в такую погоду – влага пропитала все вокруг, включая дрова, которые мы сложили под навес вчера вечером. Но чего-то не хватало... Ах да, точно! Я поставила сундучок на землю и полезла под навес. Разворошив сбитые в кучу пледы, вытащила на свет маленький кожаный мешочек с целительским амулетом.

Наскоро помолиться святой Бригитте, надеть мешочек на шею и сунуть его под ворот платья – я не приступала к врачевным делам без амулета и так привыкла к нему, что почти перестала стесняться своего маленького ритуала... Почти. Бри посмотрела на меня со странным выражением лица, но промолчала.

Я тоже ничего не сказала. Собрала все вещи и пошла следом за ней через поляну, осторожно перешагивая лужи. Дождь прекратился, но облака, цеплявшиеся за вершины деревьев, выглядели угрожающе, а от мокрого подлеска поднимались клочья тумана.

Почему Бри заговорила о контрацепции? Нет, разумеется, вопрос разумный, однако почему именно сейчас? Возможно, из-за грядущей свадьбы с Роджером. В последние несколько месяцев они жили как муж и жена, но, несмотря на это, мысль о клятвах, принесенных пред лицом Всевышнего и всех людей, могла отрезвить даже самых легкомысленных влюбленных. А Бри с Роджером легкомысленностью не отличались.

– Есть еще одно средство, – сказала я, глядя в затылок Брианне, шагавшей вперед по скользкой тропе. – Я его еще не опробовала, так что не ручаюсь за эффективность. Найавенна – старушка из племени тускарора, которая подарила мне амулет, – говорила, что знает «женские травы». Разные смеси подходят для разных целей, но есть одно особенное растение... Она сказала, что его семена не позволяют мужскому началу взять верх над женским.

Бри остановилась и обернулась ко мне.

– Индейцы так воспринимают беременность? – Она криво усмехнулась. – Как победу мужчины над женщиной?

– Вроде того. Если дух женщины слишком крепок или не желает сдаваться мужчине, то она не сумеет зачать дитя. Поэтому шаманы обычно лечат не бесплодную жену, а ее мужа... или обоих сразу, а не только одну жену.

Брианна тихонько хмыкнула, будто такой подход показался ей отчасти забавным.

– И что это за женская трава? Ты ее знаешь?

– Не уверена. Точнее, не уверена насчет названия. Найавенна показала мне и само растение, и высушенные семена, так что я смогу его опознать. Но английского названия не припомню. – Подумав, я добавила: – Что-то из семейства зонтичных.

Бри нагрядила меня суровым взглядом – совсем как Джейми – и отступила на край тропинки, чтобы пропустить вереницу женщин из семейства Кэмпбелла, которые направлялись к ручью, гремя чайниками и ведрами.

– Добрый день, госпожа Фрейзер! – сказала мне опрятная девушка, одна из младших дочерей Фаркуарда Кэмпбелла. – Ваш муж в лагере? Отец просил передать, что хотел бы с ним побеседовать.

– Увы! Ушел по делам. – Я махнула рукой в неопределенном направлении. Джейми мог оказаться где угодно. – Я ему обязательно сообщу.

Девушка кивнула. Все проходящие мимо останавливались перед Брианной, чтобы пожелать ей счастья; шерстяные юбки и плащи цеплялись за кусты восковницы, росшей вдоль тропы, и с ветвей градом сыпались капли.

Брианна отвечала обходительно и любезно, но я заметила, что между густых рыжих бровей залегла тоненькая морщинка. Ее снедала какая-то тревога.

– Что? – спросила я в лоб, как только Кэмпбеллы отошли подальше.

– Что «что»? – удивилась она.

– Что тебя мучает? И не отнекивайся, я прекрасно вижу. Это из-за Роджера? Ты передумала выходить замуж?

– Не совсем, – начала она с опаской. – Я не передумала выходить за Роджера, все в порядке, просто... Я просто... Мне тут подумалось...

Она сбилась, так и не закончив фразу, и залилась краской.

– Подумалось? – встревоженно уточнила я. – О чем?

– О венерических заболеваниях, – выдавила Бри. – Вдруг я тоже подхватила что-то нехорошее? Не от Роджера... от Стивена Боннета.

Щеки Брианны полыхали так ярко, что каплям дождя следовало превратиться в пар, едва соприкоснувшись с ее кожей. Меня пробрала дрожь, сердце сжалось в груди. Я уже задумывалась об этом раньше и предпочла оставить подозрения при себе, не желая сеять тревогу. Неделями украдкой наблюдала за Бри, выискивала симптомы болезни – но признаки инфекции редко заметны на ранней стадии. После рождения Джемми я наконец успокоилась.

– Ясно, – сказала я, стиснув ее руку. – Не тревожься, радость моя. Ты здорова.

Брианна глубоко вздохнула, выпустив бледное облако пара, и ее плечи слегка расслабились.

– Точно? Я чувствую себя нормально, но... у женщин симптомы проявляются не всегда.

– Не всегда. Зато по мужчинам заметно сразу. И если бы Роджер заразился от тебя какой-нибудь гадостью, то я бы давным-давно узнала об этом.

После моих слов она покраснела с новой силой и кашлянула.

– Ох, будто гора с плеч. Значит, с Джемми все хорошо?

– Без всяких сомнений.

Когда Джемми появился на свет, я закапала ему глазки нитратом серебра – ох, как же непросто было достать это лекарство! – но предосторожность была излишней. Малыш не проявлял никаких признаков болезни и выглядел настолько крепеньким и активным, что любая мысль об инфекции казалась совершенно неуместной. Он лучился жизнерадостным благополучием, как горшок с наваристой похлебкой.

– Так ты поэтому спрашивала про контрацепцию? – Мы проходили мимо лагеря Макрея, и я приветливо махнула рукой семейству. – Боялась, что ребенок родится больным?

– Нет. Я раньше не задумывалась о венерических болезнях, а потом ты заговорила про сифилис, и меня будто ледяной водой окатили... Вдруг у него тоже... – Она остановилась, прокашлялась. – А спросила просто из любопытства.

Тропинка стала такой скользкой, что мы обе сосредоточенно замолчали.

Способы контрацепции – это не та тема, которая обычно беспокоит молодую невесту. В чем же дело? Переживает за себя или за ребенка? Роды зачастую могли обернуться трагедией, и всякий, кто видел моих пациентов или хоть раз слушал женские разговоры у вечерних костров, прекрасно осознавал опасности, которым подвергались новорожденные; лихорадка, жестокая простуда или неконтролируемая диарея уносили детские жизни практически в каждой семье. Многие женщины теряли до трех-четырех младенцев, а то и больше. Я вспомнила историю Авеля Макленнана и содрогнулась.

Тем не менее Брианна отличалась крепким здоровьем, и я частенько напоминала ей о том, что обыкновенная гигиена и хорошее питание играют решающую роль в отсутствие антибиотиков и больниц.

Нет, думала я, глядя, как Бри с легкостью вскидывает свою тяжелую ношу и перебирается через изогнутый корень, перекрывший нам путь. Дело не в этом. Поводы для тревоги имелись, но Брианну не так легко запугать.

Роджер? На первый взгляд самое разумное решение – побыстрее завести второго ребенка, с которым не возникнут вопросы об отцовстве. Одним махом укрепить брак. А с другой стороны... Муж, конечно, обрадуется, но что тогда станет с Джемми?

Роджер дал кровную клятву, принимая малыша как своего. Однако человеческую природу не изменишь: несомненно, он ни за что не бросит Джемми, но к родному ребенку может относиться совсем, совсем иначе. Готова ли Брианна пойти на такой риск?

Хорошенько поразмыслив, я пришла к выводу, что она выбрала мудрый путь – со вторым ребенком лучше подождать. Дать Роджеру время привыкнуть и полюбить Джемми, прежде чем заводить еще одного малыша. Да, все правильно; Бри всегда была крайне здравомыслящим человеком.

И только когда мы добрались до поляны, где проводился утренний прием пациентов, мне в голову пришла еще одна неожиданная мысль.

– Миссис Фрейзер, вам помочь?

Два мальчика из семьи Чишолма выбежали навстречу, без лишних слов подхватили все тяжести у нас из рук и принялись готовить место – разложили столики, принесли чистой воды, разожгли огонь. Одному из них было не больше восьми, второму – около десяти, и, проводив их взглядом, я заново осознала простой факт: в этом веке мальчишка двенадцати-четырнадцати лет считался вполне взрослым мужчиной.

Брианна тоже это понимала. Она будет заботиться о Джемми, пока он нуждается в материнской опеке, но потом... Что случится после того, как он выпорхнет из гнезда?

Я открыла сундучок и принялась раскладывать рабочие инструменты и лекарства: ножницы, зонд, пинцет, спирт, скальпель, повязки, щипцы для удаления зубов, хирургические иглы, мази, бальзамы, лосьоны, слабительное...

Брианне двадцать три. Когда Джемми обретет полную самостоятельность, ей еще не исполнится сорока. И тогда, если сын начнет независимую жизнь, они с Роджером смогут вернуться – в свой век, в свое время. К безопасной эпохе, которой они оба принадлежали по праву рождения.

Но если у Бри на руках будет еще один беспомощный малыш, ей придется остаться здесь.

– Доброго вам утречка, мэм!

Ко мне подошел низкорослый джентльмен средних лет, наш первый пациент. Недельная щетина не скрывала бледности на дряблых щеках, лоб блестел от пота, а глаза так покраснели от дыма и виски, что у меня не возникло ни одного вопроса о природе его недомогания. По утрам похмелье превращалось в настоящую эпидемию.

– Что-то мне нехорошо, мэм. Брюхо узлом завязывается, – сказал он, тяжело сглотнув. – Может, у вас найдется какое-нибудь лекарство?

– Еще как найдется! – ответила я и достала кружку. – Сырое яйцо и щепотка рвотной травы. Стошнит разочек, и будете как новенький.

* * *

Пациентов я принимала на краю большой поляны у подножия холма, где по вечерам горел большой костер горского Сбора. Влажный воздух пах сажей и едким пеплом, но почерневшую от золы землю – пятно диаметром в десяток футов, не меньше – уже накрыли свежим

хворостом и ветками. Если морось не прекратится, то ближе к ночи придется изрядно попотеть, чтобы разжечь этот костер.

Джентльмен с похмельем отправился восвояси, других пациентов пока не было, и я сосредоточила свое внимание на Мюррее Маклауде, который устроился неподалеку от нас.

Мюррей работал не покладая рук с самого утра; земля у него под ногами потемнела от пепла и крови. Рядом с ним сидел тучный джентльмен с красным рыхлым носом и обвисшими щеками – явными свидетельствами чрезмерной любви к горячительным напиткам. Несмотря на дождь и холод, Маклауд заставил его раздеться до рубашки, закатал рукав, наложил жгут и поставил ему на колени миску для кровопускания.

От Мюррея меня отделяли добрых десять футов, но даже в слабом утреннем свете было заметно, что глаза у пациента желтые, как горчица.

– Большая печень, – сказала я Брианне, не пытаясь понизить голос. – Желтуху видно даже отсюда, правда?

– Разлитие желчи, – громко объявил Маклауд и достал ланцет. – Переизбыток телесной жидкости, никаких сомнений.

Маленький, чернявый, аккуратно одетый, Мюррей не производил внушительного впечатления, однако самоуверенности у него было не занимать.

– Цирроз из-за пьянства, – возразила я, подходя поближе и отстраненно осматривая пациента с ног до головы.

– Переизбыток желчи и нарушение баланса слизи! – Маклауд сверлил меня взглядом. Судя по всему, решил, что я вздумала присвоить его врачебную славу или увести пациента.

Проигнорировав его возмущение, я склонилась к больному, который явно встревожился от такого пристального внимания.

– У вас под ребрами, справа, есть твердое уплотнение, так ведь? – ласково спросила я. – Моча темная, а когда ходите по-большому, то видно кровь.

Мужчина кивнул, раскрыв от удивления рот. На нас стали оглядываться.

– Ма-туш-ка! – Брианна встала за моим плечом. Кивнула Мюррею и прошептала мне на ухо: – Ты не сможешь вылечить его от цирроза! Никак!

Пришлось замолчать и прикусить губу. Она была права. Я так спешила поставить диагноз и помешать Мюррею воспользоваться своим выдавшим виды ржавым ланцетом, что совершенно забыла об одном пустяке – я не могла вылечить этого человека.

Больной напряженно переводил взгляд с Мюррея на меня. Стиснув зубы, я улыбнулась и кивнула.

– Мистер Маклауд совершенно прав. У вас болезнь печени... вызванная избытком телесных жидкостей.

В конце концов, в определенных случаях алкоголь вполне может сойти за телесную жидкость. Особенно после целой ночи, проведенной в обнимку с бутылкой виски.

В начале разговора Мюррей настороженно хмурился, но после моей капитуляции едва не уронил челюсть от изумления. Брианна воспользовалась его замешательством и шагнула вперед.

– Я знаю отличный заговор, – сказала она с очаровательной улыбкой. – Он помогает... э-э... заострить лезвие и ускорить ток крови. Давайте я вам покажу.

Прежде чем Мюррей успел опомниться, она выхватила ланцет у него из рук и поспешила к нашему костерку, над которым висел котелок с закипавшей водой.

– Во имя святого Михаила, великого воина и защитника наших душ, – начала она нараспев.

Пожалуй, упоминание архангела Михаила нельзя считать богохульством, решила я. Да и сам Михаил вряд ли стал бы возражать: Бри творила благое дело. Люди, суетившиеся вокруг

главного кострища, остановились поглазеть на нее; с разных сторон к нам постепенно стягивались пациенты.

Бри подняла ланцет и медленно рассекла воздух, рисуя перед собой большой крест. Потом бросила взгляд на зрителей: смотрят ли? Можно было не беспокоиться: толпа сгорала от любопытства. Высокая, статная, синие глаза сосредоточенно прищурены – сейчас Бри один в один походила на Джейми в моменты его самых отчаянных эскапад. Оставалось надеяться, что она такая же талантливая актриса.

– Благослови этот клинок, дабы исцелился раб твой, – обратилась она к небу и подняла ланцет над костром, как священник поднимает хлеб и вино во время причастия. От котелка уже шел пар, но вода еще не начала закипать.

– Благослови это лезвие, дабы потекла кровь, отворились вены, дабы... э-э... дабы вышел яд из брэнного тела смиренного просителя твоего. Благослови клинок... Благослови клинок... Благослови клинок в руке смиренного раба твоего... Возблагодарим же Господа за эту сверкающую сталь!

«Возблагодарим же Господа за бесконечные повторы в гэльских молитвах», – цинично подумала я.

Слава богу, вода наконец закипела. Бри занесла короткое изогнутое лезвие над котелком, обвела толпу суровым взглядом и провозгласила:

– Да очистится этот клинок по велению Господа нашего, Иисуса Христа!

Она резко опустила лезвие в воду и держала его там, пока пальцы не покраснели от пара, клубившегося над деревянной рукоятью. Потом снова подняла ланцет повыше и перекинула в другую руку, пряча ошпаренную ладонь за спиной.

– Да благословит Михаил, победитель демонов, этот клинок и руку, его держащую! Во имя здорового тела и здорового духа. Аминь.

Она торжественно шагнула вперед и вручила ланцет Мюррею. Но Мюррея было не так-то легко одурачить; во взгляде, которым он меня наградил, сквозило глубокое недоверие и сдержанное восхищение театральным талантом моей дочери.

– Не трогайте лезвие, – сказала я с любезной улыбкой. – А то заговор рассеется. И повторяйте его всякий раз, когда используете ланцет. Только учтите, вода должна кипеть!

– Хм, – ответил Мюррей. Однако ланцет взял аккуратно, за ручку. Коротко кивнув Брианне, он вернулся к своему пациенту, а я вернулась к своему – маленькой девочке с крапивницей. Брианна, довольная результатом представления, вытерла руки о юбку и присоединилась к нам.

Я слышала, как пациент Маклауда тихонько охнул, и в металлическую миску звонко закапала кровь. Брианна была права: здесь и сейчас мы ничего не могли поделать. Тщательный уход, хорошее питание и полное воздержание от алкоголя могли бы продлить его жизнь; соблюсти первые два условия было нелегко, а третье – вовсе невозможно.

Брианна ловко спасла беднягу от заражения крови – и заодно защитила от этой беды всех потенциальных пациентов Маклауда, – но я все равно чувствовала себя виноватой. Ничего не поделаешь, первый врачебный принцип, постигнутый мной на полях сражений во Франции, оставался в силе: помогай тому, кто перед тобой.

– Возьми эту мазь, – строго сказала я девочке, страдавшей от крапивницы. – И ни в коем случае не чешись.

Глава 4. Подарки к свадьбе

Хотя солнце так и не выглянуло из-за туч, дождь наконец закончился. От костров шел густой тяжелый дым: обрадовавшись временной передышке, все горцы торопливо бросились раздувать угли и подбрасывать в огонь мокрые дрова, чтобы поскорее просушить одежду и одеяла. Ветер разносил призрачные белые клубы меж деревьев.

Одно такое дымное облако выплыло на тропу прямо перед Роджером, и он свернул, чтобы обогнуть его по травяным кочкам. Чулки тут же промокли, низкие сосновые ветки осыпали его плащ градом капель, но Роджер не обращал на это внимания – все его мысли были заняты длинным списком дневных хлопот.

Сначала к ремесленникам, купить какую-нибудь мелочь Брианне на свадьбу. Что бы такое выбрать? Украшение или ленту? Денег почти не было, но такое важное событие хотелось отметить подарком.

Будь его воля, он бы купил собственное кольцо для венчания, но Брианна остановила свой выбор на рубиновом кольце, когда-то принадлежавшем ее дедушке. Оно прекрасно подходило Бри по размеру, поэтому она не видела смысла в лишних тратах. Бри была практичным человеком – порой до отвращения практичным, – в отличие от его собственной романтической натуры.

Значит, подарок должен быть практичным и в то же время декоративным... Расписной ночной горшок?

Роджеру вспомнилась миссис Аберкромби, степенная и разумная дама из прихода преподобного Уэйкфилда, которая однажды вечером ворвалась в дом пастора прямо посреди ужина. Она объявила, что убила своего мужа, и истерически разрыдалась. Преподобный оставил миссис Аберкромби на попечении экономки, а сам взял Роджера, тогда еще подростка, и отправился в дом почтенного семейства, чтобы выяснить, что произошло.

Мистер Аберкромби лежал на полу в кухне – сконфуженный, окровавленный, но живой. Все ограничилось небольшой раной на голове, нанесенной новеньким электрическим паровым утюгом, который мистер Аберкромби подарил жене по случаю двадцать третьей годовщины их свадьбы.

– Она сама говорила, что старый утюг постоянно прожигает дырки в белье! – жалобно повторял мистер Аберкромби, пока преподобный обрабатывал его рану, а Роджер отмывал кухню от крови.

Воспоминания о кровавых пятнах на истертом линолеуме помогли Роджеру окончательно определиться. Подарок на свадьбу не должен быть практичным, что бы ни говорила Бри. И в горе, и в радости, пока смерть не разлучит нас. Он выберет для нее что-нибудь романтическое... на один шиллинг и три пенса.

Среди еловых иголок мелькнула алая вспышка, Роджер даже сперва решил, что это кардинал, правда, какой-то слишком крупный. Он остановился и заглянул в просвет между ветвями.

– Дункан? Это ты?

Дункан Иннес вышел из-за деревьев и смущенно кивнул. Он по-прежнему щеголял в алом тартане Кэмеронов, но снял свой роскошный плащ и обернулся в плед, будто в шаль, на старинный горский манер.

– Можно с тобой словечком перемолвиться, певец?

– Конечно. Я как раз иду к ремесленникам, давай прогуляемся вместе.

Дым наконец рассеялся, они снова вышли на тропу и зашагали бок о бок по склону горы.

Роджер молчал, ожидая, пока Дункан соберется с мыслями. По характеру тот был застенчив и скромн, зато отличался наблюдательностью, восприимчивостью и тихим упрямством.

Если Дункану было что сказать, он непременно выскажется, дай ему только время. Наконец он вздохнул и заговорил:

– Макдью рассказывал, что твой отец был священником.

– Да, – откликнулся Роджер, изрядно удивившись такой теме беседы. – То есть... Мой родной отец погиб, и меня усыновил дядя матери. Вот он-то как раз и был священником.

Почти всю свою сознательную жизнь Роджер думал и говорил о преподобном как об отце и теперь не мог понять, зачем вдается в такие подробности. Вряд ли для Дункана это важно.

Тот кивнул и сочувственно цокнул языком.

– Ты сам, получается, пресвитерианец? Я слышал, как Макдью об этом говорил.

Обычно манеры Дункана были безупречны, но тут на его лице мелькнула короткая ухмылка, наполовину скрытая неровными усами.

– Да, было дело, – сухо откликнулся Роджер. Кажется, мнение Макдью на эту тему слышало все горское собрание.

– Ясно. А знаешь, я ведь тоже пресвитерианец, – сказал Дункан, стараясь скрыть неловкость.

Роджер уставился на него в изумлении.

– Ты? Я думал, ты католик!

Дункан смущенно пожал плечами, качнув обрубком ампутированной руки.

– Нет. Мой прадед со стороны матери был ковенантером. Яростно придерживался своей веры. – Дункан улыбнулся. – Пока дело дошло до меня, весь пыл слегка растерялся. Матушка была женщиной набожной, а отец в церковь ходил редко. А уж когда мы познакомились с Макдью... в общем, там было не до воскресной мессы.

Роджер кивнул и утвердительно хмыкнул. Дункан столкнулся с Джейми в Ардсмурской тюрьме, сразу после восстания. И хотя большинство якобитов были католиками, среди них встречались и протестанты разных мастей, которые наверняка предпочитали помалкивать о своей вере, находясь в толпе заключенных. А после тюрьмы, когда Дункан и Джейми заделались контрабандистами, религия ушла на второй план.

– Понимаю. И сегодня ты будешь венчаться с миссис Кэмерон...

Дункан кивнул и задумчиво пожевал кончик своих усов.

– Вот именно. Надо ли мне им рассказывать?

– Миссис Кэмерон не знает? И Джейми тоже?

Дункан молча покачал головой, не отводя глаз от покрытой грязью тропы.

Роджер прекрасно понимал, что мнение Июкасты Кэмерон здесь не столь важно. Важно, что скажет Джейми. Вопросы религии мало занимали Дункана, да и сама Июкаста не отличалась особой набожностью. Но, услышав, как Джейми среагировал на новости о Роджере, Дункан встревожился.

– Макдью сказал, что ты ходил к священнику. – Дункан бросил на него осторожный взгляд. Кашлянул, покраснел. – Он тебя... гхм... Пришлось креститься заново?

Рьяному протестанту такая перспектива показалась бы устрашающей, и, судя по всему, Дункан тоже не видел в ней ничего хорошего. Роджеру стало не по себе. Согласился бы он принять чужую веру, чтобы жениться на Бри? Наверное, согласился бы. Но священник не стал требовать никакой формальной церемонии, и Роджер испытал глубочайшее облегчение.

– Нет, не было такого, – сказал он и тут же закашлялся от облака едкого дыма, выплывшего на тропу. – Нет, – повторил он, вытирая слезящиеся глаза. – Второй раз креститься нельзя. Ты ведь уже крещеный?

– Конечно! – Дункан слегка взбодрился. – Да, я крестился, когда... – По его лицу пробежала тень, но он быстро прогнал мрачную мысль и дернул плечом.

– Это хорошо. Дай мне чуток подумать.

Впереди показались повозки ремесленников, стоявшие вплотную друг к другу, словно стадо овец; из-за дождя все товары были накрыты парусиной и одеялами. Дункан остановился – ему явно не хотелось бросать разговор на середине.

Глубоко задумавшись, Роджер потер затылок.

– Нет, – наконец сказал он. – Не надо тебе ничего говорить. Никто не станет проводить мессу, будет обычное венчание, а там все одинаково. Что у католиков, что у нас: возьмешь ли ты в жены, возьмешь ли в мужа, в богатстве и в бедности, и так далее.

Дункан сосредоточенно кивнул.

– Да, клятву я могу повторить. Хотя с куском про богатство и бедность было не так-то легко смириться. Тебе ли не знать...

Он произнес это спокойно, без насмешки – просто констатировал факт – и явно не ожидал, что Роджер вспыхнет от гнева.

– Я ничего плохого не имел в виду, – торопливо сказал он. – Я просто...

Роджер только отмахнулся.

– Ничего страшного. – Он старался говорить сухо и без эмоций. – Ты прав, чего уж там душой кривить.

Как ни странно, все это время Роджер умудрялся не замечать очевидного. Он с ужасом осознал, что их с Бри история точь-в-точь походила на историю Дункана и Иокасты: безземельный холостяк без гроша за душой собирался жениться на богатой невесте.

Он никогда не считал Джейми Фрейзера богачом – возможно, потому, что тот вел себя с подобающей скромностью, или потому, что о богатстве пока не шло даже речи. Тем не менее Фрейзеру принадлежали десять тысяч акров земли. И хотя большая часть этого надела была еще не освоена, в будущем многое могло измениться. В его владениях уже жили арендаторы; скоро их станет еще больше. И когда эти люди начнут платить ренту, когда на берегах ручьев вырастут лесопилки и мельницы, когда появятся первые крупные поселения с лавками и тавернами, когда стада коров, свиней, лошадей расплодятся и нагуляют здоровый жирок на его земле... Джейми Фрейзер станет по-настоящему богатым человеком. А Брианна была его единственной кровной дочерью.

К тому же Иокаста Кэмерон – дама, обладавшая весьма внушительным состоянием, – во всеуслышание заявила, что намерена сделать Бри своей наследницей. Брианна резко воспротивилась такому предложению, однако Иокаста не уступала племяннице в упрямстве и привыкла добиваться своего. Что бы Брианна ни сделала, люди все равно решат...

Пожалуй, именно эта мысль пугала его сильнее прочих. Он собирался жениться на женщине, которая гораздо состоятельнее его самого; все жители колонии давным-давно успели осудить такой мезальянс и наверняка считали его ловкачом, а то и просто ушлым авантюристом.

От дыма на языке остался горький вкус. Роджер сглотнул и криво улыбнулся Дункану.

– Да уж, – сказал он. – В горе и в радости. Но ведь они же что-то в нас нашли? Наши женщины...

Дункан печально улыбнулся в ответ.

– Да, что-то нашли. Значит, ты думаешь, о религии можно промолчать? Не хочу, чтобы мисс Ио или Макдью решили, будто что-то неладно. Хотя зря поднимать суматоху тоже не хочется.

– Понятное дело, – согласился Роджер. Глубоко вздохнул и отбросил влажные волосы со лба. – Да, Дункан, ничего в этом страшного нет. Я поговорил со святым отцом, и он сказал, что условие тут одно – окрестить детей в католическую веру. Но, полагаю, для тебя и миссис Кэмерон это не так уж и важно... – Он тактично умолк.

– Нет, что ты, – облегченно рассмеялся он. – Поверь, дружище, мне все равно.

– Тогда удачи! – Роджер натянуто улыбнулся и похлопал Дункана по спине.

Тот задумчиво потер усы и кивнул.

– Тебе тоже удачи, певец.

Вместо того чтобы отправиться по своим делам, Дункан пошел следом за Роджером и принялся неторопливо прогуливаться вдоль повозок, с легким прищуром разглядывая разложенные там товары.

Торговля шла полным ходом уже целую неделю, но повозки не опустели – наоборот, туда сгружали зерно и шерсть, бочонки с сидром, корзины с яблоками, шкуры и прочую мелочь, которую ремесленники успели выменять за свой товар. И хотя на прилавках было почти пусто, у повозок по-прежнему толпился народ, желающий разжиться какой-нибудь диковинкой – как тля на розовом кусте.

С высоты своего роста Роджер легко заглядывал на повозки через головы покупателей и задумчиво всматривался в отдельные вещицы, прикидывая, чем бы порадовать Брианну.

Она была красавицей, но не придавала особого значения внешности и нарядам. Однажды Бри чуть не отрезала свою роскошную рыжую гриву, потому что волосы постоянно лезли в похлебку, а Джемми так и норовил дернуть за яркую прядку. Роджер едва успел ей помешать. Да, лента – это и вправду практичный подарок. Или резной гребень?

Роджер остановился у повозки, где торговали тканями, и заглянул под навес: шляпки и яркие ленты, развешанные внутри, покачивались в прохладном полумраке, как щупальца медузы. К нему сразу подошел Дункан, укутанный в плед по самые уши, и тоже с любопытством заглянул в повозку.

– Ищете что-то определенное, господа? – Торговка склонилась над товарами, сложив руки под пышной грудью, и одарила покупателей профессиональной улыбкой.

– Да, – неожиданно ответил Дункан. – Мне нужен один ярд бархата. Есть у вас такая ткань? Цвет неважен; главное, чтоб наивысшего качества.

Торговка приподняла брови – даже в своем парадном наряде Дункан не походил на модника, – однако промолчала и принялась перебирать свои изрядно подтаявшие запасы.

– Как думаешь, у миссис Клэр еще осталась лаванда? – спросил Дункан у Роджера.

– Да, осталась, – ответил тот. Заметив его изумление, Дункан смущенно улыбнулся и опустил голову.

– Я просто подумал... У мисс Ио часто бывают мигрени, и она плохо спит по ночам. А моя матушка любила спать на лавандовой подушке; говорила, мол, положи под щеку и спи как младенец. Вот я и решил взять бархата, чтоб помягче, и попросить мисс Лиззи сшить наволочку...

«В болезни и здравии...».

Роджер одобрительно кивнул, тронутый и слегка пристыженный такой заботливостью. У него сложилось впечатление, что брачный союз между Дунканом и Иокастой Кэмерон основывался на удобстве и взаимной выгоде – и, возможно, так оно и было. Но чтобы проявлять друг к другу чуткость и предусмотрительность, не нужно сходить с ума от страсти.

Дункан купил отрез бархата, спрятал его под пледом и отправился восвояси, а Роджер остался бродить среди торговцев, выбирая, присматриваясь и отбрасывая варианты – силась придумать подарок, который понравится его невесте. Сережки? Нет, малыш будет за них хвататься. И за ожерелье... Лента отпадала по той же причине.

И все же ему хотелось подарить Бри какое-нибудь украшение. На Сборе она носила только рубиновое кольцо своего отца – то кольцо, которое Джейми отдал Роджеру; то кольцо, которое Роджер надел ей на палец, когда Бри приняла его предложение.

Роджер замер прямо посреди толпы. У него перед глазами стояло кольцо: желтый металл и темно-красный рубин, мерцавший на изящных бледных пальцах Брианны. Кольцо ее отца. И как он не понял этого раньше?

Несмотря ни на что, оно по-прежнему принадлежало Джейми. Роджера охватило внезапное и непреодолимое желание подарить Брианне другое кольцо – свое, собственное.

Он решительно развернулся и зашагал к повозке, где продавались скобяные изделия; товары на прилавке поблескивали даже под дождем. Роджер успел выяснить, что его мизинец по размеру как раз совпадает с безымянным пальцем Брианны.

– Вот это! – сказал он, выбрав кольцо. Дешевое плетение из латуни и меди, наденешь – и через несколько минут на пальце отпечатается зеленый след. «Тем лучше», – подумал Роджер, протягивая торговцу деньги. Даже если Бри не будет носить его каждый день, на коже все равно останется яркая метка. Метка Роджера.

«Потому оставит женщина дом отца своего и прилепится к мужу своему; и будут они одна плоть».

Глава 5. Бунтарские настроения

Спустя час на поляне собралась целая очередь из пациентов, которых не распугал даже морозящий дождь. В последний день Сбора все горцы, страдавшие от зубной боли или какой-нибудь сыпи, внезапно решили сходить к лекарю перед самым отъездом.

Я закончила осматривать молодую женщину – зоб на начальной стадии – и велела ей запастись вяленой рыбой: при такой болезни требовалась пища, содержащая йод, но девушка жила слишком далеко от побережья и не могла покупать свежую рыбу каждый день.

– Следующий! – крикнула я, убрав локон со лба.

Толпа расступилась, словно воды Красного моря, и пропустила ко мне невысокого тощего старичка, одетого в изодранные тряпки и прижимавшего к груди странный меховой сверток. При его приближении народ торопливо отодвигался в сторону, и вскоре я поняла причину: от старика разило, как от дохлого енота.

На мгновение мне показалось, что у него на руках действительно лежал дохлый енот – за утро у нас скопилась небольшая стопка меховых шкур, полученных в награду за врачебные труды, хотя, как правило, благодарные пациенты все-таки старались отделить шкуры от их предыдущих владельцев, – но потом меховой сверток пошевелился, и среди спутанной серой шерсти блеснули яркие глазищи.

– Мой пес поранился, – объявил старик. Посадил свою ношу на стол, небрежно отодвинув разложенные инструменты, и ткнул пальцем в рану на собачьем боку: – Надо вылечить.

Мало похоже на вежливую просьбу; с другой стороны, пациентом был пес, а не хозяин, и он вел себя гораздо приличнее: небольшой, коротколапый, с жесткой спутанной шерстью и подранными ушами, мирно сидел на столе и пыхтел, не пытаясь никуда вырваться.

– Что с ним случилось? – Я отодвинула ванночку, угрожающе покачивавшуюся над краем стола, и потянулась вниз за стерильными нитками; пес ухитрился лизнуть мне руку.

– Подрался с енотихой.

– Хм-м, – откликнулась я, с сомнением разглядывая собаку. Судя по его неопределенной родословной и явному дружелюбию, интерес к енотихе был порожден не свирепостью, а любвеобилием. Словно в подтверждение этих размышлений, в мою сторону выдвинулся влажно поблескивающий розовый репродуктивный орган.

– Кажется, ты ему нравишься, мам, – сказала Бри с невозмутимым выражением лица.

– Я польщена.

Оставалось надеяться, что владелец собаки не попытается продемонстрировать свою симпатию таким же образом. К счастью, старику не было до меня дела; глубоко посаженные глаза настороженно следили за солдатами, которые отрабатывали строевые приемы неподалеку.

– Ножницы, – решительно скомандовала я и протянула руку.

Срезав спутанную шерсть, я не обнаружила отеков и других признаков инфекции. На ране успела образоваться короста, значит, после свидания с енотихой уже прошло некоторое время. Интересно, длань судьбы настигла пса прямо здесь, на склоне горы? Я не знала старика в лицо, и говор у него был не шотландский. Может, он и вовсе не участвовал в Сборе?

– Кхм... Вы не могли бы придержать его голову?

Пес вел себя дружелюбно, но это еще не означало, что он так же благожелательно воспримет иголку, вонзившуюся в его бок. В ответ на просьбу владелец собаки даже не пошевелился, одарив меня мрачным взглядом. Я обернулась в поисках Бри, но она куда-то исчезла.

– Тише, а bhalaich⁴, тише, – раздалось у меня за спиной. Я обнаружила, что пес заинтересованно обнюхивает ладонь Мюррея Маклауда. Заметив мое удивление, врач пожал плечами, улыбнулся, а потом ловко ухватил пса за загривок и зажал ему морду.

– Постарайтесь обойтись без промедлений, миссис Фрейзер, – сказал он.

Я крепко стиснула собачью лапу и принялась за дело. Пес среагировал так же, как и большинство остальных пациентов: начал судорожно извиваться, вырываться из рук и скрести когтями по деревянной столешнице. В какой-то момент он все-таки освободился из хватки Мюррея и метнулся на волю, волоча за собой хвост из хирургических ниток. Я кинулась на него, и мы покатались по палой листве и лужам прямо под ноги зевакам. Через несколько мгновений парочка смельчаков все-таки пришла мне на помощь: пока они держали эту чумазую зверюгу, я успела наложить швы.

Завязав последний узелок и обрезав вошеную нитку ланцетом Мюррея – во время суматохи инструмент упал нам под ноги, но, к сожалению, так и не сломался, – я убрала колено с собачьего бока; пыхтели мы с псом одинаково громко.

Зрители взорвались аплодисментами.

Я поклонилась и принялась приводить в порядок растрепавшуюся шевелюру. У Мюррея дела обстояли не лучше: на плаще красовались пятна грязи и крупная прореха, а пациенты разбежались в разные стороны. Он подхватил собаку под брюхо и взгромоздил на стол.

– Ваш пес, сэр, – сказал Мюррей, отдуваясь.

Старик положил ладонь на макушку питомца, перевел мрачный взгляд с меня на Мюррея и обратно – будто не мог решить, одобряет ли он командный подход к хирургическим операциям. Снова посмотрел на солдат, тренировавшихся на поляне, повернулся ко мне и сурово свел брови.

– А это кто такие? – спросил он с глубоким недоумением. Затем, не дожидаясь ответа, пожал плечами и зашагал прочь. Пес, вывалив язык, спрыгнул со столика и потрусил рядом с хозяином навстречу новым приключениям.

Я глубоко вздохнула, встряхнула передник, одарила Мюррея благодарной улыбкой и принялась отмывать руки перед приемом следующего пациента.

– Ха! – тихонько выдохнула Брианна. – Смотри, кто к нам пришел!

Она кивнула куда-то в сторону, и я обернулась через плечо.

Наш следующий пациент был джентльменом. Самым настоящим джентльменом, судя по наряду и манерам, заметно выделявшимся на фоне общей массы. Некоторое время он просто стоял на краю поляны и наблюдал за мной и за Мюрреем, решая, кто из лекарей более достоин его внимания. Инцидент с собакой траппера явно сдвинул чашу весов в мою пользу.

Я покосилась на Мюррея. Вид у того был кислый – джентльмен наверняка собирался заплатить живой монетой. Пожав плечами в качестве извинения, я нацепила вежливую профессиональную улыбку и указала новому пациенту на скамью:

– Присядьте, пожалуйста, сэр. И расскажите, что у вас болит.

Джентльмена звали мистер Гудвин, и он приехал на Сбор из Хиллсборо. Сильнее всего, его беспокоила боль в руке, но эта беда была не единственной. Щеку джентльмена украшал едва заживший шрам, и край рубца стягивал кожу около глаза, отчего казалось, что мистер Гудвин яростно щурится. Над скулой виднелся бледный синяк, оставшийся от удара каким-то тяжелым предметом, и все лицо его было одутловатым и припухшим, как у человека, который не так давно получил сильную трепку.

Даже джентльмен может ввязаться в драку при соответствующей провокации, однако мой пациент находился в том почтенном возрасте, когда люди предпочитают избегать подобных развлечений; на вид ему было чуть больше пятидесяти, и жилет с серебряными пуговицами с

⁴ Мальчик, малыш (гэльск.).

трудом смыкался над внушительным брюшком. Возможно, грабительское нападение, решила я. Вряд ли это произошло по дороге на горское сборище – ранам было уже несколько недель.

Я осторожно ощупала плечо и предплечье, заставляя пациента слегка пошевелить рукой, и задала несколько вопросов. Природа травмы не вызвала сомнений: мистер Гудвин вывихнул локоть, и хотя сустав уже почти встал на место, порванное сухожилие оказалось зажатым между локтевым отростком и головкой локтевой кости, поэтому каждое движение причиняло боль.

На этом список боевых ранений не закончился; ощупав предплечье до конца, я обнаружила три простых перелома, успевших частично срастись. Повреждения были не только внутренними; над местами переломов я заметила два побледневших синяка желто-зеленого цвета с темно-красными гематомами посередине. Самозащита, не иначе.

– Бри, надо наложить лубок. Найди-ка подходящую дощечку, – попросила я. Бри молча кивнула и исчезла из виду, а я принялась обрабатывать мелкие кровоподтеки каяпутовой мазью.

– Что же с вами стряслось, мистер Гудвин? – поинтересовалась я между делом, отмеряя льняную повязку. – Вид у вас как после серьезной драки. Надеюсь, противнику досталось сильнее!

Мистер Гудвин слабо улыбнулся в ответ на мою шутку.

– Смею заверить, миссис Фрейзер, битва была непростая, – ответил он, – но участвовал я в ней не по доброй воле, а скорее по воле случая. Можно сказать, оказался не в том месте и не в то время.

Я притронулась к шраму на щеке, и мистер Гудвин рефлекторно зажмурился. Несмотря на грубые швы, рана зажила без осложнений.

– Как же так получилось? – спросила я.

Он хмыкнул.

– Вы наверняка слышали офицера сегодня утром, мэм. Который читал послание губернатора о возмутительных преступлениях бунтовщиков.

– Послание губернатора слышали все, – пробормотала я, осторожно касаясь шрама кончиками пальцев. – Так вы были в Хиллсборо во время бунта?

– Совершенно верно. – Осознав, что мои прикосновения не причиняют боли, мистер Гудвин вздохнул и слегка расслабился. – Я живу в этом городе. И если бы я послушался жену, умолявшую меня не выходить из дома, – он печально улыбнулся, – то остался бы невредим.

– Говорят, любопытство сгубило кошку. – Мое внимание привлек синяк на скуле, и я осторожно провела пальцем по кровоподтеку. – Вас ударили по лицу, вот здесь... Зубы не выбиты?

Мистер Гудвин одарил меня удивленным взглядом.

– Выбиты, мэм, но тут уже ничего не исправишь.

Он оттянул верхнюю губу, показывая зияющую дыру на месте двух зубов. Один премоляр был выбит полностью, а второй отломан у самого корня; над покрасневшей десной виднелся зазубренный край пожелтевшей эмали.

Как раз в этот момент к нам подошла Брианна с дощечкой для лубка. Взглянув на мистера Гудвина, она слегка поперхнулась: зубы у него были относительно целы, но при этом покрыты толстым слоем желтоватого налета и коричневыми пятнами от жевательного табака.

– Почему же? Я постараюсь помочь, – сказала я, не обращая внимания на Бри. – Вам, наверное, больно жевать? Новый зуб я, конечно, не вставлю, зато могу вытащить отломанный корень и обработать десну, чтобы не было воспаления. Кто вас так ударил?

Он пожал плечами и с настороженным интересом взглянул на мои инструменты: блестящие щипцы для удаления зубов и скальпель с прямым лезвием.

– По совести сказать, мэм, я не успел рассмотреть. В тот день мне пришлось отправиться в городской суд. Я завожу иск против одного джентльмена из Эдентона, – пояснил он, нахму-

рившись. – Требовалось передать определенные документы. К сожалению, мне не удалось пробиться к зданию суда, поскольку всю улицу заполонила разгневанная толпа. Многие из протестующих захватили с собой дубинки, хлысты и прочие орудия подобного рода.

Увидев бунтарей, мистер Гудвин решил вернуться домой, и тут кто-то швырнул камень в окно. Звон разбившегося стекла послужил сигналом к действию; толпа хлынула вперед, снося двери и изрыгая угрозы.

– Один из моих друзей, мистер Фаннинг, находился внутри. Я не мог остаться в стороне.

– Фаннинг... Случаем, не Эдмунд ли Фаннинг? – Я слушала его вполуха, размышляя о том, как лучше подступиться к обломанному зубу, но имя все-таки узнала. Фаркуард Кэмпбелл упоминал некоего Фаннинга, когда рассказывал Джейми страшные подробности о бунтах, разразившихся несколько лет назад после принятия Акта о гербовом сборе. Фаннинга назначили почтмейстером колонии – весьма прибыльная должность, за которую ему наверняка пришлось заплатить внушительную сумму и которую он был вынужден покинуть под давлением непреодолимых обстоятельств. Видимо, за прошедшие пять лет Фаннинг заработал себе дурную славу.

Мистер Гудвин поджал губы, всем своим видом выражая неодобрение.

– Да, мэм, именно он. Несмотря на скандальные слухи о его персоне, этот джентльмен был и остается моим другом. Узнав, что его жизни угрожает опасность, я поспешил на помощь.

Мистеру Гудвину не удалось осуществить свой благородный порыв.

– Я хотел пробиться внутрь, – продолжал он, глядя, как я накладываю лубок и аккуратно расправляю повязку. – Но стоило мне подступиться к крыльцу, как из здания донесся громкий крик и толпа оттеснила меня назад.

К ужасу мистера Гудвина, отчаянно пытавшегося устоять на месте, двери здания суда распахнулись и на крыльцо вытащили Эдмунда Фаннинга. Почтмейстер был без сознания; его спустили вниз по лестнице, волоча за ноги. Голова безвольно билась о ступени.

– Такой кошмарный звук... Как будто арбуз по лестнице катится.

– Ох, господи, – пробормотала я. – Надеюсь, мистер Фаннинг остался жив? Насколько мне известно, во время беспорядков в Хиллсборо не было погибших. Расслабьте руку, пожалуйста, и вдохните поглубже.

Мистер Гудвин глубоко вдохнул и тут же охнул от боли. Затем последовал еще один судорожный вдох, когда я вправила сустав, освобождая порванное сухожилие. На обвислых щеках пациента проступил пот, он побледнел.

– Мой дражайший друг выжил. Бунтарям так не терпелось поизмываться над главным судьей, что они оставили Фаннинга валяться в дорожной пыли, а сами кинулись обратно в здание суда. Я позвал на помощь друга, и мы вдвоем соорудили носилки, чтобы отнести беднягу в укрытие, но не успели и шагу ступить, как поднялся страшный крик. Толпа навалилась на нас со всех сторон. Вот там-то я и заработал свои раны. – Мистер Гудвин поднял перевязанную руку и указал на рубец у глаза и выбитые зубы. – Хотелось бы верить, что имена бунтарей станут известны и что они понесут заслуженное наказание за свои варварские поступки... Но уж если молодчик, с которым я дрался, попадется мне на глаза, то я не стану сдавать его на суд губернатору. Ох, не стану!

Он медленно стиснул кулаки и перевел на меня разгневанный взгляд, словно вышеупомянутый бунтарь скрывался прямо под хирургическим столиком. Брианна переступила с ноги на ногу – она, как и я, наверняка вспомнила про Хобсона и Фаулза. А вот Авель Макленнан был просто случайным свидетелем бунта. И неважно, какие преступления он мог сотворить в Хиллсборо.

Я пробормотала какую-то сочувственную глупость и достала бутылку виски, выполнявшего роль дезинфицирующего средства и примитивного анестетика. При виде виски мистер Гудвин значительно воодушевился.

– Вот, возьмите-ка... чтобы слегка взбодриться! – Я щедро плеснула виски в кружку. Заодно продезинфицируем то безобразие, которое творится у него во рту. – Подержите виски за щекой, прежде чем глотать. Это немного притупит боль.

Мистер Гудвин послушно набрал полный рот виски, раздувая щеки, как лягушка, которая вот-вот заведет громкую трель, и я обернулась к Бри. Она слегка побледнела – то ли от истории о беспорядках, то ли от вида зубов нашего пациента.

– Пожалуй, дальше я справлюсь сама, радость моя, – сказала я и похлопала Бри по руке. – Сходи-ка к Июкасте. Посмотри, как идет подготовка к свадьбе.

– Точно, мам?..

Брианна торопливо стянула забрызганный кровью фартук и свернула его в комок. Проледив за ее взглядом, я увидела Роджера, стоявшего за кустом неподалеку и не сводившего с нее глаз. Бри развернулась к нему с сияющей улыбкой, и сердце радостно сжалось у меня в груди. Хорошая из них вышла пара.

– А теперь, мистер Гудвин, выпейте еще капельку и начнем.

Улыбнувшись, я повернулась к пациенту и взяла в руки щипцы.

Глава 6. За счастье прежних дней!

Роджер ждал на краю поляны, наблюдая, как Брианна помогает Клэр: толчет травы, разливает лекарства по маленьким бутылочкам и готовит повязки. Несмотря на прохладу, Бри закатала рукава, и каждый раз, когда она разрывала полотно, под веснушчатой кожей напрягались и перекатывались мышцы.

«Сильные руки», – подумал Роджер, невольно вспомнив мрачную историю Эстеллы из романа Диккенса «Большие надежды». Да и вся Бри, от макушки до пяток, была сильной и статной, будто высокая ольха; ветер трепал ее юбку, подчеркивал крутой изгиб бедер и длинные ноги, стоило Бри шагнуть или повернуться в сторону.

Она притягивала взгляды. Половина пациентов, пришедших на прием к лекарям, смотрели на Брианну; некоторые – в основном женщины – слегка нахмурились, некоторые – все мужчины – оценивающе и со скрытым восхищением, отчего Роджеру хотелось выйти на поляну и показать всем, что эта женщина принадлежит ему.

«Пусть смотрят, – думал он, подавляя неуместный порыв. – Главное, что ни один из них не удостоился ее внимания».

Он сделал шаг из-за завесы ветвей. Бри сразу его заметила и посветлела лицом. Роджер улыбнулся в ответ, кивнул в сторону тропы, а потом зашагал прочь, не дожидаясь, пока его догонят.

Неужели он поддался мелочному желанию и решил доказать праздным зевакам, что эта женщина готова бросить все и бежать к нему по первому мановению руки? Ох, кажется, и вправду поддался. Однако стыд, охвативший Роджера, был изрядно разбавлен яростным чувством собственности, которое всколыхнулось при звуке шагов у него за спиной: да, она готова примчаться к нему по первому зову.

Бри оставила все рабочие инструменты, нохватила с собой небольшой бумажный сверток, перевязанный нитью. Роджер повел ее в сторону от тропы, к небольшой кленовой роще, пламеневшей алыми и желтыми листьями. Там можно было укрыться от посторонних глаз.

– Прости, что отвлек, – сказал он, хотя на самом деле не испытывал ни малейшего сожаления по этому поводу.

– Ничего. Я только рада оттуда сбежать. Не могу больше возиться с кровью и внутренностями. – Она уныло усмехнулась.

– Не волнуйся. В женщине важны другие качества.

– Думаешь? – откликнулась Бри, наградив его тяжелым взглядом. – Здесь мужчине нужна жена, которая сумеет выдрать больной зуб или пришить отрубленный палец.

Настроение у Бри было мрачным; возможно, во всем виновата погода или работа, которой она занималась. Чтобы впасть в депрессию, достаточно было просто взглянуть на пациентов Клэр – на бесконечную вереницу увечных, раненых и тяжелобольных. В таких условиях только сама Клэр могла сохранять бодрость духа.

То, что он собирался сказать Брианне, должно было отвлечь ее от суровых реалий восемнадцатого века. Роджер коснулся ладонью лица Бри, огладил пальцем рыжую бровь. Щека была прохладной, но дальше – за ухом, под волосами – кожа дышала теплом, как и в других укромных уголках ее тела.

– Я получил ровно то, что хотел, – твердо сказал он. – А ты? Уверена, что тебе нужен муж, который не умеет снимать скальпы с индейцев и не приносит с охоты свежую дичь? Я ведь тоже предпочитаю избегать крови.

В глазах Бри мелькнула искорка смеха.

– Нет, я бы не хотела выйти замуж за кровожадное чудовище. Мама так иногда называет папу, если сильно разозлится.

Роджер рассмеялся.

– А как ты будешь называть меня в приступе злости?

Бри окинула Роджера задумчивым взглядом, и искорка в глазах полыхнула еще ярче.

– Не волнуйся. Папа отказывается учить меня дурным словам на гэльском, зато Марсали подсказала парочку отличных французских оскорблений. Знаешь, что значит *un soûlard*?⁵ А *un grande gueule*?⁶

– *Oui, ma petite chou*...⁷ Хотя мне еще ни разу не попадалась капуста с таким красным носом. – Он коснулся кончика ее носа, и Бри со смехом увернулась.

– *Maudit chien!*⁸

– Прибереги парочку ругательств для супружеской жизни, – посоветовал Роджер. – Еще пригодится.

Он взял Бри за руку и потянул к валуну, лежавшему рядом. В другой руке она по-прежнему сжимала странный сверток.

– Что это?

– Свадебный подарок, – пояснила Бри и протянула пакет Роджеру, брезгливо придерживая его двумя пальцами, как дохлую мышь.

Он осторожно подхватил его; сквозь бумагу прощупывалось что-то мягкое и очень легкое, почти невесомое.

– Шелк для вышивки, – пояснила Бри. – От миссис Бьюкенен.

Между ее бровями снова залегла морщинка, а в глазах мелькнула тревога... Нет, какое-то другое странное чувство – Роджер, хоть ты тресни, не мог его распознать.

– А что не так с шелком для вышивки?

– С шелком все в порядке. Но использовать его надо с определенной целью.

Бри забрала сверток у Роджера и сложила в карман под нижней юбкой.

– Специально для погребальной одежды.

Он не сразу понял, о чем говорит Брианна, и решил, что это какое-то странное бостонско-шотландское выражение.

– Для погребальной одежды... для савана?

– Да. Предполагается, что наутро после свадьбы я, как примерная жена, должна начать ткать себе саван, – выдавила Бри сквозь сжатые зубы. – Чтобы он был готов к тому моменту, как я умру при родах. Хорошая мастерица за это время успеет сшить саван и для любимого мужа. А если не успеет, то его закончит следующая жена!

Роджер посмеялся бы над этой традицией, но Бри явно расстроилась.

– Миссис Бьюкенен на редкость глупая женщина, – сказал он и взял Брианну за руки. – Не бери в голову, это все чепуха.

Она нахмурилась.

– Миссис Бьюкенен, – сказала Бри, – невежественна и бестактна. Но при этом она совершенно права.

– Да какая тут может быть правота! – возмутился Роджер с напускной уверенностью.

– Сколько жен успел похоронить Фаркуард Кэмпбелл? Гидеон Оливер? Эндрю Макнил?

Девять, если считать всех троих джентльменов. Макнил собирался жениться в четвертый раз – на восемнадцатилетней девушке из Уивер-Гордж. Роджер решительно проигнорировал кольнувшую его тревогу.

⁵ Пьянчуга (*фр.*).

⁶ Крикун, болтун (*фр.*).

⁷ Да, моя милая капустка (*фр.*).

⁸ Грязный пес (*фр.*).

– А Дженни Кэмпбелл родила восьмерых и проводила на тот свет второго мужа, – отрезал он. – Если уж на то пошло, у самой миссис Бьюкенен пятеро детей и она пока не собирается в могилу. Видел я их семейство – все непроходимые тупицы, зато пышут здоровьем.

После его тирады Бри неуверенно улыбнулась, и Роджер воодушевленно продолжил:

– Милая, тебе нечего бояться. С Джемми ведь все прошло легко?

– Ах, легко? Тогда в следующий раз рожай сам! – огрызнулась Бри. Правда, улыбка так и не исчезла с ее лица. Она попыталась выдернуть руку, но Роджер не отпустил, и Бри не стала сопротивляться.

– То есть ты не возражаешь против следующего раза? Несмотря на миссис Бьюкенен? – Тон был шуточный. Роджер притянул Брианну к себе и обнял, пряча лицо у нее в волосах, чтобы скрыть серьезность своего вопроса.

Обмануть Бри не удалось – она отстранилась и заглянула ему в лицо синими, как море, глазами.

– А ты готов жениться, но сохранять воздержание? Пижмовое масло не всегда помогает – посмотри на Марсали!

Крошка Джоан была живым подтверждением неэффективности этого средства. И все же...

– Есть ведь и другие способы. Но если тебе нужен целибат... я на него согласен.

Вопреки собственным словам Роджер решительно стиснул ее ягодицу. Бри рассмеялась, однако через мгновение смех утих и синие глаза подернулись темной поволокой.

– Ты всерьез?

– Да. – Роджер не кривил душой, хотя одна мысль о таком обещании камнем легла на плечи.

Бри вздохнула и провела ладонью по его щеке, вдоль шеи, коснулась ямки между ключицами. Большой палец застыл там, где судорожно бился пульс, и Роджера оглушил стук собственного сердца.

Он не шутил насчет целибата, но все равно потянулся к Бри за поцелуем. Воздуха не хватало, и Роджер жадно ловил ее вздохи, стремясь оказаться как можно ближе – переплести пальцы, прижаться губами, стиснуть в объятиях. Раздвинув бедром ноги Бри, он почувствовал, как она упирается ладонью ему в грудь, будто хочет отстраниться, – но через мгновение пальцы судорожно сжались, и Бри вцепилась в него что есть силы. Они кинулись друг на друга, задыхаясь и сталкиваясь зубами в горячечной спешке.

– Я не... мы не... – На мгновение он отодвинулся, силясь подобрать слова. Прохладная рука скользнула ему под килт, уверенно коснулась разгоряченного тела, и Роджер окончательно потерял способность к связной речи.

– Еще один разок, напоследок, – сказала Бри, обжигая его дыханием. – За счастье прежних дней!

Она опустила на мокрый ковер из желтых листьев и потянула Роджера за собой.

* * *

Дождь начал накапывать снова. Волосы Бри рассыпались по земле спутанным ореолом и потяжелели от влаги. Она лежала, закрыв глаза и повернув лицо к хмурому небу, и капли скатывались по щекам, будто слезы. Бри не знала, плакать ей или смеяться.

Роджер придавил ее сверху, теплый и надежный; килт урывал их переплетенные ноги от дождя. Ее ладонь покоилась у него на затылке, и Бри неторопливо перебирала волосы, мокрые и гладкие, как черный тюлений мех.

Наконец он застонал, словно раненый зверь, и приподнялся. По влажной коже, все еще хранившей тепло там, где их тела соприкасались, пробежал озноб.

– Прости, – пробормотал он. – Прости, я не должен был...

Бри приоткрыла один глаз: Роджер встал перед ней на колени и принялся расправлять вздернутую до пояса юбку. Его шейный платок улетел куда-то в сторону, порез под челюстью вновь начал кровоточить. В любовном угаре Бри порвала ему рубашку, на жилете не хватало половины пуговиц. Лицо Роджера было перепачкано грязью и кровью, а в темных волнистых волосах застряли палые листья и кусочки желудей.

– Ничего страшного, – сказала она, усаживаясь. Выглядела Бри не лучше: груди потяжелели от молока, на лифе платья проступили большие мокрые пятна. Роджер заметил, как она ежится от холода, поднял брошенный на землю плащ и бережно укутал ее.

– Прости, – снова повторил он и отвел прядь волос, упавшую ей на щеку.

– Не волнуйся. – Брианна пыталась взять себя в руки, но сосредоточиться не получалось. Мысли разбегались в разные стороны, словно быстрые капли ртути. – Прошло всего шесть месяцев, и я по-прежнему кормлю Джемми. Пока что беременность мне не грозит.

Потребность прикоснуться к Роджеру казалась непреодолимой. Она зажала рану на шее уголком своего плаща. Как можно говорить о воздержании, если одно его присутствие, запах, сладостные воспоминания о недавних минутах вызывали непреодолимый порыв – опрокинуть Роджера на землю и повторить все заново? Если непрошенная нежность разливалась по телу и стремилась наружу, как молоко?

Грудь ныли от неутоленного желания, и теплые струйки скатывались по ребрам. Бри коснулась припухшей плоти – пока что она в безопасности. Хотя бы на время.

Роджер отвел ее руку и осторожно дотронулся до пореза.

– Все нормально, кровь остановилась.

На его лице мелькнуло странное выражение. Обычно Роджер умело скрывал свои переживания за маской сдержанности, сейчас же в его чертах отражались противоречивые чувства – от глубокого удовлетворения до всепоглощающего смятения.

– Роджер, что случилось?

Он взглянул было на нее, тут же отвернулся и покраснел.

– Гхм, просто... Мы с тобой все еще неженаты.

– Разумеется, свадьба будет только вечером. К слову сказать... – Она покосилась на Роджера, сдерживая подступающий смех. – Ну и видок у вас, мистер Маккензи. Будто кто-то хорошенько с тобой поразвлекся.

– Очень смешно, миссис Мак, – откликнулся он, разглядывая перепачканную одежду. – А ты выглядишь так, будто побывала в жестокой драке. Но я о другом. Мы с тобой обручены, и это имеет законную силу, во всяком случае в Шотландии. Однако срок обручения составляет всего год и один день, и он уже давно истек. Нас можно будет считать супругами только после сегодняшней церемонии.

Бри прищурилась, стерла капли дождя со щеки тыльной стороной ладони и снова расхохоталась.

– Бог ты мой, да какая разница?

Против собственной воли Роджер расплылся в улыбке.

– Пожалуй, никакой. Понимаешь, я вырос в семье священника. Вроде бы знаю, что все в порядке, но иногда во мне просыпается старый шотландский кальвинист и начинает ворчать. Мол, нехорошо жить во грехе с женщиной.

– Ха, – фыркнула она, обхватывая руками колени. Наклонилась и толкнула его плечом. – Старый шотландский кальвинист, как же. Ну-ка рассказывай, в чем дело!

На темных, четко очерченных бровях и ресницах Роджера застыли капли воды, скулы поблескивали от влаги. Он глубоко вздохнул.

– Твои страхи вполне оправданны. Я ведь даже не задумывался – до сегодняшнего дня – о тех опасностях, которые подстерегают женщину в супружеской жизни.

Он наконец взглянул ей в лицо и улыбнулся, хотя в зеленых глазах по-прежнему таилась тревога.

– Я хочу тебя, Бри. Так хочу, словами не передать. Думаю о том, как мне с тобой хорошо, – и понимаю, что если мы будем продолжать в том же духе, то твоя жизнь может оказаться... да что там, точно окажется под угрозой! И все же не могу заставить себя остановиться.

Страх ледяной змеей скользнул вдоль позвоночника и свернулся в глубине живота, кольцом сжимаясь вокруг ее чрева. Бри понимала, чего хочет Роджер, – и речь шла не только о той ошеломляющей близости, которую они только что испытали. Она знала, что кроется за его желаниями, и никак не могла отказать.

– Да уж. – Бри тоже глубоко вздохнула, выпустив облачко белого пара. – Но беспокоиться уже поздно. – Она коснулась его руки. – Поверь мне, я тоже тебя хочу.

Брианна притянула Роджера к себе и поцеловала, прячась от страха в его теплых объятиях, в надежных и сильных руках.

– Господи, Бри, – пробормотал он, уткнувшись лицом в ее волосы. – Я готов отдать все на свете, лишь бы с тобой и Джемми ничего не случилось. Страшно подумать, что моя любовь может погубить тебя... что я могу стать причиной твоей смерти... Страшно.

Сердце Роджера билось под ее щекой – ровно и уверенно. Пальцы Бри, судорожно вцепившиеся в его плечи, постепенно согрелись, и тепло проникало все глубже, прогоняя ледяной ужас, сжимавший сердце.

– Не переживай, – сказала она наконец. Роджер не мог прогнать ее тревоги, но ей хотелось утешить его. – Все будет хорошо. У меня широкие бедра, это самое важное для роженицы. Крутобокая, как кувшин!

В подтверждение своих слов Бри провела ладонью по пышному бедру. Пальцы Роджера скользнули следом.

– Знаешь, что мне вчера сказал Ронни Синклер? Он посмотрел, как ты нагибаешься за хворостом для костра, а потом вздохнул и заявил: «Хочешь расскажу, как выбрать хорошую женщину, Маккензи? Сначала оцени низ, потом переходи к верху!» Гхм...

Роджер со смехом увернулся от тычка, затем склонился к Бри и нежно поцеловал. Дождь продолжал шуршать по палой листве. Пальцы Брианны стали липкими от крови, вытекшей из пореза.

– Ты ведь хочешь еще одного ребенка? – тихо спросила она. – Хочешь точно знать, что он твой.

На мгновение Роджер опустил голову, а потом решительно посмотрел ей в лицо, позволяя Бри прочитать ответ в его взгляде. Страстное желание пополам с заботой и страхом.

– Я не... – начал он, но Бри накрыла его губы ладонью.

– Я понимаю.

Она и вправду его понимала. Единственный ребенок в семье, Брианна тоже иногда тосковала по ощущению близости и родственного тепла, но никогда не была одинока. Двое заботливых и любящих отцов; мать, любовь которой оказалась сильнее границ времени и пространства; и неожиданное прибавление в семействе, Мюррей из Лаллиброха. Но самое главное – ее сын, ее плоть и кровь. Малыш, доверчиво прижимавшийся к Бри, центр ее мира.

Роджер, в отличие от нее, осиротел слишком рано. Едва помнил своих родителей, а после смерти старого дядюшки у него не осталось вообще ни одной родной души, никого, кто любил его – безусловно и безотчетно, – никого, кроме Бри. Чему же тут удивляться? Роджер истосковался по спокойствию и определенности – той, которую испытывала Брианна, когда баюкала своего сына.

– Я... кхм... хотел вручить его вечером... Вот, держи.

Он вытащил из внутреннего кармана плаща небольшой мягкий сверток.

– Можно сказать, свадебный подарок. – Роджер улыбался, но Бри чувствовала его неуверенность.

Она развернула ткань, и на нее взглянули черные глазки-пуговицы. Кукла была одета в бесформенное зеленое платье, а ее голову венчала буйная шевелюра из рыжей шерсти. Сердце Бри застучало как сумасшедшее, горло перехватило.

– Я решил, что малышу должно понравиться. Будет, обо что зубки почесать.

Брианна повернулась, и промокшая от молока ткань прилипла к груди; кожа зудела. Бри по-прежнему боялась, однако некоторые вещи были сильнее страха.

– У нас обязательно будет еще один, – сказала Бри и положила ладонь Роджеру на руку. – Не знаю когда, но обязательно будет.

Он накрыл ее пальцы своими и крепко сжал, опустив глаза.

– Спасибо, кувшинчик, – едва слышно произнес он.

* * *

Дождь разошелся не на шутку. Роджер убрал прилипшие ко лбу волосы и встряхнулся по-собачьи; с плаща и пледа полетели брызги. На серой шерстяной ткани красовалось грязное пятно, и отчистить его не удавалось.

– Господи, как в таком виде идти под венец? – шутливо поинтересовался он. – Я похож на бродягу.

– Еще не поздно, – поддразнила его Бри. Голос предательски дрогнул. – Всегда можно отказаться от этой затеи.

– Нет, нельзя. Я обречен с нашей первой встречи, – ворчливо ответил он. – Да и, кроме того, – Роджер приподнял бровь, – твой отец прирежет меня, как свинью, если я начну высказывать сомнения по поводу нашего брака.

– Ха! – Бри расплылась в широкой улыбке, и на щеке у нее появилась ямочка.

– Женщина, черт побери, тебя радует эта идея?

– Да. То есть нет! – Бри снова расхохоталась, а Роджер только этого и добивался. – Конечно, я не хочу, чтобы он тебя прирезал. Но мне приятно знать, что ради меня папа готов пойти на что угодно. Отец должен защищать своего ребенка.

Она улыбнулась Роджеру.

– Как вы, мистер Маккензи.

От этих слов у Роджера что-то сжалось в груди и жилет показался слишком тесным. Вспомнив о том, что он собирался ей рассказать, Роджер испытал холодный укол тревоги. В конце концов, представления об отцовской защите у всех разные – непонятно, как Бри реагирует.

Он потянул ее за собой в гущу деревьев – туда, где под ногами лежал душистый ковер из сухих иголок, а над головой, укрывая от дождя, нависали разлапистые еловые ветки.

– Пойдем, миссис Мак, присядем на минутку. Мне надо тебе кое-что рассказать перед свадьбой. – Роджер усадил ее рядом с собой на замшелый ствол. Откашлялся и собрался с мыслями. – Прежде чем пройти через каменные круги в Инвернесе, я успел покопаться в документах, которые хранил у себя преподобный, и наткнулся на письмо, отправленное твоим отцом. То есть Фрэнком Рэндаллом. Сейчас оно уже не имеет никакого значения, но... я подумал, что между будущими супругами не должно быть секретов. Вчера вечером рассказал об этом письме твоему отцу. Теперь твоя очередь.

Ладонь Брианны лежала в его руке. Роджер продолжал говорить, и ее пальцы сжимались все крепче и крепче, а на лбу проступала глубокая морщинка.

– Повтори, – сказала она, когда он закончил свою речь. – Еще раз.

Роджер послушно повторил письмо заново – наизусть, слово в слово, как рассказывал накануне Джейми Фрейзеру.

– Значит, надгробный камень в Шотландии, на котором высечено папино имя, – всего лишь подделка? – Она слегка повысила голос от удивления. – Папа... Фрэнк попросил преподобного установить надгробие на кладбище в Сент-Килде, но могила ненастоящая? Под камнем никого нет? То есть... папу похоронят не там?

– Да, попросил. Нет, его похоронят не там, – ответил Роджер, стараясь не запутаться в этой истории. – По-моему, он... то есть Фрэнк Рэндалл... хотел поставить этот камень в знак благодарности. Чтобы отдать должное твоему отцу... второму отцу. Джейми.

От холода на щеках Брианны проступил румянец; кончик носа и уши покраснели, и жар, плававший, пока они занимались любовью, отступил окончательно.

– Откуда он знал, что мы с мамой найдем эту могилу?

– Может быть, ему не хотелось, чтобы вы ее нашли, – ответил Роджер. – Или это был просто символический жест. Кроме того, – добавил он, вспомнив еще одну подробность, – Клэр говорила, что незадолго перед смертью Фрэнк собирался отвезти тебя в Англию. Может быть, хотел показать это место... и оставить решение за тобой и Клэр.

Брианна погрузилась в раздумья.

– Он ведь знал, – медленно произнесла она. – Он знал, что Джейми Фрейзер выжил в сражении при Каллодене. И ничего не сказал...

– Не стоит его винить. Дело тут не в эгоизме. Не только в нем.

– Не только? – Бри еще не оправилась от потрясения. Она размышляла над его словами, пытаясь взвесить все подробности, и не торопилась делать выводы.

– Нет. Подумай, милая, – ласково сказал Роджер. Ствол ели холодил спину; пальцы касались мокрой коры на замшелом бревне. – Он любил твою мать и не хотел терять ее снова. Эгоистичное желание, но, как ни крути, Фрэнк был ее первым мужем. Нельзя винить его за то, что он не желал уступать Клэр другому мужчине. И это еще не все.

– Да? – Она говорила спокойно, голубые глаза смотрели прямо и уверенно.

– Ну, представь себе: а что, если бы он ей все рассказал? Молодой матери с маленьким ребенком. Ведь они не подозревали о том, что ты тоже можешь пройти сквозь каменный круг.

В глазах Брианны мелькнула грусть.

– Ей бы пришлось выбирать, – сказала Бри, не отводя взгляда. – Остаться с нами или отправиться к нему. К Джейми.

– Покинуть тебя, – кивнул Роджер, – или жить как прежде и постоянно помнить о том, что Джейми жив, но им не суждено быть вместе. Нарушить супружеские клятвы – на этот раз осознанно – и бросить своего ребенка... или жить в бесконечной тоске по несбывшемуся счастью. Такой тяжкий груз разрушил бы вашу семью.

– Да, я понимаю, – сказала Бри, и ее вздох растворился в воздухе призрачной дымкой.

– Фрэнк боялся. Он не оставил Клэр выбора, но защитил ее – и тебя – от боли. Хотя бы на время.

Она прикусила губу, напряглась.

– Интересно, что бы она сделала. Если бы Фрэнк ей все рассказал, – тихо промолвила Бри.

Роджер сжал ее руку.

– Она бы осталась с тобой, – уверенно ответил он. – Ей уже приходилось выбирать: когда Джейми отправил ее обратно, чтобы защитить тебя. И во второй раз она поступила бы точно так же, зная, что Джейми ее поддержит. Клэр осталась бы с тобой. И не вернулась бы сюда, если бы ты не настояла. Понимаешь?

Бри слегка расслабилась, успокоенная его словами.

– Да, наверное, ты прав. И все же... Знать, что он остался жив, и не попытаться вернуться...

Роджер прикусил щеку, сдерживая рвущийся наружу вопрос. «А если бы выбирать пришлось тебе, Брианна? Между сыном и мной?» Но разве можно ставить любимую женщину перед таким жестоким выбором – даже теоретически? Неважно, ради чего. Он не станет спрашивать ее об этом.

– Все-таки... зачем он установил там надгробный камень? – Морщинка на лбу Брианны напряженно изогнулась, отражая глубокое смятение.

Роджер никогда не встречался с Фрэнком Рэндаллом лицом к лицу, но мог ему посочувствовать, – и это сочувствие не было холодным и отстраненным. Поначалу он не понимал, почему ему непременно хотелось рассказать о письме до свадьбы, однако постепенно начал осознавать собственные мотивы. И эти мотивы ему не нравились.

– Наверное, им двигало чувство долга. Не только по отношению к Джейми и твоей маме, но и к тебе. Если бы... – Он замолчал и крепко стиснул ее руку. – Послушай. Взять хотя бы крошку Джемми. Ты моя женщина, он мой сын – и всегда будет им оставаться. – Роджер глубоко вздохнул. – Но если бы я оказался на месте другого...

– На месте Стивена Боннета, – сказала Бри и поджала побелевшие губы.

– Если бы я оказался на месте Боннета, – кивнул он, содрогнувшись от этой отвратительной мысли, – если бы я знал, что моего ребенка растит чужой человек... разве мне не хотелось бы, чтобы мой сын узнал правду?

Пальцы Брианны дернулись, глаза резко потемнели.

– Не рассказывай ему! Роджер, ради всего святого, не рассказывай! Пообещай!

Он удивленно взглянул на Бри. Ее ногти впились в его ладонь.

– Боннету? Господи, да ни за что! Если я его еще раз увижу, то не стану тратить время на разговоры!

– Не Боннету. – Она вздрогнула, то ли от холода, то ли от переполнявших ее эмоций. – Держись от этого мерзавца подальше! Нет, я про Джемми. – Бри слотнула и крепко стиснула обе его руки. – Обещай, Роджер. Если ты меня любишь, обещай, что никогда не расскажешь Джемми про Боннета. Даже если со мной что-нибудь случится...

– Ничего с тобой не случится!

Она посмотрела на него с насмешливой улыбкой.

– Я, знаешь ли, вряд ли смогу соблюдать воздержание. Случиться может все. Пообещай, Роджер.

– Хорошо. Обещаю, – неохотно ответил он. – Если ты не сомневаешься...

– Не сомневаюсь!

– Неужели ты сама хотела бы остаться в неведении? Про Джейми?

Она прикусила губу, и зубы оставили глубокий красный след на нежной розовой коже.

– Между Джейми Фрейзером и Стивеном Боннетом нет ничего общего!

– Согласен. Но я говорил не про Джемми. На месте Боннета я бы хотел узнать правду и...

– Он знает. – Брианна резко высвободила руку, встала и отвернулась.

– Что?!

Роджер нагнал ее в два шага, ухватил за плечо и снова развернул к себе. Она отпрянула, и Роджер ослабил хватку. Глубоко вздохнул, стараясь говорить спокойно.

– Боннет знает про Джемми?

– Хуже того. – Губы у нее дрожали. Бри стиснула зубы, пытаясь успокоиться, а потом все-таки выдавила из себя признание: – Он думает, что Джемми его сын.

Она не желала больше сидеть под укрытием еловых веток, так что Роджер крепко взял ее под руку и повел за собой – сквозь бесконечный дождь, по камням и скалам, мимо быстрого ручья и качавшихся на ветру деревьев, – пока Бри не успокоилась и не начала рассказывать о

том, как жила одна в поместье «Горная река», невольная узница из-за собственной беременности. Она рассказала ему про лорда Джона Грея, который был другом ее отца; о том, как она изливала лорду Джону свои страхи и метания.

– Я боялась, что вы погибли. Все – и мама, и папа, и ты.

Капюшон соскользнул с головы, но Бри даже не попыталась надеть его снова. Волосы свисали на плечи мокрыми крысиными хвостиками, густые рыжие брови потемнели от влаги.

– Последнее, что сказал мне папа... даже не сказал – написал, потому что я не желала с ним разговаривать... – Бри сглотнула и утерла нос ладонью, стряхивая нависшую каплю. – Он сказал, что надо попытаться... простить его. Боннета.

– Что?!

Сам того не замечая, Роджер судорожно вцепился в ее руку, и Бри слегка отстранилась.

– Ты знаешь, что случилось с ним... в Уэнтворте.

Роджер кивнул. На самом деле он смутно представлял, какие испытания выпали на долю Джейми Фрейзера. Он видел шрамы на его спине и по отдельным репликам Клэр успел понять, что они остались в напоминание о пережитом.

– Папа понимал, что нужно делать. Сказал, что если... если я хочу снова почувствовать себя цельной, то мне придется простить Стивена Боннета. И я его простила.

Роджер держал Брианну за руку, держал крепко, чувствуя движение хрупких костей под кожей. Она ничего ему не рассказывала, а он не спрашивал. Имя Стивена Боннета не всплыло ни в одном из их разговоров – до сегодняшнего дня.

– Простила, значит, – мрачно пробормотал он и замолчал на секунду. – То есть ты его нашла? Поговорила с ним?

Она откинула мокрые волосы со лба и кивнула. Грей принес ей внезапную весть: Боннета арестовали и осудили, в Уилмингтоне его ждала смертная казнь. Держали его в подвалах под Королевскими складами в Кросс-Крике. И она отправилась туда, лелея в душе прощение – для Боннета и для себя самой.

– Я была вот такушая. – Брианна провела ладонью в воздухе, обрисовывая живот на последних месяцах беременности. – Сказала, что ребенок его. Думала, что эта мысль послужит ему утешением перед смертью. Что после него осталось... хоть что-то.

Роджера охватил приступ ревности – такой внезапный и сильный, что на мгновение боль в сердце показалась вполне настоящей. «После него осталось хоть что-то, – подумал он. – После него. А после меня? Если я завтра умру – а я ведь могу, жизнь здесь суровая, и не только для женщин! – что останется после меня? Ну-ка, скажи мне, милая!»

Нельзя было задавать этот вопрос, никак нельзя. Он поклялся, что никогда не усомнится вслух в том, что Джемми его ребенок. Если Бри станет его женой, значит, Джем будет ему сыном, и неважно, от кого он рожден. И все же слова выплеснулись наружу, как едкая кислота.

– И ты уверена, что ребенок его?

Брианна застыла на месте и обернулась к нему с круглыми от изумления глазами.

– Нет, конечно! Если бы я знала, я бы уже давно сказала тебе.

Боль в груди слегка утихла. Совсем чуть-чуть.

– Вот как... Но при нем ты не упоминала о своих сомнениях?

– Боннета ждала смертная казнь! Я хотела утешить его, а не делиться своими душевными переживаниями. И не собиралась рассказывать про тебя, про нашу брачную ночь и... и... Да чтоб тебя, Роджер! – Она яростно пнула его по голени.

Пинок был сильный. Роджер едва удержался на ногах, но успел схватить Бри за руку.

– Прости! – торопливо сказал он, прежде чем она пнула его во второй раз. Судя по выражению лица, Бри была готова вцепиться в него зубами. – Прости, ты права. Я не должен был ворошить старые воспоминания.

Брианна шумно втянула носом воздух на манер дракона, который собрался испепелить свою жертву. Искры гнева в ее глазах слегка поугасли, хотя на щеках по-прежнему полыхали яркие пятна.

– Вот именно, – ответила она, наградив Роджера мрачным взглядом. – Ты сказал, что между нами не должно быть секретов, и я полностью с тобой согласна. Но за одной тайной всегда может скрываться другая. Так и тянутся друг за другом.

– Я не...

Не успел Роджер закончить фразу, как послышались голоса и звуки шагов. Из тумана им навстречу вышли четыре горца. Они шагали по тропе босиком, переговариваясь друг с другом на гэльском, и несли с собой заостренные палки и сети. Чешуя свежепойманной рыбы поблескивала под дождем.

– А, певец! – Один из рыбаков бросил цепкий взгляд из-под мягкой широкополой шляпы и хитро ухмыльнулся. – Дрозд, собственной персоной! И дочка рыжего Джейми! Что, не смогли утерпеть до вечера?

– Запретный плод сладок, а благословения от сморчка-священника еще дождаться надо. – Второй горец заломил берет на затылок и выразительно похлопал свой пах, демонстрируя, про какой «сморчок» идет речь.

– Да нет же, – сказал третий и утер нос, не сводя глаз с Брианны. Та старалась поплотнее укутаться в плащ. – Он просто решил спеть ей песенку перед свадьбой.

– Я тоже знаю эту песенку, – откликнулся его приятель и расплылся в широченной улыбке, в которой явно не хватало зубов. – Но могу спеть куда лучше!

Щеки Брианны снова запылали румянцем; на гэльском она говорила не так хорошо, как Роджер, однако достаточно, чтобы понять общий смысл грубых шуток. Роджер шагнул вперед, прикрывая ее собой. Горцы не затевали ничего дурного, и дальше подмигивания и выразительных усмешек дело не пошло. Наконец первый из них стянул шляпу, похлопал ею по бедру, стряхивая воду, и заговорил серьезно:

– Хорошо, что мы повстречали тебя здесь, Дрозд. Моя мать слышала, как ты пел у костра, а потом рассказала всем своим тетушкам и кузинам, что от твоей музыки ноги сами просятся в пляс. Теперь они хором настаивают, чтобы ты непременно спел на празднике в Спринг-Крике. Моя младшенькая кузина выходит замуж; у дяди нет других детей. Зато он владеет мельницей!

– Знатный праздник получится! – вставил другой рыбак, помоложе; судя по внешнему сходству, он приходился первому горцу сыном.

– Затеваете свадьбу? – Роджер говорил на гэльском очень медленно и официально. – Значит, селедки будет вдоволь!

Два горца постарше рассмеялись над его шуткой, но их сыновья только рассеянно переглянулись.

– Эх, ребята ни разу в глаза селедки не видели, – сказал горец в берете. – Здесь родились, оба.

– А откуда вы родом, сэр? Из какой части Шотландии?

Услышав звонкий голос, горец вздрогнул от удивления. Пару мгновений он просто смотрел на Брианну, потом лицо его резко переменилось.

– Остров Скай, – ответил он. – Городок Скибост у подножия Куиллин. Меня зовут Ангус Маклауд, и Скай – земля моих дедов и прадедов. Но мои сыновья родились здесь.

Слова прозвучали тихо, и было в его голосе что-то такое, отчего бурное веселье юношей стремительно угагло, будто их окатили водой. Горец в широкополой шляпе посмотрел на Брианну с любопытством.

– А ты, дочка, родилась в Шотландии?

Бри молча покачала головой и запахнула плащ покрепче.

– Да, я тоже оттуда, – сказал Роджер в ответ на вопросительный взгляд. – Из селения Кайл-оф-Лохалш.

– Вот как, – ответил Маклауд, и на его суровом лице отразилось глубокое удовлетворение. – Значит, правду про тебя говорят? Что ты знаешь все песни шотландских гор и островов?

– Не все, – улыбнулся Роджер, – но многие. И еще выучу.

– Выучи, певец. – Маклауд медленно кивнул. – А потом научи своих сыновей. – Его взгляд остановился на Брианне, и губы тронула слабая улыбка. – Пусть поют моим детям, чтобы те помнили, откуда мы родом. Даже если им не суждено туда вернуться.

Один из юношей шагнул вперед и застенчиво протянул Брианне несколько рыбин, нанизанных на веревку.

– Возьмите, – сказал он. – Подарок на свадьбу.

Роджер видел, как дернулся уголок ее губ – от смеха или подступающей истерики? – но она приняла мокрую вязанку с королевским достоинством. И склонилась в глубоком реверансе.

– *Chanail facal agam dhuibh och taing*, – медленно произнесла она со своим необычным акцентом. «У меня нет слов, чтобы выразить свою благодарность».

Юноша мгновенно покраснел, а старший горец просиял от удовольствия.

– Вот и славно, дочка, – сказал Маклауд. – Твой муж научит тебя гэльской речи, а ты научишь своих сыновей. Пусть их у вас будет много!

Он снял берет и отвесил эффектный поклон, пошире расставив босые ноги, чтобы не упасть в грязь.

– Желаем много сильных и здоровых сыновей! – тут же подхватил его приятель, а двое юношей улыбнулись и застенчиво пробормотали: – Много сыновей вам, госпожа!

Горцы пошли своей дорогой, периодически бросая назад любопытные взгляды, а они остались стоять в двух шагах друг от друга. Брианна скрестила руки на груди и разглядывала грязь у себя под ногами. Сердце Роджера опять сжалось от боли. Ему хотелось прикоснуться к ней, попросить прощения, но от этого стало бы только хуже.

В конце концов она сама шагнула навстречу. Положила голову на плечо, и холодные мокрые волосы коснулись его пораненной шеи. Роджер чувствовал, как распухли и отвердели от молока ее груди, напивавшие на него, словно каменная преграда.

– Я хочу к Джемми, – тихо сказала она. – К моему малышу.

Невысказанные слова застряли в горле, и Роджер разрывался между извинениями и гневом. Мысль о том, что Джем принадлежит другому, – не ему, а Боннету! – причиняла невыносимую боль.

– Я тоже по нему соскучился, – прошептал он. Поцеловал Бри в лоб, взял за руку и повел напрямик через луг. Гора высилась над ними, невидимая в клубах тумана; сверху долетали обрывки фраз, крики и отголоски музыки, как эхо с вершины Олимпа.

Глава 7. Шрапнель

К середине утра дождь стих, сквозь облака начало проглядывать бледно-голубое небо, и у меня в душе зародилась смутная надежда на то, что вечером погода наладится окончательно. И вовсе не из-за пословиц и суеверий – мне просто не хотелось, чтобы дождь испортил Брианне свадьбу. Конечно, это не венчание в церкви Сент-Джеймс, с белым атласным платьем и россыпью рисовых зерен, но, по крайней мере, на свадьбе должно быть сухо.

Я помассировала правую руку, разминая затекшие мышцы: сломанный зуб мистера Гудвина доставил куда больше хлопот, чем я ожидала, и все-таки мне удалось выдернуть его вместе с корнями. Я вручила пациенту маленькую бутылку неразбавленного виски и велела полоскать рот раз в час для предотвращения инфекции. А уж проглатывать или не проглатывать – его личное дело.

От души потянувшись, я услышала, как звякнули деньги в потайном кармашке под юбкой, – сущая музыка для ушей. Мистер Гудвин и вправду заплатил за мои труды звонкой монетой. Я задумалась, хватит ли этих денег на астролябию и зачем вообще Джейми понадобился такой необычный инструмент. Мои размышления были прерваны тихим и очень официальным покашливанием.

Обернувшись, я обнаружила за спиной озадаченного Арчи Хэйза.

– Какая неожиданность! Могу ли я вам помочь, лейтенант?

– Полагаю, что можете, госпожа Фрейзер, – ответил лейтенант с легкой улыбкой. – Фаркуард Кэмпбелл рассказывал, что среди его рабов о вас ходят удивительные слухи. Будто бы вы умеете воскрешать мертвых. Смею надеяться, что пара осколков металла не вызовет особого затруднения у такого искусного хирурга.

Услышав его слова, Мюррей Маклауд громко фыркнул и отвернулся к своим пациентам.

– Хм. – Я смущенно потерла нос. Четыре дня назад у одного из рабов Кэмпбелла случился эпилептический припадок, и бедняга пришел в себя как раз в ту минуту, когда я положила ладонь ему на грудь. Мне так и не удалось втолковать окружающим, что я была непричастна к его исцелению, и слава о могущественной лекарке разнеслась со скоростью лесного пожара.

Вот и сейчас несколько рабов играли в кости на краю поляны, дожидаясь, пока я разберусь с другими больными. На всякий случай я окинула их пристальным взглядом: они не стали бы привлекать к себе внимание, даже будучи при смерти, – из почтения к моим белым пациентам, а также из глубокой убежденности в том, что, случись беда, я просто воскрешу труп и вылечу все недуги.

Удостоверившись, что в ближайшее время никто не собирается терять сознание, я вернулась к Хэйзу и вытерла руки о передник.

– Давайте посмотрим, что у вас там за осколки.

Хэйз без возражений снял берет, куртку, жилет, шейный платок и рубашку вместе с серебряным нагрудным знаком. Вручил одежду сопровождавшему его адъютанту и сел на скамью, сохраняя невозмутимое спокойствие, несмотря на частичную наготу, покрывшиеся мурашками плечи и пораженное бормотание рабов.

Грудь у него была практически безволосой и очень бледной – так бывает, если солнце годами не касается кожи, – что резко контрастировало с потемневшими от загара руками, лицом и коленями. Однако контраст на этом не заканчивался.

Слева на молочнo-белой груди расплывалось черное пятно, огромное, от ребер до ключицы. Правый сосок был нормального коричневатo-розового цвета, а левый – белого. Я удивленно моргнула, а позади нас раздалось тихое: «A Dhia!»

– A Dhia, tha e tionndadh dubh! – подхватил другой голос, погромче. «Господи, да он начал чернеть!»

Хэйз пропустил все возгласы мимо ушей и слегка откинулся назад, позволяя мне приступить к осмотру. Скоро стало понятно, что причина была не в естественной пигментации, а в бесчисленном множестве мелких темных гранул, засевших под кожей. Вместо соска остался только блестящий белый шрам размером с шестипенсовик.

– Порох, – сказала я, проведя кончиками пальцев по темному пятну. Мне уже доводилось видеть такие следы; они возникали после осечки или выстрела в упор, когда частички пороха – а зачастую и ткани – проникали глубоко под кожу. Все верно. Под пальцами ощущались крошечные бугорки, мелкие кусочки той одежды, которая была на Хэйзе в момент ранения.

– Пуля все еще внутри?

Входное отверстие сразу бросалось в глаза. Я дотронулась до белого шрама и попыталась представить траекторию ее движения.

– Не целиком, – безмятежно ответил Хэйз. – Раскололась по дороге. Хирург отдал мне те куски, которые сумел достать. Потом я сложил их вместе, но получилась только половина, так что все остальное по-прежнему во мне.

– Ваше счастье, что осколки не задели сердце и легкие, – сказала я, присаживаясь на корточки и разглядывая рану поближе.

– Еще как задели, – возразил он. – Во всяком случае, я так думаю. Понимаете ли, пуля попала в грудь, а теперь выходит на спине.

К огромному удивлению окружавших нас зрителей – и к моему собственному, – он оказался прав. Маленькая шишка под левой лопаткой не только прощупывалась руками, но и была заметна невооруженному глазу – темное уплотнение под нежной белой кожей.

– Чтоб мне провалиться! – воскликнула я, и Хэйз удивленно фыркнул.

Как ни странно, извлечь осколок удалось без особых усилий. Я обмакнула кусочек ткани в виски, протерла кожу, простерилизовала скальпель и сделала быстрый надрез. Хэйз сидел совершенно неподвижно, как полагается настоящему солдату и истинному шотландцу; если судить по шрамам, покрывавшим его грудь, ему приходилось терпеть вещи и похуже.

Я надавила на кожу по обеим сторонам надреза; края раны раздвинулись, и темный зазубренный осколок металла высунулся наружу, как кончик языка – ровно настолько, чтобы я смогла аккуратно подцепить его щипцами. С ликующим возгласом я кинула бесформенный кусок пули на ладонь Хэйза, а потом зажала порез пропитанной спиртом тканью.

Лейтенант медленно выдохнул сквозь зубы и улыбнулся, глядя на меня через плечо.

– Благодарю вас, миссис Фрейзер. Этот малыш пробыл со мной много лет, но горевать по нему я не стану. – Он с любопытством рассматривал металл, лежащий на забрызганной кровью ладони.

– Когда вы получили ранение? – поинтересовалась я.

На первый взгляд могло показаться, что осколок прошел тело насквозь, но я сильно сомневалась в такой возможности. Скорее всего, он просто застрял на груди у поверхности кожи, а потом, под давлением мышц, медленно сдвигался вокруг туловища, пока не достиг лопатки.

– Больше двадцати лет прошло, госпожа, – сказал Хэйз и коснулся плотного белого рубца, оставшегося на одном из самых чувствительных мест его тела. – Это случилось при Каллодене.

Говорил он спокойно, но по моим рукам пробежали мурашки. Больше двадцати лет... скорее, даже двадцать пять. Значит...

– Вам же было не больше двенадцати!

– Одиннадцать. – Он приподнял бровь. – Правда, на следующий день у меня был день рождения.

Пришлось прикусить язык, чтобы не ляпнуть какую-нибудь глупость. Мне казалось, что суровые нравы прошлого уже не смогут выбить меня из колеи, однако я ошибалась. В Хэйза –

в одиннадцатилетнего мальчика! – выстрелили в упор. Не по ошибке, не в угаре битвы... Нет. Тот, кто стрелял, прекрасно понимал, что целится в ребенка. И все равно нажал на курок.

Поджав губы, я осмотрела надрез. Неглубокий, длиной не больше дюйма; осколок находился у самой поверхности. Значит, швы не нужны. Я наложила на рану чистую повязку и принялась обматывать ее вокруг туловища.

– Чудо, что вы остались живы.

– Да, и вправду чудо. Помню, я лежал на земле, надо мной склонился Мурчисон и...

– Мурчисон! – воскликнула я, и на лице Хэйза мелькнуло удовлетворение. На секунду я испугалась, вспомнив слова Джейми: «Малыш Арчи – себе на уме. Болтает он много, а еще больше умалчивает. Будь с ним осторожней, саксоночка». Что ж, осторожничать уже поздно – да и какая разница? Даже если это был тот самый Мурчисон...

– Знакомое имя? – спросил Хэйз. – В Англии до меня дошли слухи, что сержант Мурчисон из двадцать шестого полка был отправлен в Северную Каролину. Но когда мы приехали в Кросс-Крик, гарнизон оказался разрушен. Говорят, там был пожар?

– Кхм, да. – Хорошо, что Бри успела уйти; правда о том, что случилось на королевских складах в Кросс-Крике, известна всего двум людям. Один из них – Бри. А что касается второго... Стивен Боннет вряд ли когда-нибудь повстречается с лейтенантом. Если он вообще жив.

– Солдаты из гарнизона, – продолжал Хэйз, – Мурчисон и все остальные... не знаете, где они теперь?

За моей спиной раздался мягкий глубокий голос:

– Сержант Мурчисон мертв, как ни прискорбно.

Хэйз улыбнулся говорившему.

– А, Рыжий Джейми, – сказал он. – Я как раз подумал, что рано или поздно ты решишь проведать жену. Искал тебя с самого утра.

Я вздрогнула, услышав прозвище, а по лицу Джейми скользнуло удивление, быстро сменившееся настороженностью. Никто не называл его «Рыжим Джейми» со времен восстания.

– Да, мне сообщили, – сухо ответил он и присел на вторую скамью лицом к Хэйзу. – Что ж, рассказывай. В чем дело?

Хэйз потянулся к споррану, болтавшемуся у него меж колен, и через несколько мгновений выудил оттуда письмо, скрепленное красной сургучной печатью. Я сразу узнала герб, и сердце замерло. Вряд ли губернатор Трион решил поздравить меня с прошедшим днем рождения.

Хэйз перевернул письмо, убедился, что там указано имя Джейми, и протянул его адресату. К моему удивлению, Джейми не стал его вскрывать, а вместо этого продолжал внимательно смотреть на Хэйза.

– Что тебя сюда привело? – неожиданно спросил он.

– Известное дело, долг службы, – ответил Хэйз, изумленно приподняв брови. Сама невинность. – Что еще может руководить солдатом?

– Долг службы, – эхом откликнулся Джейми и похлопал письмом по бедру. – Ладно, не спорю. По долгу службы ты отправился из Чарльстона в Виргинию, да только вот путь выбрал весьма окольный.

Хэйз хотел пожать плечами, но тут же замер, потревожив свежую рану у себя на спине. Я продолжала накладывать повязку.

– Мне нужно было огласить губернаторскую прокламацию.

– Ни ты, ни твои солдаты не обязаны подчиняться губернаторским приказам.

– Верно, – кивнул Хэйз, – но почему бы не оказать услугу хорошему человеку?

– Он сам попросил тебя об этой услуге или ты выступил добровольцем? – Голос Джейми сочился сарказмом.

– К старости ты стал излишне подозрителен, – сказал Хэйз, с упреком покачав головой.

– А как, по-твоему, я дожил до своих лет? Исключительно благодаря подозрительности. – Джейми слабо улыбнулся, а потом замолчал и пару мгновений внимательно смотрел на Хэйза. – Говоришь, того солдата, который выстрелил в тебя у Друмossi, звали Мурчисоном?

Я затянула последний узел на повязке, и Хэйз осторожно пошевелил плечом.

– Тебе ли не знать, Рыжий Джейми. Ты же сам там был.

Лицо Джейми едва заметно исказилось. Он почти не помнил тот день, когда погибло множество кланов, ту страшную бойню, после которой сотни людей остались истекать кровью на поле сражения – и он среди них. Порой обрывки воспоминаний настигали Джейми во сне и бередили сердце кошмарами, но что бы ни было тому причиной – глубокая травма, ранение или сила воли, – битва при Каллодене почти полностью изгладилась из его памяти. И вряд ли он хотел о ней вспоминать.

– Тогда много чего случилось. Всего не упомнишь.

Джейми склонил голову и поддел бумагу пальцем, вскрыв письмо с такой силой, что сургучная печать разлетелась на мелкие куски.

– Ваш муж – очень скромный человек, госпожа Фрейзер. – Хэйз кивнул мне и подозвал своего адъютанта. – Он никогда не рассказывал вам о том, что совершил на поле сражения?

– Многие в тот день проявили доблесть и мужество, – пробормотал Джейми, склонившись над письмом. – Но подлости и трусости было не меньше.

Он смотрел на бумагу, хотя вряд ли понимал, что там написано. Взгляд неподвижно застыл на одной точке, не видимой всем остальным.

– Не спорю, – кивнул Хэйз. – Но разве не стоит упоминания тот, кто спас тебе жизнь?

Джейми вскинулся от неожиданности, и я, торопливо подойдя к нему, осторожно положила ладонь на плечо. Тем временем Хэйз принялся натягивать рубашку, не переставая улыбаться. Улыбка была странная, настороженная.

– Разве ты не помнишь, как ударил Мурчисона по затылку, когда он поднял надо мной штык? А потом отнес меня к маленькому роднику? Глава одного из кланов лежал на траве, ему омывали водой лоб, но я видел, что он мертв, – живые никогда не бывают так неподвижны. Кто-то взялся осматривать мою рану, тебя тоже упрашивали остаться, однако ты отказался. Встал, весь в крови, пожелал мне выздоровления, благословил именем святого Михаила... и снова ушел на поле.

Хэйз надел цепочку с нагрудным знаком, аккуратно поправил маленький серебряный полумесяц. Горло, не прикрытое шейным платком, выглядело беззащитным и уязвимым.

– Вид у тебя был страшный. Кровь стекала по щекам, волосы развевались по ветру; ты развернулся и вновь достал палаш из ножен... Я думал, что больше тебя не увижу.

Хэйз покачал головой, прикрыв глаза, словно перед его внутренним взором стоял не суровый могучий горец, Фрейзер из Фрейзер-Риджа, – а тот, другой, Рыжий Джейми. Молодой воин, который отправился в бой, на смерть, тяготясь собственной жизнью, потому что недавно потерял меня.

– Вот как? – пробормотал Джейми. – Я и забыл.

Плечо под моей ладонью подрагивало от напряжения, как натянутая струна; за ухом отчаянно билась тонкая венка. Джейми не мог позабыть боль разлуки. Да и я не могла.

Хэйз склонил голову, позволяя адъютанту повязать шейный платок, потом выпрямился и кивнул мне.

– Примите мою глубочайшую благодарность, мэ. Вы были весьма любезны.

– Не стоит благодарить, – ответила я, едва шевеля пересохшими губами. – Я только рада оказать помощь.

Опять зарядил дождь; холодные капли падали мне на лицо и руки, застывали серебристыми искрами на волосах и ресницах Джейми, скатывались по его широким скулам.

Хэйз надел куртку и застегнул плед маленькой позолоченной брошью – той брошью, которую отец отдал ему перед Каллоденом.

– Значит, Мурчисон мертв, – задумчиво произнес он. – Впрочем, я слышал, – его пальцы на мгновение замерли на застежке броши, – что у него был брат, с которым они похожи как две капли воды.

– Был, – подтвердил Джейми. Он наконец посмотрел Хэйзу прямо в глаза. Лицо лейтенанта выражало только легкое любопытство.

– И ты знаешь, кто из них?..

– Нет. Но это неважно, оба давно мертвы.

– Ясно.

Хэйз застыл в минутном раздумье, потом прижал берет к груди и отвесил Джейми официальный поклон.

– Buidheachas dhut, a Sheumais mac Brian⁹. И да защитит тебя святой Михаил.

Он кивнул мне, надел берет и отправился прочь. Адъютант молча поспешил следом.

Над поляной пронесся сильный порыв ветра и окатил нас брызгами ледяного дождя, точь-в-точь как в то апрельское утро при Каллодене. Джейми вздрогнул всем телом, и его пальцы судорожно дернулись, комкая письмо, которое он по-прежнему держал в руке.

– Что ты помнишь о том дне? – спросила я, глядя, как Хэйз перешагивает через кровавые лужи.

– Почти ничего, – ответил он. Поднялся и посмотрел на меня потемневшими, как хмурое небо, глазами. – Но и этого бывает много.

Он протянул мне измятое письмо. Хотя кое-где от дождя чернила начали расплываться, текст оставался понятным и четким. В отличие от прокламации, в письме было целых два предложения.

Нью-Берн, 20 октября

Полковнику Джеймсу Фрейзеру

По причине нарушения мира и порядка на вверенной мне территории и нанесении огромного вреда жителям нашей провинции, а также их имуществу, с одобрения совета Его Величества настоящим приказываю вам объявить общий сбор вооруженного ополчения, а затем незамедлительно доложить мне о числе добровольцев, готовых по призыву вступить на королевскую службу, и указать количество солдат, которых вы сможете направить ко мне в случае непредвиденных ситуаций или дальнейших проявлений насилия со стороны повстанцев. В ожидании своевременного и неукоснительного исполнения сего приказа,

ваш покорный слуга,

Уильям Трион

Я аккуратно свернула письмо, отстраненно заметив, что у меня дрожат руки. Джейми забрал его, брезгливо придерживая двумя пальцами, будто вместо бумаги там было что-то на редкость мерзкое. Потом с печальной усмешкой заглянул мне в глаза.

– А я так надеялся, что у нас еще будет время, – сказал он.

⁹ Спасибо, Джейми, сын Брайана (*гэльск.*).

Глава 8. Управляющий

Брианна пошла за Джемми к Иокасте, а Роджер медленно побрел вверх по склону к своему лагерю. Здоровался с попадавшимися навстречу прохожими, принимал поздравления, но почти не слышал того, что ему говорили.

У них обязательно будет еще один малыш, сказала Бри. Он прокручивал эту фразу в голове, перебирая слово за словом, как пригоршню монет в кармане. Бри не отмахивалась от него, она и вправду дала обещание. И сейчас это обещание казалось Роджеру важнее всех клятв, принесенных в ночь их первой свадьбы.

Мысли о первой свадьбе закономерно напомнили о церемонии, которая ожидала их вечером. Роджер окинул взглядом свою одежду и понял, что Бри ни капли не преувеличивала – вид у него еще тот. Эх, и куртке Джейми тоже изрядно досталось!

Он принялся стряхивать сосновые иголки и налипшую грязь, когда его внезапно окликнули. Навстречу Роджеру по крутому склону осторожно спускался Дункан Иннес, склоняясь набок, чтобы удержать равновесие. Дункан снова надел свою роскошную алую куртку с синей оторочкой и золотыми пуговицами, а волосы его были туго заплетены и собраны под новенькую черную шляпу. Обыкновенный шотландский рыбак превратился в зажиточного землевладельца, и преобразование оказалось настолько разительным, что вместе с внешностью изменилось и поведение – Дункан стал держаться вдвое уверенней.

Рядом с Дунканом шагал высокий худощавый джентльмен преклонных лет, в очень опрятной, но изрядно поношенной одежде. Редкие седые пряди были собраны в хвост, открывая высокий лоб с глубокими залысинами. Зубов у него не хватало, рот ввалился, однако губы сохраняли насмешливый изгиб, а синие глаза смотрели зорко и пронизательно. Кожа на удлиненном лице была натянута как барабан, на лбу и вокруг рта залегли глубокие морщины; картину дополнял длинный крючковатый нос и истрепанная черная одежда. Вылитый стервятник.

– Дрозд! – радостно окликнул Дункан Роджера. – Ты-то мне и нужен! Полагаю, уже подготовился к свадьбе? – добавил он, удивленно осматривая запачканную куртку и растрепанные волосы Роджера.

– Кхм-кхм! Да. – Роджер старательно откашлялся и постучал себя по груди, маскируя неловким жестом свои отчаянные попытки почистить одежду. – Только вот погода слегка мокровата.

– Хорошая примета, коли похороны в дождь, – кивнул Дункан с нервным смешком. – Остается надеяться, что мы не умрем от воспаления легких прямо перед свадьбой...

Он подтянул воротник куртки повыше и снял воображаемую ворсинку с рукава.

– Отличный наряд, Дункан, – сказал Роджер, надеясь отвлечь внимание от собственного растрепанного вида. – Хороший из тебя жених вышел!

Под обвислыми усами Дункана проступил румянец, и он принялся крутить гербовую пуговицу на куртке.

– Да уж... Мисс Ио сказала, что не пойдет к алтарю с пугалом.

Дункан кашлянул и резко повернулся к своему спутнику, будто внезапно вспомнив о его присутствии.

– Мистер Баг, это зять Макдью, Роджер Мак, про которого я вам рассказывал. – Дункан снова повернулся к Роджеру и указал на своего спутника. Тот шагнул вперед, протягивая руку со сдержанным, но весьма сердечным поклоном. – А это Арч Баг. Знакомься, певец.

– Мое почтение, мистер Баг, – вежливо произнес Роджер, с удивлением отметив, что на широкой костистой ладони, которую он пожимал, не хватало двух пальцев.

– Гм, – немногословно ответил мистер Баг. Он всем своим видом выражал искреннее дружелюбие и, возможно, даже собирался развить свою мысль, однако стоило ему открыть рот, как в тишине раздался скрипучий старушечий голосок.

– Мистер Фрейзер был так великодушен, сэр! Ему не придется жалеть о своей щедрости, ни за что не придется, я прямо так и сказала. Такое счастье, словами не описать, мы-то ведь уж и не знали, как прокормиться и где голову преклонить. Надо надеяться на милость божью, говорила я Арчу, на милость нашего Иисуса Христа; если умрем с голоду, то хоть в Божьей благодати, а Арч мне отвечал...

Из-за спины Арча показалась маленькая кругленькая старушка в истертой, аккуратно заштопанной одежде. Роджер поначалу даже не заметил ее за широким плащом мистера Бага.

– Госпожа Баг, – зачем-то пояснил Дункан.

– ...и оставалось-то всего полпенни серебром, я все думала, что же с нами будет теперь, а потом Салли Макбрайд сказала, мол, Джейми Фрейзеру нужен хороший...

Мистер Баг улыбнулся, глядя на Роджера поверх ее макушки. Но тут его жена замолчала на полуслове и с ужасом воззрилась на куртку Роджера.

– Ох, да вы только посмотрите! Что с вами случилось, молодой человек? Неужто несчастье какое? Будто в навозе изваляли!

Не дожидаясь ответа, она решительным жестом выдернула из кармана чистый носовой платок, щедро поплевала на него и принялась оттирать грязные разводы с куртки.

– Право же, не стоит... ну что вы... кхм... спасибо. – Роджер быстро понял, что сопротивляться такому неумолимому напору совершенно бесполезно, и бросил на Дункана отчаянный взгляд.

– Джейми Рой предложил мистеру Багу должность управляющего во Фрейзер-Ридже. – Дункан поторопился воспользоваться минутным затишьем в бурной речи миссис Баг.

– Управляющего? – переспросил Роджер. Его словно под дых ударили.

– Да. На случай, если сам Джейми будет в отъезде или занят другими делами. Как-никак нельзя оставлять поля и арендаторов без присмотра.

Дункан говорил с легкой горечью в голосе; ответственность за огромную плантацию тяготила простого рыбака из Койгаха, и он задумчиво поглядывал на мистера Бага, словно сожалел, что не может увезти такого полезного человека с собой в «Горный ручей». Разумеется, миссис Баг поехала бы следом за мужем.

– И так нам повезло, чудо просто, я ж вчера говорила Арчу, что работа есть только где-нибудь в Эдентоне или Кросс-Крике и что ему, наверное, придется податься в рыбаки, а это доля нелегкая, ох, нелегкая: постоянно мокрый до костей, от болот поднимаются ядовитые испарения, в воздухе сплошная лихорадка, дышать нечем – жуть-то какая! А мне бы пришлось устроиться прачкой где-нибудь в городе, и страшно подумать, как бы я выдерживала целыми днями без моего Арча, мы ведь ни на одну ночь не расставались, ни разу, с самой свадьбы! Да, мой хороший?

Она запрокинула голову и наградила мужа преданным взглядом, а мистер Баг ласково улыбнулся в ответ. Возможно, он страдал глухотой, решил Роджер. Или они женаты всего неделю.

Ему не пришлось задавать ни одного вопроса: миссис Баг сама поведала, что женаты они уже больше сорока лет. Арч Баг был арендатором Малкольма Гранта из Гленмористона, но после восстания жизнь складывалась несладко. Надел, которым он управлял у Гранта, конфисковали в пользу Короны, и Баг несколько лет работал на маленькой ферме, а потом невзгоды и голод вынудили супругов собрать свои нехитрые пожитки и отправиться на поиски новой жизни в Америке.

– Сначала мы собирались обосноваться в Эдинбурге... – начал пожилой джентльмен. Говорил он учтиво и медленно, с певучим горским акцентом. Значит, все-таки не глухой, подумал Роджер. Пока что.

– ...один из моих кузенов работал там в банковской конторе, и мы подумали, что он замолвит за Арча словечко...

– Но я был слишком стар для такой работы и не располагал соответствующей квалификацией...

– ...радовались бы, что он готов у них остаться! Из-за этих глупцов нам пришлось попытаться счастья здесь...

Чета Баг продолжала наперебой рассказывать о своих приключениях. Дункан встретился с Роджером взглядом, старательно пряча улыбку под пышными усами. Роджер улыбнулся в ответ, хотя его обуревало навязчивое раздражение, которое никак не удавалось стряхнуть.

Управляющий. Тот, кто будет следить за делами в Ридже, за посевами и сбором урожая, разбираться с жалобами арендаторов в отсутствие Джейми Фрейзера. Незаменимый человек, особенно если учесть количество новых поселенцев и все грядущие перемены.

До сего момента Роджер был уверен, что правой рукой Джейми станет именно он. Ну, или левой – в крайнем случае.

Фергус частенько помогал Джейми разобраться с делами, выполнял поручения, узнавал нужные сведения. Но увече ограничивало его возможности, поэтому он никогда не возился с бумагами и не вел учет расходов; Дженни Мюррей научила французского сиротку складывать буквы в слова, а вот с арифметикой у них ничего не вышло.

Роджер покосился на ладонь мистера Бага, лежавшую на пышном плече жены. Рука была широкой, обветренной, сильной, несмотря на два отсутствующих пальца, однако суставы сильно распухли и искривились от артрита.

Значит, Джейми считал, что даже больной старик справится с поместьем лучше, чем Роджер? От этой мысли неожиданно стало горько.

Он знал, что тесть питал глубокие сомнения по поводу его способностей, и эти сомнения не ограничивались обычной отцовской подозрительностью к мужчине, который делит постель с его дочерью. Сам Джейми был начисто лишен музыкального слуха и потому относился к таланту Роджера без особого пиетета. Сила и трудолюбие не могли заполнить нехватку знаний о скотоводстве и охоте, не говоря об умении ловко обращаться с оружием. И, по совести сказать, Роджеру ни разу не доводилось заниматься фермерством или управлять большим хозяйством – в отличие от мистера Бага. Что уж тут кривить душой.

Но он приходится Джейми зятем. Даже Дункан, черт побери, только что назвал его зятем Макдью! И пусть Роджер вырос в другом столетии, – он шотландец. Любому горцу не понаслышке известно, что нет ничего важнее кровных связей и родства. Муж единственной дочери входил в новый дом на правах родного сына и уступал по положению только главе семейства. Бывали, конечно, исключения из правил. Например, если зять вдруг оказывался беспробудным пьяницей или распутником. Или совсем уж слабоумным... Господи, да неужели Джейми считает его полным болваном?

– Ну-ка, присядьте, молодой человек. Сейчас разберемся с этим безобразием! – Миссис Баг прервала его мрачные размышления и потянула Роджера за рукав. Она поцокала языком, разглядывая листья и веточки, застрявшие у него в волосах. – Вы только посмотрите, весь перепачкался! Драка была знатная, не иначе. Надеюсь, противнику досталось сильнее, чем тут скажешь.

Роджер глазом не успел моргнуть, как она усадила его на валун, достала из кармана деревянный гребень и принялась расчесывать спутанные волосы с таким рьяным усердием, будто собралась основательно их проредить.

– Значит, тебя прозвали Дроздом? – Миссис Баг на мгновение перестала размахивать гребнем и с подозрительным прищуром встряхнула темную блестящую прядь. словно вшей высматривала.

– Так и прозвали. Но черные локоны тут ни при чем, – вставил Дункан, посмеиваясь над смущением Роджера. – Это все из-за песен. Он у нас сладкоголосый, как соловей.

– Из-за песен? – воскликнула миссис Баг и наконец отпустила многострадальную прядь. – А не ты ли вчера пел «Ceann-ràga» и «Loch Ruadhainn»?¹⁰ И играл на бойране?

– Вполне может быть, – скромно пробормотал Роджер.

Пожилая леди тут же рассыпалась в искренних комплиментах. Ее восхищение польстило Роджеру, и он устыдился своей минутной зависти. «В конце концов, – думал он, глядя на глубокие морщины и покрытый заплатками передник, – старикам пришлось хлебнуть горя. Может, Джейми предложил им работу просто по доброте души».

Роджер слегка успокоился и любезно поблагодарил миссис Баг за помощь.

– Вы присоединитесь к нашему костру? – спросил он, глядя на мистера Бага. – Полагаю, вы еще незнакомы с миссис Фрейзер...

Его прервал пронзительный вопль, напоминавший вой пожарной сирены. Источник звука постепенно приближался, но Джейми сразу его опознал и потому ни капли не удивился, увидев на тропе своего тестя с Джемом на руках. Мальчишка вопил и извивался так отчаянно, будто его ошпарили.

Джейми с измученным видом вручил ребенка Роджеру. Тот подхватил малыша и, не придумав ничего лучше, сунул палец в широко распахнутый рот. Крик мгновенно утих, и все облегченно вздохнули.

– Какой славненький! – заворковала миссис Баг, встав на цыпочки, а Джейми повернулся с приветствиями к мистеру Багу и Дункану.

«Славненький» – весьма неподходящее определение, подумал Роджер. Скорее уж «буйный». Малыш яростно сосал предложенный палец: личико налилось багровым румянцем, на щеках остались разводы от слез, а глаза были плотно зажмурены в отчаянной попытке отгородиться от этого несовершенного мира. Взмокшие от пота волосенки торчали в разные стороны; Джем умудрился вывернуться из пеленок, и теперь они свисали неопрятными складками. Вдобавок ко всему прочему пахло от него, как от ночного горшка, – по весьма очевидным причинам.

Будучи опытным отцом, Роджер поспешил принять экстренные меры.

– Где Бри?

– Бог знает, да нам не скажет, – коротко ответил Джейми. – Я уже всю гору обошел, с тех пор как малец проснулся и решил, что ему не нравится моя компания.

– Кажется, моя компания ему тоже не по душе.

Джем жевал палец Роджера, пуская слюни прямо на запястье, и недовольно похныкивал.

– А Марсали вы не видели? – Брианна не давала посторонним кормить Джемми, но ситуация была критическая. Роджер оглянулся, надеясь, что где-то поблизости обнаружится кормящая мать, которая сжалится над голодным малышом – или над его папой.

– Дайте его сюда! Бедненький крохотулечка, – сказала миссис Баг и протянула руки к малышу. В глазах Роджера она сразу превратилась из навязчивой болтушки в ангела милосердия. – Тише, тише, мой хороший.

Джемми признал неоспоримый авторитет миссис Баг и мгновенно заткнулся, округлив восторженные глазки. Она взялась за карапуза так же бойко и решительно, как за его отца. Пожалуй, Джейми нанял не того Бага, подумал Роджер.

¹⁰ Старинные шотландские мелодии.

Арч тем временем обстоятельно расспрашивал Джейми об урожае, поголовье скота и арендаторах, демонстрируя недюжинный ум, смекалку и опыт. «Я тоже с этим справился бы!» – думал Роджер, внимательно прислушиваясь к разговору. «Правда, не со всем», – признал он, когда собеседники неожиданно перешли к обсуждению язв на коровьем вымени. Возможно, Джейми действительно был нужен кто-нибудь поопытнее. Но ведь Роджер быстро учится...

– И кто у нас тут такой краса-авчик! – Миссис Баг встала с валуна и снова заворковала над Джемми, который теперь был спеленат по всем правилам. Она погладила малыша по пухлой щечке, затем перевела взгляд на Роджера. – Да-да-да, глазки прямо как у отца!

Роджер покраснел, тут же позабыв о коровьих язвах.

– Думаете? По-моему, он больше похож на маму.

Миссис Баг поджала губы, посмотрела на Роджера с оценивающим прищуром и покачала головой.

– Волосами, может, и не похож, а вот по фигуре – вылитый отец. Плечи широкие, один в один.

Она одобрительно кивнула Роджеру и поцеловала Джема в лоб.

– Вот подрастет немножко, и глаза тоже станут зелеными. Попомните мои слова, будет вылитый папа! Правда, малышок?

«Простая вежливость, все так говорят, – напомнил себе Роджер, пытаясь затоптать нелепую радость, вспыхнувшую в его груди. – Старушки любят обсуждать, на кого похож ребенок». Мысль была сладкой и пугающей: вдруг Джемми и вправду его сын? Роджер так об этом мечтал! Говорил себе, что кровная связь ничего не значит, что он все равно будет любить Джема и заботиться о нем. Конечно, будет, как же иначе. Но в сердце все равно поселилась тоска.

Мистер Баг обратился к Роджеру, прежде чем тот успел придумать достойный ответ его жене.

– Маккензи, верно? – спросил он, любезно вовлекая его в разговор. – А из какого клана? Маккензи из Торридона или из Килмарнока?

Во время Сбора Роджеру частенько приходилось отвечать на такие вопросы. Любая беседа среди шотландцев начиналась с выяснения корней – и за последующие двести лет в этом отношении ничего не изменится, думал Роджер. Настороженность, которую он испытывал поначалу, заметно притупилась. Но Джейми опередил его с ответом:

– Роджер Мак приходится мне родней со стороны матери. Маккензи из Леоха.

– Вот как? – удивленно поднял брови Арч Баг. – Далеко же тебя занесло, сынок.

– Не дальше, чем вас, сэр. Да и всех остальных, если уж на то пошло. – Роджер махнул в сторону горного склона, откуда доносились выкрики на гэльском и звуки волынки.

– Нет-нет, сынок! – Миссис Баг усадила Джемми повыше и присоединилась к беседе. – Арч имеет в виду, что ты далеко от своих.

– От своих? – Роджер вопросительно глянул на Джейми, но тот только пожал плечами.

– От Маккензи из Леоха, – поспешил вставить мистер Баг, пока его жена не перехватила нить разговора.

– Мы встретили их на корабле. Целая толпа народу из клана Маккензи, с тех земель, что находятся южнее старого замка. Они остались там после отъезда лэрда, а потом решили присоединиться к остальным и попытать счастья...

– Лэрда? – резко перебил Джейми. – Это, случаем, не Хэмиш мак Колум?

«Хэмиш, сын Колума», – перевел для себя Роджер. Или, скорее, Хэмиш мак Дугал – но об этом знали только пятеро. Теперь уже, наверное, четверо.

Миссис Баг быстро закивала.

– Да-да, так они его и называли. Хэмиш мак Колум Маккензи, лэрд Леоха. Третий по счету. Ровно так и сказали, и...

Судя по всему, Джейми понял, как следует общаться с миссис Баг. Беспощадно перебивая ее на полуслове, он умудрился выяснить всю историю в рекордно короткий срок. Англичане разрушили замок Леох во время чистки, последовавшей за битвой при Каллодене. Об этом Джейми узнал уже в тюрьме и с тех пор не получил ни одной весточки о судьбе его обитателей.

– И не осмелился начинать расспросы, – добавил он, печально склонив голову. Баги посмотрели друг на друга, глубоко вздохнули, и на их лицах отразилась печать тоски, хорошо знакомая Роджеру.

– Но если Хэмиш мак Колум еще жив... – Джейми стиснул плечо Роджера. – То это хорошие вести!

Его улыбка светилась такой неприкрытой радостью, что Роджер невольно ухмыльнулся в ответ.

– Да, – сказал он, расправляя плечи. – И вправду хорошие!

И пусть они ни разу в жизни не виделись с Хэмишем мак Колумом Маккензи – какая, в сущности, разница? Этот человек приходился ему кровной родней, и Роджер был счастлив.

– Куда они отправились? – решительно спросил Джейми, отпустив его плечо. – Хэмиш со своими домашними?

– В Акадию – в Канаду, – одновременно сообщили мистер и миссис Баг. Или в Новую Шотландию? Или в Мэн? Нет, все-таки на остров, решили они посоветовавшись. Хотя, наверное...

Голодный вой Дজেма прервал бурное обсуждение. Миссис Баг вздрогнула так, будто в нее ткнули палкой.

– Надо отнести бедняжку к матушке, – с упреком провозгласила она и наделила всех четверых мужчин суровым взглядом, словно обвиняя их в коварном замысле против невинного дитяти. – Где ваш лагерь, мистер Фрейзер?

– Я провожу вас, мэм, – торопливо сказал Дункан. – Пойдемте.

Роджер хотел было отправиться следом за ними, но Джейми удержал его за руку.

– Не надо, пусть идут, – сказал он и кивнул чете Баг. – С Арчем я поговорю попозже. А пока что мне надо перемолвиться с тобой словечком, зять.

От такого формального обращения Роджер слегка напрягся. Сейчас Джейми в подробностях объяснит, из-за каких таких недостатков он не может доверить Роджеру управление Фрейзер-Риджем...

Вместо этого Джейми достал из споррана измятое письмо и вручил Роджеру с таким видом, будто бумага обжигала ему пальцы. Роджер быстро пробежался по строчкам и удивленно поднял глаза.

– Собираем ополчение? Когда?

Джейми дернул плечом.

– Никто не знает. Но все равно слишком скоро. – Он уныло улыбнулся Роджеру. – Ты же слышал разговоры у костров?

Роджер кивнул. Обрывки сердитых речей всплывали между песнями, во время состязаний и за выпивкой, в маленьких компаниях под сенью высоких деревьев. Среди метателей бревен однажды завязалась драка – бойцов тут же разняли, и никто не пострадал, однако в воздухе, как дурной запах, витал назревающий гнев.

Джейми потер рукой лицо, взъерошил волосы и глубоко вздохнул.

– Повезло, что я сегодня наткнулся на старину Арча и его женушку. Если дело дойдет до драки – а оно до нее, скорее всего, дойдет, – то Клэр отправится с нами. В одиночку Брианне будет тяжело справляться с хозяйством.

Сомнения Роджера окончательно рассеялись, когда он понял, к чему клонит Джейми.

– В одиночку. Вы хотите, чтобы я помог вам собрать ополченцев?

Джейми озадаченно покосился на него.

– Ну да. На кого еще я могу положиться? – Он натянул плед повыше, закрываясь от пронизывающего ветра. – Пойдем, капитан Маккензи, – сказал Джейми с легкой иронией. – Дел перед свадьбой невпроворот.

Глава 9. Тревожные поветрия

Я заглянула в ноздрю одного из рабов Фаркуарда Кэмпбелла. В ту минуту меня занимали две вещи: носовой полип и губернатор Трион – к первому из них я собиралась проявить благосклонность и выжечь его каленым железом, а вот второй такой милости не заслуживал.

Какая страшная несправедливость! Мрачно нахмурившись, я простерилизовала скальпель и положила инструмент для прижигания в раскаленные угли.

Неужели началось? Или это только первый вестник грядущей смуты? Стоял конец 1770 года, через пять лет революция охватит все тринадцать колоний. В каждой из них события будут развиваться по-разному. Во время жизни в Бостоне я выучила историю Массачусетса по школьным учебникам Бри: повышение налогов, Бостонская резня, гавань, Хэнкок, Адамс, Чаепитие и все, что случилось дальше. Но Северная Каролина? Как началась – как начнется – война на этой земле?

Может быть, она уже набирала силу. Раздоры между плантаторами на восточном побережье и нищими фермерами из западной части штата кипели на протяжении нескольких лет. Ряды регуляторов пополнялись в основном за счет вторых, тогда как первые всей душой поддерживали губернатора Триона – то есть оставались верны Короне.

– Готов? – Я дала рабу глотнуть виски для поддержания силы духа. Ласково улыбнулась и получила в ответ неуверенный кивок.

Раньше я слыхом не слыхивала о регуляторах, но они буйствовали здесь, у нас перед носом, – и я успела убедиться на собственном опыте, что в учебниках истории писали далеко не обо всем. Кажется, семена революции падали в землю прямо у нас на глазах.

Бормоча утешительные глупости, я обернула левую руку льняной повязкой, ухватила раба за подбородок, сунула скальпель ему в нос и одним ловким движением срезала полип. Теплая кровь хлынула прямо мне на ладонь, но раб даже не дернулся, хотя вид у него был удивленный. Значит, не больно.

Инструмент для прижигания напоминал крохотную лопатку – железная пластина на длинном стержне с деревянной ручкой. Полежав на углях, металл раскалился докрасна. Я промокнула кровь, а потом резко засунула горячее железо в ноздрю, чтобы прижечь перегородку – оставалось надеяться, что я не промахнулась и попала именно туда, где раньше был полип.

Раб издал придушенный звук; по щекам градом катились слезы, и теплые капли падали мне на пальцы. Запах спекшейся крови и паленого мяса изрядно напоминал ароматы, исходящие от коптильных ям. У меня тут же заурчало в животе; встретившись со мной взглядом, раб удивленно выпучил покрасневшие глаза. Я не смогла сдержать улыбку, и он слабо хихикнул сквозь слезы.

Подставив повязку под нос, я вытащила железную лопатку. Кровь остановилась. Отлично. В ноздре можно было разглядеть маленький аккуратный след; я знала, что после такой процедуры остаются ярко-красные ожоги, но без медицинского фонарика был заметен только темный струп, скрытый в тени за волосками.

Раб не говорил по-английски; я ободряюще улыбнулась ему и обратилась к молодой женщине, которая крепко держала его за руку.

– Вот и все. Скажите ему, чтобы не трогал корочку от ожога. Если появится отек, гной или начнется лихорадка... – Я замолчала, едва не закончив фразу нелепыми словами «нужно сразу обратиться к врачу». Здесь этот совет был бесполезен. – Сообщите своей госпоже, – неохотно продолжила я. – Или найдите знахарку.

Нынешняя миссис Кэмпбелл была совсем молоденькой и довольно бестолковой. И все же хозяйка плантации должна знать, что требуется для лечения, и располагать всеми надлежа-

щими средствами. А если обычная инфекция перейдет в заражение... что ж, в таком случае больному уже никто не поможет.

Я похлопала раба по плечу и позвала следующего пациента.

Лихорадка – вот что творилось в колонии. Сейчас царило временное затишье – в конце концов, королевские войска возвращались в Англию, – но тревожные поветрия неумолимо двигались в разные стороны, разнося гнев и недовольство все дальше и дальше. Стычки с регуляторами были только предвестниками настоящего столкновения.

Я опустила лопатку для прижигания в маленькое ведро с очищенным виски, а потом сунула ее обратно в угли. Капли алкоголя полыхнули на огне с тихим шипением.

В душе зарождалось мучительное предчувствие. Письмо губернатора, прожигавшее дыру в спорране Джейми, станет языком пламени, от которого вспыхнут тысячи мелких пожаров. Одни пожары удастся погасить, другие затихнут сами – а большинство будет пылать долго и яростно, разрушая дома и семьи. Конец этой лихорадке положит только беспощадная рука хирурга; но прежде чем раскаленный ружейный металл прижжет открытую рану, прольется кровь.

Неужели нам с Джейми так и не суждено пожить в мире?

* * *

– Есть еще Дункан Маклауд. У него огромный надел в три сотни акров рядом с рекой Ядкин. Правда, на этой земле хозяйничают всего два человека – он сам и его брат.

Джейми вытер мокрое лицо рукавом. Моргнул пару раз и по-собачьи мотнул головой, стряхивая капли с волос.

– Дункан, – он указал на столб дыма, поднимавшийся от костра Маклауда, – приходится родней Робби Кокрейну. Робби не смог приехать на Сбор – говорят, заболел водянкой, – но у него одиннадцать взрослых сыновей. Рассеялись по горам, как зернышки на пашне. Поговори с Маклаудом по душам и убедись, что он приедет по доброй воле. А потом попроси замолвить словечко перед Робби. Через две недели соберем всех во Фрейзер-Ридже.

Он замолчал на несколько мгновений, придерживая Роджера за руку. С задумчивым прищуром прикинул план действий. Вдвоем они обошли уже три лагеря и заручились согласием четырех горцев. Сколько еще добровольцев найдется на Сборе?

– После Дункана ступай к овчарне. Ангус Ог наверняка будет там... ты же его знаешь?

Роджер кивнул, перебирая знакомых Ангусов Огов. За прошлую неделю он повстречал четверых шотландцев с таким именем; один из них пах овечьей шерстью и водил за собой пастушью собаку.

– Кэмпбелл, да? Вечно согнутый, как рыболовный крючок, косит на один глаз?

– Точно. – Джейми одобрительно кивнул и отпустил Роджера. – Старый ворчун, сам в ополченцы не пойдет, зато своих племянников отправит. И заодно расскажет про ополчение всем поселенцам в округе. Значит, Дункан, Ангус и... Ах да! Джоан Финдли.

– Джоан?

Фрейзер ухмыльнулся.

– Да, старушка Джоан. Она вместе с братом, Иэном Мором, устроила лагерь неподалеку от Иокасты.

Роджер кивнул.

– Хорошо. Беседовать нужно именно с ней?

– Больше не с кем, – ответил Фрейзер. – Иэн Мор говорить не может. У Джоан есть еще два брата и взрослые сыновья. Она отправит их к нам.

Джейми посмотрел на небо; стало теплее, и дождь превратился в мелкую морось. Сквозь тонкую облачную завесу проглядывал бледный диск солнца – все еще высоко, но скоро начнет клониться к горизонту. До сумерек оставалась пара часов.

– Ну и хватит, – решил он, снова утерев нос рукавом. – Возвращайся к костру после беседы со старушкой Джоан, надо поужинать перед свадьбой.

Джейми лихо заломил бровь, улыбнулся и пошел было прочь, однако повернул обратно, прежде чем Роджер успел тронуться с места.

– И сразу представляйся как капитан Маккензи, – посоветовал он. – Будут слушать внимательно.

Джейми снова развернулся и потопал по тропе в поисках более несговорчивых кандидатов.

От костра Маклауда поднимались клубы густого дыма. Роджер направился к нему, твердя имена про себя, словно мантру. «Дункан Маклауд, Робби Кокрейн, Ангус Ог Кэмпбелл, Джоан Финдли... Дункан Маклауд, Робби Кокрейн...» Ничего особенного, повторить три раза – и они накрепко засядут в его памяти, как слова новой песни, параграфы из учебника или инструкции по психологическому подходу к набору ополченцев.

Он понимал, что тесть хочет отыскать как можно больше добровольцев прямо на Сборе, пока горцы не разъехались по своим фермам и хижинам. И Роджер искренне радовался тому, что шотландцы, с которыми Фрейзер успел переговорить, встречали призыв в ополчение мрачными взглядами и выразительным покашливанием, но не выказывали сопротивления.

Капитан Маккензи. От звания, которым походя наградил его Фрейзер, в груди поднимался прилив гордости и смущения. «Солдат быстрого приготовления, – пробормотал Роджер себе под нос, расправляя плечи под мокрой курткой. – Просто добавь воды».

Несмотря ни на что, его охватывало радостное волнение. Нынешняя суета больше напоминала игру в солдатики, но при мысли о том, что совсем скоро он будет шагать в полковом строю – ружье на плече, руки пахнут порохом...

До начала войны оставалось меньше четырех лет. Пройдет совсем немного времени, и ополченцы выстроятся на зеленых полях Лексингтона. Не суровые вояки, а те самые горцы, с которыми он беседовал под дождем, – точно такие же, как сам Роджер.

От ощущения неизбежности по коже пробежал холодок и меж ребер засела странная тяжесть.

Скоро начнется. Господи, совсем скоро.

* * *

С Маклаудом все прошло гладко, а вот Ангуса Ога Кэмпбелла найти удалось не сразу – он торчал посреди стада овец и явно не ждал гостей. Слова «капитан Маккензи» не произвели на старого пройдоху должного впечатления, зато упоминание «полковника Фрейзера» – с легким намеком на угрозу – все-таки помогло привлечь его внимание. Ангус Ог хмуро пожевал нижнюю губу, неохотно кивнул и вернулся к своим делам, бросив напоследок: «Хорошо, расскажу кому следует».

К тому времени, как Роджер выбрался на склон горы к лагерю Джоан Финдли, облака начали расходиться, а изморось почти прекратилась.

«Старушка Джоан», к его удивлению, оказалась привлекательной женщиной чуть старше тридцати лет. Из-под мокрого арисэда на Роджера с любопытством взглянули умные карие глаза.

– Дело дошло до ополченцев? – сказала она, выслушав его объяснение. – Не зря, значит, солдатик сегодня утром выступал.

Джоан задумчиво хлопала себя по губе деревянной ложкой.

– Знаете, в Хиллсборо у меня живет тетя. В небольшой комнатке в Кинг-Хаусе, прямо напротив дома Эдмунда Фаннинга – точнее, того места, где раньше стоял его дом. – Она коротко, безрадостно рассмеялась. – Тетя прислала мне письмо. Писала, что толпа хлынула на улицу, размахивая вилами, как черти из преисподней. Они срезали опорные брусья у дома Фаннинга и развалили все здание прямо у нее на глазах. А теперь мы должны отправить туда своих мужчин, чтобы Фаннинг мог разгрести жар чужими руками?

Роджер отвечал с осторожностью; он много чего слышал про Эдмунда Фаннинга и знал, что тот не пользовался особой любовью среди горцев.

– Не могу сказать точно, миссис Финдли. Но губернатор...

Джоан Финдли громко фыркнула.

– Губернатор, – процедила она и плюнула в костер. – Ха. Скорее уж губернаторские друзья. Бедняки всегда платят кровью за золото богачей, так ведь?

У Джоан за спиной появились две девчушки, бесшумные и безмолвные, как маленькие призраки в теплых шалях. Женщина повернулась к ним.

– Анни, приведи братьев. Джоани, следи за похлебкой. И помешивай хорошенько, чтобы ко дну не пригорело.

Вручив ложку младшенькой девочке, Джоан поманила Роджера за собой.

Лагерь выглядел небогато. Меж двух кустов было подвешено шерстяное одеяло – плохонькое укрытие от непогоды. Джоан Финдли присела на корточки перед навесом, и Роджер пригнулся, заглядывая ей через плечо.

– Брат, к нам пришел капитан Маккензи, – сказала она и протянула руку мужчине, лежавшему на куче сухой травы. Вид этого человека поразил Роджера, но он сумел сдержать свое удивление.

Церебральный паралич – вот как назовут такую болезнь пару веков спустя; интересно, как ее называют сейчас? Возможно, у нее пока нет названия; Фрейзер просто сказал, что Иэн не может разговаривать.

Двигаться он тоже не мог. Руки и ноги были слабыми и худыми, тело изгибалось под невообразимым углом. На больного накинута потрепанный плед; от постоянных подергиваний он сбился в кучу и плотно скрутился вокруг ног, а изношенная рубашка задралась слишком высоко, обнажая плечо и ребра. В тени навеса бледная кожа отливала холодной синевой.

Джоан Финдли помогла брату повернуть голову, придерживая его под щеку.

– Это мой брат Иэн, мистер Маккензи, – сказала она твердым голосом, словно бросая Роджеру вызов.

Лицо Иэна искажала судорожная гримаса, по растянутым губам стекала слюна, но карие глаза смотрели ясно и пронизательно. Взяв себя в руки, Роджер склонился и пожал искривленную судорогой ладонь. Под ледяной, как у трупа, кожей прощупывались хрупкие тонкие кости.

– Иэн Мор, – тихонько сказал он. – Мне о вас рассказывали. Джейми Фрейзер просил передать свои наилучшие пожелания.

Мужчина на мгновение опустил веки, выражая благодарность, и снова посмотрел на Роджера с невозмутимым спокойствием.

– Капитан собирает ополченцев, – сказала Джоан из-за спины Роджера. – Губернатор прислал приказ. Ему надоели бунты и беспорядки, будет давить их с помощью солдат. – Голос миссис Финдли сочился иронией.

Иэн Мор перевел взгляд на лицо сестры. Губы дрогнули, тощая грудь напряглась от усилий, и он выдавил из себя несколько хриплых слов пополам со слюной. Потом в измождении опустил голову, жадно хватая воздух, и посмотрел на Роджера.

– Брат хочет знать, будет ли губернатор платить ополченцам, – перевела Джоан.

Роджер заговорил не сразу. Джейми уже задавали такой вопрос, и точного ответа у них не было. Он чувствовал, как женщина и мужчина, лежащий под навесом, замерли в напря-

женном ожидании. Семья Финдли едва сводила концы с концами: девочки ходили босиком в изношенных до дыр платьях, рубашка на Иэне Море дышала на ладан, травяная постель не давала тепла. Но Роджер ответил по совести:

– Не знаю. Пока что никто не говорил о деньгах. Случиться может всякое.

Выплата вознаграждения зависела от того, сколько добровольцев откликнется на губернаторский призыв. Если обычного приказа будет недостаточно, чтобы собрать ополчение, губернатор попытается привлечь солдат деньгами.

На лице Иэна Мора мелькнуло разочарование – и тут же сменилось обреченной покорностью. Вознаграждение помогло бы облегчить их тяжкую долю, но никто на него не рассчитывал.

– Что ж... – В голосе Джоан тоже звучало смирение.

Роджер почувствовал, как она отвернулась в сторону, однако сам так и не пошевелился – под этим пристальным взглядом нельзя было сдвинуться с места. Карие глаза, обрамленные длинными ресницами, смотрели на него со спокойным любопытством. Роджер нерешительно замер: что ему оставалось делать? Просто уйти? Он искренне хотел помочь, но не знал как.

В конце концов он протянул руку к сбившейся рубашке и пледу. Сушная мелочь, конечно...

– Вы позволите?

Карие глаза закрылись на мгновение, обозначая согласие, и Роджер принялся расправлять постель и одежду. Иэн Мор был исхудавшим, но на удивление тяжелым. Роджер с трудом приподнял его, согнувшись в неудобной позе.

Через полминуты дело было сделано; больной лежал под пледом – так хотя бы теплее. Роджер снова посмотрел в карие глаза, улыбнулся, неловко кивнул и молча выбрался из травяного гнезда наружу.

Рядом с Джоан Финдли стояли двое ее сыновей – крепкие, коренастые юноши шестнадцати и семнадцати лет. Они рассматривали Роджера с настороженным любопытством.

– Это Хью, – сказала Джоан, положив руки на плечи сыновьям. – А это Иэн Ог.

Роджер склонил голову:

– Мое почтение, джентльмены.

Мальчишки быстро переглянулись, а потом устали себе под ноги, пряча ухмылки.

– Так что же, капитан Маккензи, – снова заговорила Джоан, чеканя каждое слово, – если я отпущу сыновей служить под вашим началом, вы дадите слово, что они вернуться домой невредимыми?

Глаза Джоан были ясными и пронизательными, как у ее брата, а взгляд – таким же прямым и уверенным. Роджер заставил себя посмотреть ей в лицо.

– Я сделаю все, что в моих силах, мэм...

Губы Джоан Финдли дрогнули. Она прекрасно понимала, что силы его не так уж и велики. Женщина кивнула и опустила руки.

– Я отправлю их к вам.

Роджер попрощался и зашагал прочь, сгибаясь под грузом ее доверия.

Глава 10. Подарки бабушки Бэйкон

Закончив осмотр последнего пациента, я встала на цыпочки и со вкусом потянулась. По телу разливалось удовлетворение от проделанной работы: несмотря на недуги, которые я не могла излечить, несмотря на все неисцелимые болезни, я делала свое дело – и делала его хорошо.

Оставалось только забрать сундучок с лекарствами и со спокойной душой отправляться в лагерь; Мюррей любезно предложил мне донести остальные инструменты и скамейки в обмен на мешочек с сушеными листьями сенны и мою запасную дощечку для приготовления пилюль. Сам Мюррей еще возился с последним пациентом, сосредоточенно ощупывая живот маленькой старушки в чепце и шали. Я помахала ему на прощание и получила рассеянный ответный кивок. Мюррей потянулся за ланцетом – что ж, по крайней мере, он обмакнул инструмент в кипящую воду и зашевелил губами, шепотом повторяя заговор, которому его научила Брианна.

Ноги заledenели от неподвижности, спина и плечи давали о себе знать, но я не чувствовала усталости. Сегодня мои пациенты будут крепко спать, позабыв о боли; кто-то пойдет на поправку и встанет на ноги; чьи-то раны затянутся под чистыми повязками. Были и те, кого я точно спасла от опасной инфекции и, быть может, смерти.

Помимо прочего я успела произнести перед собравшейся толпой очередную версию своей Нагорной проповеди о пользе здорового питания и гигиены.

– Блаженны те, кто едят овощи, ибо у них не выпадут зубы, – пробормотала я, остановившись перед можжевельником. Сорвала несколько душистых ягод и раздавила одну между пальцами, вдыхая острый запах. – Блаженны те, кто лают руки, вытерев зад, – добавила я и ткнула пальцем в сойку, присевшую на соседней ветке, – ибо они не подхватят заразу.

Впереди показался наш лагерь; наконец-то можно будет выпить горячего чаю!

– Блаженны те, кто кипятят воду, – сказала я сойке, глядя, как от чайника, висящего над костром, поднимается пар, – ибо их назовут спасителями рода человеческого.

– Миссис Фрейзер! – Тоненький голосок, раздавшийся за моей спиной, вернул меня с небес на землю. Позади стояла Эглантин Бэйкон со своей маленькой сестрой Пэнси, две круглолицые светловолосые девчушки с россыпью веснушек на щеках.

– Здравствуйте, мои хорошие! Как поживаете? – спросила я, расплываясь в улыбке. Судя по виду, обе были вполне здоровы; детские болезни сразу бросаются в глаза.

– Чудесно, мэм! – Эглантин отвесила мне небольшой реверанс, а потом ткнула сестренку в макушку, чтобы та последовала ее примеру. Покончив с любезностями – Бэйконы жили в городе, и девочкам прививали хорошие манеры, – Эглантин вытащила из кармана большой сверток ткани. – Вот, бабушка Бэйкон передает! – гордо пояснила она.

Я развернула ткань и обнаружила огромный чепец, щедро украшенный кружевами и отороченный лавандовыми ленточками.

– Она не смогла приехать на Сбор в этом году, но велела отдать вам подарок в благодарность за лекарство от рю-ма-гиз-ма!

Эглантин старательно выговорила каждый слог и радостно улыбнулась, одолев такое сложное слово.

– Спасибо большое! Какая прелесть! – Я расправила чепец, мысленно костеря бабулю Бэйкон на все лады.

Эту грозную даму я повстречала несколько месяцев назад на плантации Фаркуарда Кэмпбелла, где она навещала его старую сварливую матушку. Миссис Бэйкон не уступала своей подруге по возрасту и умению раздражать окружающих, зато обладала дивным чувством юмора.

Она неоднократно высказывала громкое неодобрение из-за того, что я не носила головной убор, и не стеснялась говорить об этом мне в лицо. По ее мнению, женщине моих лет не пристало бегать повсюду без чепца или керча, и такое поведение недостойно жены столь влиятельного человека. Более того, она считала, что с распущенными волосами ходят «только нищие потаскухи и прочие жалкие личности». Я пыталась отшучиваться, не обращать на нее внимания и даже передала ей бутылку виски из Джейминых запасов, велев принимать по глоточку за завтраком и перед сном.

Старушка решила не оставаться в долгу и отплатила мне той же монетой.

– А вы его примерите? – Эглантин и Пэнси смотрели на меня доверчивыми глазами. – Бабушка велела убедиться, что чепчик вам подойдет.

– Да неужели?

Делать нечего, придется надевать. Я встряхнула несчастный головной убор, скрутила волосы в пучок и натянула чепец на себя. Он тут же сполз чуть не до самой переносицы. Ленты повисли вдоль щек, и я почувствовала себя бурундуком, выглянувшим из норки.

Эглантин и Пэнси дружно захлопали в ладоши от восторга. Где-то позади раздалось приглушенное фырканье.

– Передайте бабушке спасибо за такой замечательный подарок! – Я погладила девочек по белокурым макушкам, угостила конфетами из черной патоки и велела возвращаться к матушке. Мне хотелось поскорее стащить с головы чудовищное произведение шляпного искусства, и я уже подняла руку, как вдруг увидела, что мать девочек стоит за соседним деревом – и, вполне возможно, стояла там с самого начала.

– Ой, это вы! – Я подтянула треклятую шляпку повыше и прижала обвисшие поля пальцем, чтобы не закрывали обзор. – Миссис Бэйкон! Я вас и не заметила.

– Здравствуйте, миссис Фрейзер! – Щеки Полли Бэйкон заливал нежный румянец. От осенней прохлады, не иначе. Она поджала губы, но глаза под таким же благообразным чепцом искрились неудержимым весельем. – Девочки хотели вручить вам подарок, – сказала она, тактично отведя взгляд. – Моя свекровь прислала еще кое-что.

Перспектива очередного подношения от бабушки Бэйкон не вызывала во мне бурной радости, однако я вежливо приняла протянутый сверток – небольшой мешочек из промасленного шелка, плотно набитый чем-то сладко пахнущим. На ткани красовался грубоватый чернильный рисунок, изображавший зонтичное растение на длинном прямом стебле. Что-то смутно знакомое... Так и не вспомнив название, я развязала веревку и высыпала себе на ладонь несколько мелких темно-коричневых семян.

– Что это? – спросила я, озадаченно глядя на Полли.

– Я не знаю английского названия. Индейцы называют это растение «дауко». Бабуля Бэйкон говорила, что ее собственная бабушка была знахаркой из племени катоба. От нее она и узнала об этих семенах.

– Вот как? – Я заинтересовалась. Неудивительно, что рисунок выглядел таким знакомым, – это то самое растение, которое мне показывала Найавенна. Женская трава. На всякий случай я все-таки уточнила: – И для чего их используют?

Румянец на щеках Полли вспыхнул еще ярче, и она быстро глянула по сторонам. Убедившись, что рядом никого нет, Полли склонилась ко мне и зашептала:

– Эта трава не дает зачать ребенка. Принимать надо каждый день, по чайной ложке на стакан воды. Каждый день! И тогда мужское семя не сможет осесть у женщины в утробе.

За прежним шутивным весельем в ее глазах скрывалось что-то куда более серьезное.

– Бабушка сразу распознала, что вы колдунья. И что вам наверняка часто приходится помогать женщинам. И с выкидышами, и с мертворожденными, и с родильной горячкой, или если здоровенькие детки вдруг умирают... Она велела сказать вам: лучше перестраховаться, чем потом жалеть.

– Передайте свекрови мою благодарность, – искренне ответила я. Как правило, ровесницы Полли успевали родить по пять-шесть детей, а у миссис Бэйкон было всего две дочки, и роды не подорвали ее здоровье. Значит, семена и вправду помогли.

Полли кивнула и широко улыбнулась.

– Хорошо, передам. А еще она велела сказать, что про женское колдовство нельзя рассказывать мужчинам. Так ей бабушка наказывала.

Я задумчиво обернулась в сторону лагеря, где Джейми вел беседу с Арчи Хэйзом. Сонный Джем сидел у деда на руках. Да, пожалуй, некоторым мужчинам снадобье бабушки Бэйкон придется не по нраву. Интересно, Роджер из их числа?

Распрощавшись с Полли, я отнесла сундук с лекарствами к нашему навесу и спрятала мешочек с семенами. Отличное дополнение к моей коллекции, если верить Найавенне и бабушке Бэйкон. К тому же подарок пришелся как нельзя вовремя, аккуратно после нашего утреннего разговора с Бри. Даже стопка кроличьих шкурок не шла с ним ни в какое сравнение, хотя шкуркам я тоже была очень рада.

Кстати, куда они делись?.. Я принялась перебирать вещи, вполуха прислушиваясь к разговору между Джейми и лейтенантом. Ага, вот они, под парусиной. Надо сложить в короб из-под припасов, чтобы не потерялись по дороге домой.

– ...Стивен Боннет.

Имя обожгло, как укус пчелы, и я уронила крышку корзины. Быстро оглядела лагерь, убедившись, что Брианны и Роджера не было поблизости. Джейми стоял ко мне спиной, но имя Боннета произнес именно он.

Я стащила с головы чепец, повесила его на ветку и решительно подошла к мужу.

* * *

Мужчины сразу прекратили разговор. Лейтенант Хэйз с невозмутимым выражением лица еще раз поблагодарил меня за хирургическую помощь и поспешил откланяться.

– Что там со Стивеном Боннетом? – спросила я, едва Хэйз отошел на приличное расстояние.

– Именно об этом я и спрашивал, саксоночка. Чай уже заварился? – Джейми шагнул к костру, но я ухватила его за руку.

– Зачем? – уточнила я, не разжимая хватки.

– Хочу разузнать, где он. – Джейми отвечал спокойно и даже не пытался увилить; мое сердце сжалось от страха.

– Хэйз что-то про него рассказал?

Джейми только покачал головой. Он не лгал, и мои пальцы разжались от накатившего облегчения. Джейми высвободил руку – без злости, но с отчужденностью.

– Нет, это мое дело! – объявила я, отвечая на невысказанные слова. Я старалась говорить тихо и постоянно поглядывала по сторонам. Роджера в лагере не было, а вот Бри стояла у костра, беседуя с Багами, – пожилой четой, которую Джейми нанял для присмотра за хозяйством. – Зачем ты его ищешь?

– Хочу знать, откуда может нагрянуть беда.

Он посмотрел на кого-то через мое плечо, улыбнулся и кивнул. Я оглянулась: Фергус как раз подошел к костру, пряча покрасневшую от холода руку под мышкой, и радостно помахал нам своим крюком. Джейми махнул в ответ, потом развернулся ко мне, давая понять, что мы заняты беседой.

У меня похолодело внутри, будто в сердце вонзилась острая льдина.

– Разумеется, – сказала я, стараясь сохранять хладнокровие. – Ты хочешь выяснить, где находится Боннет, потому что тогда тебе будет проще его избегать.

По лицу Джейми мелькнула едва уловимая улыбка.

– Именно так, – ответил он.

Учитывая плотность населения Северной Каролины и уединенное расположение Фрейзер-Риджа, шанс на случайную встречу с Боннетом был ничтожно мал – с таким же успехом можно искать медузу на горной вершине. И Джейми прекрасно все понимал.

Я сердито прищурилась, заметив, как дрогнули уголки его губ, однако вскоре взгляд Джейми вновь стал серьезным. Причина, по которой он искал Стивена Боннета, была отлично мне известна.

– Джейми, – начала я, взяв его за руку, – не надо. Пожалуйста.

Он стиснул мои пальцы в ответ, но этот жест не принес никакого утешения.

– Не тревожься, саксоночка. Я всю неделю расспрашивал народ на Сборе – сюда съехались все, от Галифакса до Чарльстона. Про Боннета никто не слышал.

– Вот и хорошо. – Господи, все это время Джейми усердно разыскивал Боннета, а мне не сказал ни словечка. И даже не пообещал прекратить поиски.

– Милый, не надо, – повторила я, глядя ему в глаза. – У нас и так слишком много забот, зачем ты еще одну беду накликаешь?

Он придвинулся вплотную, всем своим видом показывая остальным, что мы заняты исключительно друг другом. Я чувствовала исходящую от него силу: крепкое плечо шевельнулось под моей ладонью, бедро коснулось ноги. Благодаря этой силе, острому уму и целеустремленности стального снаряда, Джейми было невозможно сбить с намеченного курса.

– Говоришь, твое дело? – В вечернем свете его глаза казались бледно-голубыми. – Вот и помоги мне с ним разобраться.

Кровь застыла у меня в жилах, к горлу подступила паника. Черт подери, он и вправду собирался отыскать Боннета! И повод для этого мог быть только один.

Я потянула Джейми за собой и развернулась к костру; прижалась крепче, переплела наши руки. Брианна, Марсали и Баги увлеченно слушали Фергуса, который что-то рассказывал, покрасневшись от холода и смеха. Джем с любопытством выглядывал из-за маминого плеча.

– Думать надо не о Боннете, а о них. – Я говорила тихо, но мой голос подрагивал от напряжения. – Этот мерзавец и так причинил нам слишком много боли.

– Да, горя мы хлебнули.

Джейми обнял меня еще крепче; жар его тела чувствовался даже сквозь одежду, однако голос был холодным, словно осенний дождь. Фергус украдкой посмотрел на нас, улыбнулся и продолжил свою историю. В его глазах мы, несомненно, выглядели как влюбленная пара, застывшая в порыве сиюминутной нежности.

– Однажды я позволил ему уйти, – пробормотал Джейми. – И это обошлось мне слишком дорого. По-твоему, я должен оставить его на свободе, зная, сколько зла он способен причинить людям? Все равно что выпустить бешеного пса на волю.

Твердые прохладные ладони сжали мою руку.

– Да, ты его отпустил, но потом Боннета снова арестовали. Не твоя вина, что он опять выскользнул из петли!

– Может, и не моя, – согласился Джейми, – а только я не позволю ему дальше творить разбой. Мой долг – остановить негодяя.

– Твой долг – заботиться о семье!

Он взял меня за подбородок и посмотрел в глаза долгим тяжелым взглядом.

– Думаешь, я допущу, чтобы с вами случилась беда?

Несколько мгновений я сопротивлялась его напору, а потом опустила плечи и закрыла глаза.

– Ты затеял опасную охоту, Джейми, – мягко сказала я. – Сам знаешь.

Он ослабил хватку, но не убрал руки; большой палец нежно скользнул по коже, обводя губы.

– Знаю, – прошептал он, и его дыхание коснулось моей щеки. – Я хороший охотник, Клэр. И ни за что не стану рисковать вами.

– Только самим собой? И что, по-твоему, случится, если...

Уголкем глаза я заметила, как Брианна повернулась в нашу сторону и радостно улыбнулась – видимо, решила, что крепкие объятия были проявлением родительской страсти.

– Ничего со мной не случится, – заявил он, стиснул меня изо всех сил и прервал все возможные возражения решительным поцелуем. Со стороны костра донеслись нестройные аплодисменты.

– *Encore!*¹¹ – крикнул Фергус.

– Ну уж нет, – яростно прошептала я в адрес Джейми. – Не желаю больше слышать имя Стивена Боннета!

– Все будет хорошо, – прошептал он в ответ и крепко сжал мои пальцы. – Поверь мне, саксоночка.

¹¹ Еще, опять – просьба повторить на бис (*фр.*).

Глава 11. Гордость

Роджер ушел, не оглядываясь, но мысли о семействе Финдли не покидали его, пока он пробирался сквозь кусты и примятую траву.

Старшие мальчики были светловолосыми, низкорослыми – хоть и выше матери – и широкоплечими. А девочки – темненькими, высокими, худощавыми; выразительные карие глаза они явно унаследовали от матери. Разница в возрасте между сыновьями и дочерьми миссис Финдли явно указывала на то, что Джоан овдовела и вышла замуж во второй раз. И, судя по всему, снова осталась вдовой.

Может быть, стоило рассказать о ней Брианне. Еще одно подтверждение того, что супружество и вынашивание детей не означало смертной угрозы для всякой женщины. Нет, решил Роджер, лучше пока не трогать эту тему.

Помимо Джоан и ее отпрысков, Роджер продолжал вспоминать спокойные ясные глаза Иэна Мора. «Сколько же ему лет?» – думал Роджер, цепляясь за сосновую ветку, чтобы не скатиться кубарем вниз по склону. Так сразу и не определишь; бледное изможденное лицо покрывали морщины – не от возраста, а от боли и мук. По телосложению он напоминал двенадцатилетнего ребенка, но при этом Иэн Мор был явно старше своего тезки, Иэна Ога, которому уже исполнилось шестнадцать.

Возможно, он был моложе Джоан, хотя тут точно не угадаешь. Она обращалась с братом уважительно и с большим почтением; привела к нему Роджера, представляя гостя главе семьи. Значит, не сильно моложе – примерно тридцать или около того.

Господи, как же Иэн Мор смог дожить до тридцати в такие суровые времена?.. С другой стороны, Роджер успел заметить, как одна из девочек пробралась под импровизированный навес с миской молочного пудинга и присела около изголовья дяди, зажав в кулаке ложку. Иэна Мор не мог пошевелить даже пальцем – семья заменяла ему руки и ноги.

Сердце Роджера сжалось от горькой радости и сострадания, а потом ухнуло вниз, стоило ему вспомнить слова Джоан.

Он сделает все, чтобы ее сыновья вернулись домой. Но если случится непоправимое, то миссис Финдли останется с двумя маленькими дочерьми и беспомощным братом. Есть ли у них кров над головой?

После утреннего чтения губернаторской прокламации горцы без устали обсуждали регуляторов. В учебниках по истории об этом движении не было сказано ни слова, значит, вся затея с ополчением вряд ли закончится вооруженными стычками. А если им все-таки придется вступить в бой, то Роджер постарается уберечь Иэна Ога и Хью Финдли от смерти. И проследит за тем, чтобы им досталось вознаграждение от губернаторских щедрот.

Роджер подошел к лагерю Иокасты, который больше походил на маленькую деревню с десятками повозок, шатров и навесов. Для подготовки к двойной свадьбе Иокаста прихватила с собой почти всех рабов из поместья и несколько трудяг с плантации. Помимо скота, табака и товаров на продажу всюду стояли сундуки с одеждой и постельным бельем, блюда, складные столы, бочки с элем и горы еды для свадебного пиршества. Утром Роджер позавтракал у Иокасты вместе с Бри; угощение подавали на фарфоровых тарелках, расписанных розочками: ломтики сочной ветчины, утыканные головками гвоздики, сладкая овсяная каша со сливками, консервированные фрукты, свежие кукурузные лепешки с медом, ямайский кофе... От воспоминаний желудок Роджера свело сладостной болью.

Контраст между кричащей роскошью Иокасты и нищетой семьи Финдли оказался слишком разительным. Неожиданно для самого себя Роджер повернул обратно и направился к миссис Кэмерон.

Ему удалось застать ее на месте – перепачканные грязью ботинки стояли перед входом в шатер. Несмотря на слепоту, Иокаста наносила дружеские визиты в сопровождении Дункана или своего чернокожего дворецкого Улисса. Чаще, конечно, она приглашала горцев к себе, и в ее шатре целыми днями толклись гости – шотландцы с Кейп-Фира и из остальной части колонии.

Кажется, Роджеру повезло застать ее в одиночестве. Она сидела, откинув голову на спинку плетеного кресла; на ногах красовались домашние тапочки – минутка отдыха в середине бурного дня. Ее служанка, Федра, устроилась у входа, склонившись над охапкой синей ткани с иголкой в руках.

Иокаста заметила Роджера первой, резко выпрямилась и повернула голову, едва он коснулся полога шатра. Федра запоздало оторвалась от шитья – ее отвлекло не столько появление Роджера, сколько движение госпожи.

– Мистер Маккензи. Это же вы, Дрозд, верно? – спросила миссис Кэмерон с улыбкой.

Он рассмеялся и, пригнувшись, шагнул внутрь.

– Верно. Как вы меня узнали, миссис Кэмерон? Я ведь еще ни словечка не сказал, да и петь пока не начал. Неужели у меня даже дыхание музыкальное?

Брианна говорила ему, что из-за слепоты у тетушки необычайно хорошо развиты другие органы чувств, но Роджер все равно удивился остроте ее восприятия.

– Услышала шаги, потом почувяла запах крови, – невозмутимо пояснила она. – Рана опять начала кровоточить? Сядьте-ка, голубчик. Чаю или, может, глоточек виски? Федра, будь так добра, принеси мне кусок чистой ткани.

Роджер невольно потянулся к горлу. В дневной суете он успел напрочь забыть о порезе. Иокаста оказалась права: рана снова вскрылась, и теперь шею и воротник рубашки покрывали потеки спекшейся крови.

Федра вскочила со своей скамьи и принялась складывать на поднос пирожные и печенье. Если бы не трава под ногами, можно было решить, что они собираются пить чай в гостиной у миссис Кэмерон, прямо в поместье. Сама хозяйка куталась в простой шерстяной арисэд, зато брошь, служившая ей застежкой, была украшена дымчатым топазом.

– Ничего страшного, – попытался отмахнуться Роджер, но Иокаста забрала у служанки тряпку и настояла на том, что промоет порез своими руками. Пальцы у нее были прохладными и на удивление ловкими.

От Иокасты пахло дымом, как и от остальных горцев на Сборе, и крепким чаем, хотя Роджер всегда думал, что пожилые леди пахнут камфарой и затхлостью.

– Ай-яй-яй, и на рубашку попало! – сообщила она, неодобрительно ошупав жесткую ткань. – Постирать ее? Правда, до вечера высохнуть не успеет, придется надевать мокрую.

– Нет, мэм, спасибо, у меня есть другая. Для свадьбы.

– Тогда ладно.

Федра принесла маленький флакончик лечебной мази; Клэр постаралась – Роджер узнал запах лаванды и желтокорня. Иокаста почерпнула мазь и аккуратно нанесла на рану, придерживая Роджера за подбородок.

Несмотря на возраст, лицо Иокасты оставалось ухоженным и нежным, хотя было заметно, что она любит прогулки на свежем воздухе. Щеки горели румянцем; вблизи Роджер различал паутинку тоненьких алых веночек, придававшую миссис Кэмерон бодрый и цветущий вид. На руках Иокасты не было ни одного старческого пятна – да и неудивительно, она всю жизнь носила перчатки, – но суставы припухли, а на ладонях остались едва заметные мозоли от поводов. Истинная дочь Леоха, не какой-нибудь оранжерейный цветок.

Разобравшись с порезом, Иокаста провела рукой по голове Роджера, вытащила сухой листик, застрявший в волосах, потом быстро отерла лицо влажной тканью, умудрившись застать его врасплох. Наконец отбросила тряпку и взяла Роджера за руку.

– Так-то лучше. Теперь вы выглядите подходящим образом, мистер Маккензи. Расскажите, что вас привело? Дела или просто заглянули на огонек?

Федра поставила рядом с Роджером поднос с чаем и пирожными, но Иокаста не выпустила его руки. Он подивился такой странности; что ж, ладно, в доверительной обстановке будет легче начать непростой разговор.

Роджер рассказал все как есть. Ему доводилось слышать, как преподобный отец призывал состоятельных людей к благотворительности: нужно просто изложить факты и оставить окончательное решение на совести слушателя.

Меж бровей Иокасты залегла морщинка. Роджер ожидал, что она примется раздумывать над его просьбой, однако пожилая леди ответила сразу:

– Да, я знаю Джоани Финдли и ее брата. Она похоронила мужа два года назад – беднягу унесла чахотка. Джейми Рой как раз вчера мне про нее рассказывал.

– Ясно... – Роджер почувствовал, что совершил глупость.

Иокаста кивнула и откинулась на спинку кресла, поджав губы.

– Помощь я, конечно, могу предложить, – пояснила она, – да ведь дело не только в этом. Джоан Финдли – женщина гордая. Не потерпит снисхождения и благотворительности.

В голосе Иокасты прозвучал легкий упрек. Роджеру следовало подумать об этом самому, а он поддался секундному порыву, пораженный видом чужой нищеты. Единственное, что осталось у Джоан Финдли, – гордость. Разумеется, она дорожит ею больше всего на свете.

– Понимаю, – медленно произнес он. – Но неужели нельзя помочь, никого не обидев?

Иокаста склонила голову в одну сторону, потом в другую – и эта манера показалась Роджеру странно знакомой... Ну конечно! Погрузившись в раздумья, Бри делала точно так же.

– Вполне возможно, – наконец сказала миссис Кэмерон. – Сегодня вечером, после свадьбы, будет праздник. Семья Финдли тоже придет туда и наестся досыта. И если Улисс даст им с собой в дорогу остатки еды, то никто не станет возражать. Ведь иначе припасы испортятся... – Она улыбнулась, потом снова крепко задумалась. – Священник! – неожиданно объявила миссис Кэмерон.

– Священник? Отец Донахью?

Иокаста вздернула темную блестящую бровь.

– А у нас здесь есть другие?

Она подняла руку в призывном жесте, и Федра тут же поспешила к хозяйке.

– Мисс Ио?

– Перебери-ка одежду в сундуках, милая. – Иокаста положила ладонь на руку служанки. – Отложи несколько одеял, чепцов, пару фартуков, штаны и рубашки попроще... конюхам они не понадобятся.

– И чулки, – быстро добавил Роджер, вспомнив грязные босые ноги младшей Финдли.

– И чулки, – кивнула Иокаста. – Что-нибудь незамысловатое, но из хорошей шерсти и без прорех. Мой кошель у Улисса; возьми у него десять шиллингов – нет, стерлинг – и заверни деньги в фартук. Упакуй все вместе, передай сверток отцу Донахью и скажи, что это для Джоан Финдли, только пусть не рассказывает, от кого. Он разберется.

Она удовлетворенно кивнула и отпустила служанку, взмахнув рукой:

– Ступай.

Федра без возражений поспешила выполнять указания миссис Кэмерон. Остановилась всего на мгновение, чтобы встряхнуть и аккуратно сложить синюю вещицу, над которой она трудилась, когда Роджер зашел в шатер. Это был корсаж свадебного платья Брианны, расшитый кружевом и лентами. Перед глазами Роджера встал образ Бри: пышная белая грудь над низким декольте темно-синего платья – и он с огромным трудом заставил себя вернуться к разговору.

– Прошу прощения, мэм...

– Я спросила: этого достаточно? – Иокаста хитро улыбнулась, словно прочитав мысли Роджера. Глаза у нее были синими, как у Джейми и Брианны. Они глядели ему в лицо, и у Роджера складывалось жутковатое впечатление, что, несмотря на слепоту, Иокаста видит его насквозь.

– Да, миссис Кэмерон. Вы очень добры.

Роджер хотел встать и попрощаться с хозяйкой, но вместо того, чтобы отпустить его руку, Иокаста стиснула пальцы крепче, удерживая гостя на месте.

– Не торопитесь. Мне надо кое о чем поговорить с вами, молодой человек.

Роджер откинулся на спинку и приготовился слушать.

– Конечно, миссис Кэмерон.

– Я не знала, стоит ли заводить этот разговор сейчас или лучше подождать, пока все закончится... но раз уж вы оказались со мной наедине...

Она решительно склонилась к нему.

– Моя племянница сказала вам, что я хочу оставить поместье ей?

– Да.

Он снова насторожился. Брианна не стеснялась в выражениях, когда рассказывала ему о предложении Иокасты, – и ее мнение об этой затее было весьма однозначным. Роджер приготовился повторить все возражения в более тактичной форме.

– Я уверен, что моя жена глубоко польщена той честью, которую вы ей оказали, миссис Кэмерон, – осторожно начал он, – но...

– Неужели? – сухо перебила Иокаста. – А так и не скажешь. Впрочем, вы ее муж, вам лучше знать. В любом случае я изменила свое решение и хотела бы сообщить ей об этом.

– Думаю, она будет...

– Я поручила Джеральду Форбсу составить завещание, согласно которому «Горная река» достанется Джеремае.

– Дже... – Роджер не сразу осознал, о ком идет речь. – Подождите, вы про малыша Джемми?

Во время разговора Иокаста склонялась вперед, словно хотела заглянуть в глаза, но теперь наконец отодвинулась и кивнула, по-прежнему не выпуская его руку. Она не видела его лица, понял Роджер, и пыталась понять реакцию с помощью прикосновения.

Бог с ней, пусть прислушивается к своим пальцам. Новость была такой ошеломляющей, что Роджер не нашелся с ответом. Ох, что скажет Бри?

– Да. – Иокаста любезно улыбнулась. – Когда женщина выходит замуж, вся ее собственность достается мужу. Можно, конечно, устроить так, чтобы она могла сама распоряжаться богатством, но это слишком сложно, и я не хотела бы лишний раз привлекать законников. Зачем обращаться в суд, если можно решить дело миром, правда, мистер Маккензи?

С глубоким удивлением Роджер понял, что его пытаются оскорбить. И не просто оскорбить – ему выносят предупреждение. Иокаста думала... она решила, что Роджер охотится за предполагаемым наследством Брианны, и предупреждала, чтобы он не пытался прибегнуть к юридическим хитростям. От шока и ярости язык прилип к небу, однако через некоторое время Роджер все-таки заговорил.

– Господи, да это же... Значит, вы переживаете за оскорбленную гордость Джоан Финдли, а мою не ставите ни в грош? Миссис Кэмерон, как вы смеете предположить...

– Дрозд, вы хороши собой, – сказала она, стискивая его руку. – Я дотрагивалась до вашего лица, я знаю. И вы носите доброе имя Маккензи. Но в Шотландии много людей с таким именем. Среди них найдутся те, кто честен, и те, кто пойдет на любое преступление. Джейми Рой называет вас родичем – возможно потому, что вы обручены с его дочерью. А вот я не знаю, из какой вы семьи.

На смену шоку пришло желание громко расхохотаться. Не знает, из какой он семьи? Ха, конечно. И как теперь объяснить, что в шестом поколении он приходится внуком ее собственному брату Дугалу? Что он не просто племянник Джейми, но и племянник самой Иокасты – только находится на очень далекой ветке семейного дерева?

– На всем Сборе никто не знает про вашу родню, – добавила она, склонив голову набок. Как ястреб, следящий за жертвой.

Вот в чем дело. Она расспрашивала о Роджере своих знакомых, и никто не смог рассказать о его корнях. Разумеется, это вызвало волну подозрений.

Интересно, Иокаста думала, что он втерся в доверие к Джейми? Или что тесть замешан в этом темном деле вместе с ним? Нет, вряд ли. Бри упоминала, что миссис Кэмерон сначала собиралась оставить наследство Джейми, однако тот категорически отказался, не желая добровольно засовывать ногу в капкан. Роджер всегда считал его здравомыслящим человеком.

Прежде чем Роджер смог придумать достойный ответ, Иокаста с улыбкой похлопала его по руке.

– Вот я и решила оставить все малышу. Очень удобно. Брианна сможет распоряжаться деньгами, пока Джеремайя не достигнет совершеннолетия... при условии, что с мальчиком ничего не случится.

В голосе снова мелькнула угроза, хотя Иокаста продолжала улыбаться, не отводя от Роджера невидящих глаз.

– Что?! Да о чем вы вообще говорите? – Он вскочил со стула, но миссис Кэмерон продолжала удерживать его руку с поразительной для такой хрупкой старушки силой.

– За соблюдением моей воли будет следить Джеральд Форбс, для управления поместьем назначено трое попечителей, – объяснила она. – Если с Джеремаей случится беда, то поместье отойдет моему племяннику Хэмишу. – Лицо Иокасты было совершенно серьезным. – Вы не получите ни пенни.

Роджер стиснул ее пальцы так сильно, что послышался хруст костяшек. Пусть теперь читает его реакцию! Она охнула, но не разжала руки.

– Вы намекаете, что я могу причинить зло ребенку? – Он внезапно охрип.

Иокаста побледнела, стиснула зубы и подняла подбородок.

– Разве я так сказала?

– Вы уже много всего наговорили. И еще больше осталось несказанным. Как вы смеете обвинять меня в такой низости? – Он со злостью оттолкнул ее ладонь.

Иокаста медленно потерла покрасневшие пальцы и задумчиво поджала губы. Парусиновые стены шатра подрагивали на ветру.

– Если я ненароком вас обидела, то я должна извиниться, мистер Маккензи. Просто мне показалось, что так будет лучше.

– Лучше? Лучше для кого? – Роджер развернулся к выходу. Его обуревало желание расколотить напоследок все фарфоровые блюда с пирожными и печеньем, но он подавил это порыв огромным усилием воли.

– Для Джеремайи, – ровно сказала Иокаста у Роджера за спиной. – И для Брианны. И, может быть, даже для вас.

Он обернулся и пораженно уставился на миссис Кэмерон.

– Для меня? О чем вы?

Она дернула плечом.

– Если вы не сумеете полюбить чужого ребенка, то, быть может, хотя бы мысли о наследстве смягчат ваше сердце.

Слова застряли у Роджера в горле. Лицо пылало, кровь глухо стучала в висках.

– Не волнуйтесь, я все понимаю, – продолжала Иокаста. – Не всякий мужчина может питать нежные чувства к малышу, рожденному от другого...

Роджер резко шагнул вперед и схватил ее за плечи. Иокаста дернулась, заморгала, и в топазе на брошке отразился огонек свечи.

– Мадам, – очень тихо сказал он Иокасте в лицо, – мне не нужны ваши деньги. Моей жене тоже. А мой сын к ним даже не притронется. Так что засуньте свое наследство себе в зад!

Он развернулся и вылетел из шатра, задев плечом Улисса. Тот проводил его озадаченным взглядом.

Глава 12. Источник силы

В сгущающихся сумерках горцы бродили от костра к костру, как и в предыдущие дни Сбора, хотя в этот вечер на склоне горы царил совершенно иная атмосфера.

С одной стороны, перед отъездом всех охватила сладкая грусть; старых друзей и новообретенных возлюбленных ждало неизбежное расставание, а кому-то и вовсе не суждено было свидеться. С другой стороны, нарастало радостное предвкушение, желание поскорее вернуться домой, погрузиться в манящие прелести и опасности обратной дороги. Ко всему этому примешивалась усталость: дети капризничали, мужчины сгибались под грузом тяжелых хлопот, женщины были вымотаны бесконечной суетой у костра и стиркой – здоровый аппетит большого семейства приходилось удовлетворять, полагаясь на привезенные с собой припасы.

Я тоже поддавалась общим настроениям. За время Сбора я не только обзавелась новыми знакомствами и узнала множество сплетен – мне довелось испытать ни с чем не сравнимое счастье от встреч с пациентами, от изучения новых хворей, борьбы с недугами, которые были мне подвластны, и упрямых попыток спасти тех, кому нельзя было помочь. Это счастье ничто не могло отравить.

Тоска по дому росла с каждым днем – по просторному очагу с вертелом и глубоким котлом; по моему тихому и светлому кабинету с душистыми пучками крапивы и сушеной лаванды, развешанными под потолком. По мягкой чистой пуховой перине и льняным простыням, пахнущим розмарином и тысячелистником.

На мгновение я закрыла глаза, вспоминая свою уютную гавань, затем вновь вернулась на грешную землю к грязной сковороде с пригоревшими остатками овсяных лепешек; мокрой одежде, вымазанной в песке; опустевшим корзинам, в которых осталась краюха хлеба, заметно изгрызенная мышами, десять яблок и кусок сыра. В лагерь, где меня окружали три вопящих ребенка, одна измученная молодая мать с растрескавшимися сосками, одна взволнованная невеста, готовая впасть в панику перед свадьбой, одна бледненькая служанка, страдающая от менструальных болей, четыре нетрезвых шотландца и один нетрезвый француз, которые бродили туда-сюда, словно бессонные медведи зимой, и не собирались помогать мне упаковывать пожитки в дорогу... Тут низ живота скрутило резким спазмом, и я поняла, что вдобавок ко всему прочему у меня начались месячные – видать, за компанию с Лиззи. Слава богу, в последнее время эта беда случалась гораздо реже, чем раньше.

Я стиснула зубы, сняла холодные волглые тряпки с куста и поковыляла по тропе в сторону канавки, служившей отхожим местом для женщин нашего лагеря.

По возвращении меня встретила острая вонь пригоревшего металла. Я громко выругалась по-французски – среди врачей в «Обители ангелов» ходило много выразительных оборотов, поскольку под рукой зачастую не было других лечебных средств, кроме крепкого словца.

Марсали удивленно открыла рот. Жермен восторженно посмотрел на меня и повторил ругательство с утонченным парижским акцентом, без единой ошибки.

– Извини, – сказала я, с сожалением глядя на Марсали. – Кто-то забыл чайник на костре.

– Ничего страшного, матушка Клэр, – сказала она с глубоким вздохом и покачала на руках ревушую Джоани. – Отец учил его словечкам и похуже. У нас есть сухие тряпки?

Я уже оглядывалась по сторонам в поисках прихватки или щипцов, чтобы подцепить железную ручку, но на глаза попадались только мокрые подгузники и чулки. Чайники продавали далеко не на каждом углу, и я не собиралась выбрасывать хорошую кухонную утварь. Обернув ладонь подолом юбки, я подхватила чайник за ручку и сдернула с огня. Горячий металл мгновенно обжег пальцы сквозь влажную ткань, и я швырнула свою добычу прямо на землю.

– Merde!¹² – радостно повторил за мной Жермен.

– Полностью с тобой согласна.

Я засунула обожженный палец в рот. Чайник шипел и дымился на мокрой траве, и я пнула его, чтобы он откатился подальше в грязь.

– Merde, merde, merde, merde! – пропел Жермен на мотив песенки «Роза, роза», демонстрируя раннее пробуждение музыкального таланта, который, к сожалению, остался не оцененным.

– Ребенок, помолчи, – сурово сказала я.

Жермен не послушался. Джемми начал вопить в унисон с Джоан; Лиззи, вновь впавшая в тоску после ухода рядового Огилви, тихонько застонала в своем укрытии, а с неба посыпался град – крошечные белые льдинки ударялись о землю и били меня прямо по макушке. Я сняла мокрый чепец с ветки и нахлобучила его на голову, чувствуя себя сердитой жабой, нашедшей пристанище под необычайно уродливым грибом. Для полноты картины не хватало только бородавок.

Град закончился очень быстро. Как только стук льдинок слегка поутих, с тропы донеслись глухие шаги, и в лагерь вернулся Джейми в компании с отцом Кеннетом Донахью – ботинки заляпаны грязью, в волосах застряли редкие градины.

– Я привел отца поужинать вместе с нами, – сказал он и осмотрел поляну с широкой улыбкой.

– А вот и нет, – мрачно объявила я. Если Джейми решил, что я уже забыла про Стивена Боннета, то его ждало сильное разочарование.

Обернувшись на мой голос, Джейми увидел чепец и отшатнулся в притворном испуге.

– Саксоночка, ты ли это? – шутливо спросил он, склоняясь вперед и выразительно заглядывая под кружевные складки. Если бы рядом не было священника, я бы непременно заехала мужу коленом по какому-нибудь чувствительному месту, но в присутствии отца Донахью пришлось ограничиться испепеляющим взглядом а-ля горгона Медуза.

Джейми не заметил моих усилий, отвлекшись на Жермена, который пританцовывал вокруг нас и напевал французские ругательства на мотив песенки «Греби, греби на лодочке». Отец Донахью отчаянно краснел, делая вид, что не понимает ни слова.

– Tais toi, petit sot!¹³. – Джейми запустил руку в спорран.

Невзирая на дружелюбные интонации, говорил он голосом человека, который не потерпит никаких возражений. Жермен резко замолчал, разинув рот, и Джейми ловко кинул туда конфету. Малыш причмокнул и сосредоточился на угощении, сразу позабыв о песнях.

Я снова потянулась к чайнику, используя подол платья вместо прихватки. Джейми подобрал с земли крепкую ветку и ловко подцепил чайник за ручку.

– Voila! – сказал он.

– Merci, – ответила я без особой благодарности в голосе. Взяла палку и отправилась к ближайшему ручью; дымящийся чайник воинственно покачивался впереди, как копьё.

Отыскав среди валунов небольшое озерцо, я швырнула палку в воду, сорвала с головы чепец и принялась яростно втаптывать его в осоку. На ткани оставались отпечатки грязных ног.

– Ну что ты, саксоночка, чепчик был не такой уж и страшный, – раздалось у меня за спиной.

Я сурово подняла бровь.

– Хочешь сказать, мне идет?

– Нет, ты в нем похожа на ядовитую поганку. Так гораздо лучше, – успокоил меня Джейми.

¹² Дерьмо (фр.).

¹³ Замолчи, дурачок (фр.).

И потянулся за поцелуем.

– Мне очень приятно твое внимание, – начала я ледяным голосом, и Джейми застыл в дюйме от моего рта. – Но если придвинешься поближе, то я точно тебя укушу.

Он выпрямился с превеликой осторожностью, будто отодвигаясь от осинового гнезда, а потом медленно и аккуратно убрал руки с моей талии.

– Ясно, – сказал он. Склонил голову набок, разглядывая меня. – Вид у тебя слегка задерганный, саксоночка.

Против правды ничего не попишешь, но стоило ему произнести эту фразу, как мне тут же захотелось разрыдаться. По всей видимости, это желание четко отразилось на моем лице: Джейми очень бережно взял меня за руку и отвел к большому валуну.

– Присядь-ка. Закрой глаза на минутку, а *nighean donn*¹⁴. Отдохни.

Я послушно села, опустив веки. Рядом со мной раздался плеск и приглушенный звон: Джейми отмывал пригоревшее железо.

Потом он с тихим стуком поставил наполненный чайник у моих ног и опустился рядом на сухие листья. Тишину нарушало только его дыхание, шмыганье и шорох одежды, когда Джейми потянулся утереть нос рукавом.

– Прости, – сказала я наконец и открыла глаза.

Он с улыбкой повернулся ко мне.

– За что, саксоночка? Ты же не отказываешься делить со мной постель... во всяком случае, я надеюсь, до этого не дойдет.

Мысли о супружеском долге не вызывали у меня никакого интереса, но я нашла в себе силы улыбнуться в ответ.

– Мы уже две недели спим на голой земле. Сейчас я готова делить постель с кем угодно, лишь бы на нормальной кровати.

Брови Джейми поползли вверх, и я рассмеялась.

– Прости, – снова сказала я. – Издергалась что-то.

Низ живота вновь скрутило от боли, и я поморщилась, прижимая руки к паху.

– Вот оно что! – Джейми внезапно осенило. – В этом смысле...

– Ага, в этом, – согласилась я. Ткнула чайник ногой. – Надо отнести его в лагерь. Хочу вскипятить воду да заварить немного ивовой коры. Она долго настаивается.

На приготовление настоя уйдет не меньше часа; к тому времени боль заметно усилится.

– Да плюнь ты на ивовую кору, – объявил Джейми и достал из-за пазухи серебряную фляжку. – Попробуй. Это, по крайней мере, кипятить не надо.

Я открутила пробку и принялась – виски, причем очень хороший.

– Я тебя люблю, – искренне сообщила я, и он рассмеялся.

– Я тебя тоже люблю, саксоночка. – Джейми ласково коснулся моей ноги.

Отпив глоточек, я позволила янтарной жидкости медленно прокатиться по горлу. Терпкий аромат поднялся вверх, пощекотал слизистую, потом опустился в желудок и растаял ласковым облачком, согревая и прогоняя боль.

– О-о-о, – выдохнула я и сделала еще один глоток. Даже зажмурилась, чтобы лучше оценить вкус. Один знакомый ирландец когда-то сказал мне, что по-настоящему хороший виски может поднимать мертвых. Склонна с ним согласиться.

– Чудесно, – сообщила я, открыв глаза. – Где достал?

Скотч двадцатилетней выдержки – куда лучше того алкоголя, который Джейми перегонял позади нашего дома.

– У Июкасты. Хотел сделать свадебный подарок Брианне и ее жениху, но тебе он пригодится больше.

¹⁴ Темноволосая (гэльск.).

– Это уж точно.

Мы сидели в уютном молчании, я прихлебывала виски, и желание убивать всех, кто попался мне на глаза, постепенно шло на убыль – пропорционально жидкости, плескавшейся внутри фляжки.

Дождь затих, с деревьев то и дело срывались редкие капли. Неподалеку от ручья росло несколько елей, и до нас доносился острый горьковатый запах смолы вперемешку с запахом палой листвы, коптящих костров и влажной одежды.

– С твоей последней менструации прошло три месяца, – задумчиво сказал Джейми. – Я думал, больше уже не будет.

Меня всегда поражало то, как внимательно он замечал такие вещи, но, наверное, от фермера не стоило ожидать ничего иного. Джейми знал гинекологические особенности и циклы течки всех своих коров, овец и свиней – вряд ли я составляла исключение из списка просто потому, что меня не надо было водить на случку.

– Это тебе не краник, который можно закрыть, знаешь ли, – раздраженно заметила я. – Сначала месячные теряют регулярность, потом постепенно сходят на нет. Точное время никто не скажет.

– Понятно.

Он наклонился и сложил локти на коленях, провожая взглядом веточки и листву на поверхности ручья.

– Я думал, без них легче будет. Меньше мороки. Разве не так?

Пришлось прикусить язык, чтобы не провести обидное сравнение на тему секса и различных телесных жидкостей.

– Может, и будет, – сказала я. – Обязательно поделюсь с тобой впечатлениями.

Джейми улыбнулся, однако заметил мое раздражение и мудро воздержался от дальнейших рассуждений на эту тему.

Я снова глотнула виски. По лесу эхом разнесся резкий крик дятла, потом наступила тишина. В такую погоду все птицы старались забиться в укрытие, хотя чуть ниже по руслу ручья раздавалось деловитое покрякивание перелетных уток. Они дождя не боялись.

Джейми неожиданно потянулся.

– Послушай, саксоночка...

– Что?

– Не знаю, правильно ли я поступил. Если неправильно, то должен просить у тебя прощения.

– Хорошо, – неуверенно ответила я. За что он собрался извиняться? Супружеская измена, скорее всего, тут была ни при чем, но вот остальные преступления исключать не стоило. Нападение, поджог, грабеж или богохульство? Господи, надеюсь, что это не связано с Бонннетом.

– Что ты наделал?

– Ничего, – смущенно ответил он. – Но я пообещал, что ты окажешь одну услугу.

– И какую же? – В моей душе зашевелились подозрения. – Если ты сказал Фаркуарду Кэмпбеллу, что я приеду с визитом к его сварливой матушке...

– Нет-нет, – поспешно перебил меня Джейми. – Ничего такого. Я пообещал Джосайе Бердсли, что сегодня ты удалишь ему гланды.

– Что-о-о? – Я вытаращила глаза. С Джосайей Бердсли я познакомилась день назад. У этого юноши был самый ужасный случай нагноения миндалин за всю мою практику; нарывы на аденоидах произвели на меня столь глубокое впечатление, что во время ужина я принялась рассказывать о них всем подряд – немного послушав, Лиззи позеленела и отдала свою вторую картофелину Жермену. Я упоминала, что от такой запущенной болезни поможет только хирургическое вмешательство, но не ожидала активной поддержки со стороны Джейми.

– Зачем? – спросила я.

Джейми откинулся назад и взглянул на меня.

– Он мне нужен, саксоночка.

– Для чего?

Джосайе было не больше пятнадцати лет. Сам он считал, что ему исполнилось четырнадцать, но точного года рождения не помнил – родители давно умерли и спрашивать было не у кого. Даже для четырнадцатилетнего парнишки он выглядел слишком мелким и тощим; ноги неестественно изгибались из-за рахита. Налицо были разнообразные паразитарные инфекции и какая-то болезнь легких – то ли туберкулез, то ли просто сильный бронхит.

– Будет у нас еще один арендатор.

– Я-то думала, что у тебя и так слишком много желающих.

Не просто думала, а точно знала. У нас не осталось ни пенни, хотя на Сборе Джейми удалось выручить достаточно, чтобы раздать почти все долги торговцам из Кросс-Крика: за скобяные товары, рис, инструменты, соль и прочие хозяйственные мелочи. Да, нам принадлежал обширный надел земли, большую часть которого покрывали леса, но мы не могли помогать новым поселенцам – а ведь нужно было строить дома и возделывать поля. Не знаю, как мы справимся с Чишолмами и Макгилливреями – какие уж тут еще арендаторы?

Джейми только кивнул, отменяя все возражения.

– Ничего, Джосайя нам подходит.

– Хм, – неуверенно фыркнула я. Сомневаться не приходилось, парнишка был крепкий – иначе просто не дожил бы до своих лет.

– Предположим. Но другие подходят не меньше. Что в нем такого особенного?

– Ему четырнадцать.

Я удивленно изогнула бровь, и Джейми слабо улыбнулся.

– Все мужчины от шестнадцати до шестидесяти должны служить в ополчении, саксоночка.

У меня слегка похолодело в животе. Губернаторский приказ был еще свеж в памяти, однако я не успела как следует обдумать его последствия.

Джейми вздохнул и потянулся, хрустнув костяшками.

– Значит, ты выполняешь его распоряжение? Собираешь полк?

– Выбора нет, – просто ответил он. – Трион крепко держит меня за яйца. Не хочется ждать, пока он решит надавить.

– Этого я и боялась.

К несчастью, такое красочное описание ситуации было донельзя точным. Губернатору Триону понадобился верный и умный сторонник, чтобы обустроить поселения на дальних территориях в глубине материка, и он предложил Джейми королевское пожалование земли к востоку от границы колонии, без уплаты налога в течение десяти лет. Соблазнительное предложение, хотя и не настолько щедрое, как могло показаться на первый взгляд, – осваивать горные территории совсем нелегко.

Подвох заключался в том, что получить пожалование мог только белый мужчина старше тридцати лет, с незапятнанной репутацией и исповедующий протестантство. Джейми соответствовал всем требованиям, кроме одного – он был католиком. И Трион об этом знал.

Губернатор, как и всякий успешный политик, был готов промолчать о такой досадной мелочи ровно до тех пор, пока Джейми следовал полученным распоряжениям. В противном случае Триону довольно было отправить в Нью-Берн одно-единственное письмо, и всем Фрейзерам пришлось бы расстаться с Фрейзер-Риджем.

– Хм-м. То есть ты собираешься забрать из Риджа всех мужчин? Неужели никого нельзя оставить?

– У нас и так слишком мало людей, саксоночка. У Фергуса нет руки, и я могу оставить его присматривать за домом. Еще могу оставить мистера Уэмисса – все думают, что он находится в долговом рабстве, а в ополчении могут служить только свободные граждане.

– Свободные и здоровые. Значит, муж Джоанны Грант тоже останется. У него деревянная нога.

Джейми кивнул.

– Да, и Арч Баг. Старику уже не меньше семидесяти. Получается четверо мужчин – и примерно восемь мальчишек, которым не исполнилось шестнадцати лет. На тридцать домов и сто пятьдесят поселенцев.

– Женщины сумеют справиться с хозяйством сами, – сказала я. – Зимой не придется тревожиться о посевах и урожае. Да и с индейцами в последнее время все гладко.

Стягивая чепец, я случайно развязала ленту на косе. Теперь волосы выбивались в разные стороны и липли мне на шею мокрыми кудрявыми прядями. Я сняла ленту и попыталась собрать непослушную шевелюру в пучок.

– Но чем тебе так понравился Джосайя Бердсли? Один четырнадцатилетний мальчишка делу не поможет.

– Бердсли хороший охотник, – ответил Джейми. – Привез на сборище волчьи, оленьи и бобровые шкуры. Почти двести фунтов весом. Я и сам бы столько не смог добыть.

Похвала прозвучала искренне, и я закусил губу. Зимой шкуры были главным – да что там, единственным – источником дохода в горных поселениях. У нас не было денег – даже бумажных, тех, что стоили гораздо дешевле стерлинга. Если к весне мы не добудем достаточно шкур на продажу, то останемся без посевной кукурузы и пшеницы. Мужчинам предстояло провести большую часть зимы вдали от дома, гоняясь за регуляторами...

Большинство женщин в Ридже умели стрелять из ружья, однако почти никто из них не смог бы отправиться в лес, потому что дома оставались маленькие дети. Даже Бри, ловкая охотница, не могла покинуть Джема больше чем на полдня – слишком короткий срок для охоты на волка или бобра.

Я запустила руку во влажные волосы, прочесывая выбившиеся прядки.

– Ладно, я поняла, зачем он тебе понадобился. Но при чем тут удаление гланд?

Джейми взглянул на меня с улыбкой. Молча встал, зашел мне за спину и принялся твердой рукой собирать непослушные локоны. Вскоре мне на плечи легла толстая тугая коса. Он забрал у меня ленту и завязал аккуратный бантик.

– Готово. – Джейми снова устроился у моих ног. – Теперь можно и про гланды. Ты сказала, что парню надо делать операцию, иначе станет хуже.

– Это точно.

Джосайя Бердсли поверил мне на слово. Прошлой зимой нарыв, разросшийся в горле, почти задушил его, и мальчишка чуть не простился с жизнью. Повторения ему не хотелось.

– Ты единственный врач к северу от Кросс-Крика, – сказал Джейми. – Кто еще возьмется за такую работу?

– Да, но... – неуверенно начала я.

– Вот я и предложил парню сделку, – перебил он. – С меня кусок земли – мы с малышом Роджером поможем ему построить там хижину, – а с него половина всех шкур, которые будут добыты за следующие три зимы. Но мальчишка поставил еще одно условие: хочет, чтобы ты вырезала ему гланды.

– Почему сегодня? Не могу же я проводить операцию прямо тут! – Я махнула рукой в сторону мокрой лесной чащи.

– А почему нет? – Роджер приподнял бровь. – Ты сама говорила, что в ней нет ничего сложного. Несколько надрезов мелким ножичком.

Я раздраженно шмыгнула и потеряла костяшками нос.

– Не спорю, удалять гланды – не ноги ампутировать, но все равно... это не так-то просто! Операция действительно была несложной, а вот риск развития инфекции был слишком велик, и больному требовался тщательный уход – хоть какая-то замена антибиотикам.

– Не могу же я вырвать ему миндалины и отпустить на волю! Вот когда вернемся в Ридж...

– Он не собирается ехать туда вместе с нами, – перебил Джейми.

– Почему?

– Сказал, что надо дела уладить. Приедет к первой неделе декабря. Можно будет устроить его на чердаке в травяном сарайчике.

– То есть вы с ним рассчитываете, что я отрежу парню гланды, наложу пару швов и отпущу восвояси? – ехидно уточнила я.

– С собакой вышло неплохо, – ухмыльнулся Джейми.

– А, тебе уже рассказали.

– Еще как. И про мальчишку, который ударил себя топором по ноге, и про детей с молочной сыпью, и про больной зуб миссис Бьюкенен, и про то, как вы с Мюрреем Маклаудом поспорили о желчных протоках одного джентльмена...

– Да, утро выдалось непростое. – Я передернула плечами и глотнула виски.

– Саксоночка, о тебе говорит весь Сбор. Я как увидел, какая толпа собралась перед тобой на поляне, сразу вспомнил Библию.

– Библию? – Я не узнала отсылку, и Джейми ухмыльнулся еще шире.

– «Каждый старался дотронуться до него, – процитировал мой муж, – потому что от него исходила сила и исцеляла всех».

Я рассмеялась и тихонько икнула.

– Извините, сила временно закончилась.

– Не беспокойся, саксоночка, во фляжке еще осталось.

Вспомнив про фляжку, я протянула ее Джейми, но он покачал головой и глубоко задумался. Градины, застрявшие у него в волосах, успели растаять, и намокшие пряди легли на плечи тяжелыми бронзовыми лентами – сейчас Джейми походил на памятник какому-то воину, стоящий под дождем на парковой аллее.

– Ты согласна удалить парнишке гланды, когда он приедет в Ридж?

Я подумала пару мгновений и кивнула, сглотив неуверенность. Обычно я не бралась за такие операции, стараясь избегать лишнего риска, однако болезнь Джосайи была слишком запущенной, и если не вмешаться сейчас, то он в скором времени погибнет от постоянных воспалений.

Джейми удовлетворенно кивнул в ответ.

– Хорошо, я ему передам.

Несмотря на сырость, мои ноги наконец согрелись, и по телу растеклось тепло. Низ живота по-прежнему тянуло так, будто там образовался огромный валун, но я перестала обращать внимание на боль.

– Мне тут подумалось, саксоночка...

– О чем?

– Про Библию, к слову сказать.

– Ты сегодня целый день размышляешь о Священном Писании?

Джейми улыбнулся уголком губ.

– Да, вспомнилось. Когда ангел Господень принес Сарре весть о том, что через год у нее будет сын, Сарра не поверила и рассмеялась, потому что для нее миновало время, когда женщины могут иметь детей.

– Поверь мне, большинство женщин не стали бы смеяться в такой ситуации, – сказала я. – Иногда мне кажется, что у Господа весьма своеобразное чувство юмора.

Джейми сжимал в руке большой кленовый лист, отрывая от него по кусочку. Он опустил глаза, и я заметила, как дрогнули его губы.

– Мне тоже иногда так кажется, саксоночка. Так или иначе, ребенок у Сарры родился.

– Вряд ли стоит спорить с Книгой Бытия.

Я подумала, не отпить ли еще глоточек, потом решила оставить виски на черный день и закупорила фляжку. В лагере началась какая-то суэта, ветер доносил до меня отдельные фразы.

– Кто-то разыскивает Джейми Роя, – сказала я. – Опять.

Джейми обернулся, поморщился и остался сидеть на месте. По бледной шее расплзался румянец.

– Я к чему клоню, саксоночка, – продолжал он, старательно отводя глаза, – ты у меня не Мария, со Святым Духом не общалась, так что ребенка зачать можно только одним способом. Правильно?

– Насколько мне известно, да. – Я прикрыла рот ладонью, чтобы не икнуть снова.

– Значит... получается, что даже в старости Сарра по-прежнему делила постель с Авраамом?

Уши Джейми полыхали огнем, и я с запозданием поняла, зачем велась вся эта религиозная дискуссия. Вытянула ногу и потыкала его в бок.

– Ты решил, что я больше тебя не хочу?

– Сейчас же не захотела, – логично отметил он, не отводя глаз от истерзанного кленового листа.

– У меня болит живот – так, будто туда напихали битого стекла; я перемазана в грязи до колен, а через эти кусты скоро начнет ломиться стая ищеек, идущих по твоим следам, – сурово отрезала я. – Или ты предлагаешь предаться разврату прямо в куче мокрых листьев?

– Нет-нет, – торопливо ответил он. – Не сейчас, конечно. Я просто подумал... если вдруг...

Кончики ушей стали малиновыми. Джейми резко встал и принялся усердно отряхивать с килта сухие листья.

– Джейми Фрейзер, – начала я ровным тоном, – если бы я сейчас внезапно зачала ребенка, то твои яички давно бы жарились на шампуре над костром. – Я взглянула ему в лицо. – А что касается постели...

Он перестал отряхиваться и посмотрел на меня. Я выразительно улыбнулась, не скрывая своих намерений.

– Ты получишь то, что хочешь, как только мы окажемся рядом с нормальной кроватью.

– Хорошо. – Джейми глубоко вздохнул, будто все его тревоги развеялись. – Тогда ладно. Просто немного забеспокоился, знаешь ли.

Кусты вдруг громко зашуршали, ветви раздвинулись, и оттуда выглянуло худощавое и крайне взволнованное лицо мистера Уэмисса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.